

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования

«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт социологии и регионоведения

Центр Арменоведения

Н. В. Самарина

**ИЗДАТЕЛИ ИВАН АБРАМОВИЧ
И АРАМ ИВАНОВИЧ ТЕР-АБРАМИАНЫ
В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ. 1872–1912**

Монография

Ростов-на-Дону — Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2026

УДК 94(470.61-25):655.581Тер-Абрамианы`18/19`(035.3)
ББК 63.3(2)53+76.173(235.7)дТер-Абрамианы я44
С17

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культурология»
Донского государственного технического университета *Р. Г. Тикиджьян*;

кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных
отношений Южного федерального университета *М. В. Братолобова*

Самарина, Н. В.

С17 Издатели Иван Абрамович и Арам Иванович Тер-Абрамианы в Ростове-на-
Дону. 1872–1912 : монография / Н. В. Самарина ; Южный федеральный уни-
верситет. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федераль-
ного университета, 2026. — 212 с. : ил.
ISBN 978-5-9275-5206-1

Монография посвящена истории издательской деятельности отца и сына И. А. и А. И. Тер-Абрамианов, владельцев образцовой типолитографии в Ростове-на-Дону, как явления социокультурной истории города в конце XIX — начале XX века: охарактеризованы этапы ее развития и особенности каждого из них; впервые введен в научный оборот массив разноплановых публикаций газеты «Донская пчела»; издание справочных книг «Вся Донская область и Северный Кавказ» представлено как уникальная попытка создания информационной структуры для развития регионального рынка и формирования социальных связей. Для историков и краеведов, всех, интересующихся историей Юга России.

УДК 94(470.61-25):655.581Тер-Абрамианы`18/19`(035.3)
ББК 63.3(2)53+76.173(235.7)дТер-Абрамианы я44

ISBN 978-5-9275-5206-1

© Южный федеральный университет, 2026
© Самарина Н. В., 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. И. А. ТЕР-АБРАМИАН: АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ РОСТОВСКОГО ИЗДАТЕЛЯ	16
1.1. О происхождении редактора-издателя «Донской пчелы»	16
1.2. Работа в Армянском Халибовском училище в Феодосии. Сотрудничество с архимандритом Г. К. Айвазовским	18
1.3. Из Феодосии — в торговые города на Нижнем Дону. Обустройство в Ростове-на-Дону	23
1.4. Потомственный почетный гражданин: получение статуса	25
1.5. Формирование материальной базы издательской деятельности	29
ГЛАВА 2. ГАЗЕТА «ДОНСКАЯ ПЧЕЛА» И ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ И. А. и А. И. ТЕР-АБРАМИАНОВ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА И КРАЯ	39
2.1. Условия издания «Донской пчелы»	39
2.2. Читатели-корреспонденты и сотрудники редакции «Донской пчелы»	53
2.3. Социальные инициативы «Донской пчелы»	73
2.4. Календари-ежегодники И. А. Тер-Абрамиана. Издание книг	89
2.5. Издатель Арам Иванович Тер-Абрамиан	99
ГЛАВА 3. «ДОНСКАЯ ПЧЕЛА»: АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА	119
3.1. Два лика просветительской работы редактора-издателя «Донской пчелы»	119
3.2. «Донская пчела» об образовании и воспитании	130
3.3. Театральная и литературно-художественная критика «Донской пчелы»	147
3.4. «Донская пчела» у истоков диалога культур	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
ПРИМЕЧАНИЯ	187
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	209

«...Мы делали и будем впредь делать все, что только возможно при объясненных условиях, дабы поставить свою газету на почву самостоятельных и правдивых суждений, зная очень хорошо, что истина в данном случае играет гораздо большую роль, нежели лесть».

И. А. Тер-Абрамиан. 1885, декабрь

«Можно лишь сказать, что никакой честный труд не пропадает бесследно, могут его своевременно не оценить, но во всяком случае должно настать то время, когда по заслугам отдается и честь. Девиз “Донской пчелы” — трудиться, трудиться и опять трудиться и ждать, когда придет тот блаженный момент, когда она будет оценена по достоинству».

*С. Б. Каневский, секретарь редакции
«Донской пчелы». 1886, ноябрь*

ВВЕДЕНИЕ

Издательская деятельность И. А и А. И. Тер-Абрамианов в Ростове-на-Дону — практически забытый сюжет истории города в эпоху быстрого роста его экономики на рельсах капиталистического развития, стремительного увеличения числа жителей и превращения в крупной городской центр Российской империи. Между тем исследование этой и подобных ей тем может существенно уточнить представления о социокультурном развитии Ростова в годы его динамичного роста, о формах и направлениях его влияния на Приазовский край и его функциях как регионального городского центра. Возникновение и развитие в городе издательской деятельности, пионером которой следует считать И. А. Тер-Абрамиана, а продолжателем — его сына и наследника А. И. Тер-Абрамиана, является объектом данного исследования. Примерно три с половиной десятилетия своей работы они преследовали цель распространить влияние своих изданий на Приазовский край, хотя способы достижения цели у них были различны. Это не вполне осознанный историко-краеведческой литературой аспект влияния Ростова на регион, к нему тяготевший. Привычно писать об экономических функциях и влиянии: Ростов — региональный и международный купец, значимый центр европейского и российского рынков; город промышленных предприятий, производивших товары для регионального и российского рынков; центр притяжения тысяч мигрантов из разных мест Российской империи и т. д. Об образовательных и культурных учреждениях привычнее умалчивать: их немного, явно меньше, чем нужно, университет появился только в 1915 году, и тот эвакуированный. О дореволюционных газетах если и писали, то в пренебрежительном духе. В советской краеведческой литературе упоминался, например, торгашески-коммерческий дух акционерного «Приазовского края», о «Донской пчеле» до 2001 года и не вспоминали. Однако именно эти газеты при непредвзятом и системном анализе их содержания способны

представить Ростов как центр, где в течение ряда десятилетий издавались периодические издания с более или менее широкой просветительской программой для краевых читателей. Газету «Приазовский край» мне удалось представить как просветительский проект в научно-популярной серии «Жизнь замечательных нахичеванцев» [1].

Издательская деятельность отца и сына И. А. и А. И. Тер-Абрамианов в Ростове-на-Дону до настоящего времени не являлась объектом изучения в историко-краеведческой литературе. Ни газета «Донская пчела», выходившая в свет с февраля 1876 по август 1892 года под редакцией И. А. Тер-Абрамиана (еще год газету редактировал его сын), ни региональные справочные книги-ежегодники, издававшиеся в 1895–1912 годах А. И. Тер-Абрамианом, не были предметом внимания историков. «Донская пчела» в годы ее выхода в свет оценивалась исключительно сотрудниками других периодических изданий, преимущественно конкурентами, что накладывало отпечаток на суждения об издании и не позволяет считать их репрезентативными. Впрочем, оценивалась даже не сама газета, а ее редактор-издатель, который, не будучи православным великороссом, осмелился издавать в Ростове-на-Дону краевую газету. Оскорбительные выпады делались в первую очередь столичными сатирическими журналами во главе со «Стрекозой». Редактор-издатель «Донской пчелы», как правило, на подобные нападки не отвечал и не вступал в дебаты с г. Василевским (псевдоним Буква), редактором названного журнала. Однако в 1887 году в его защиту выступил секретарь редакции С. Каневский. Суть претензий, по Каневскому, заключалась в следующем: «12 лет почтенный Василевский ставит в укор редактору “Донской пчелы”, что он имеет трактир, 12 лет он упрекает его, что он армянин, но других, более серьезных преступлений он, при всем его желании, приписать ему не может. Правда, велико преступление быть армянином; в этом своем смертном грехе г. Тер-Абрамиан перед Василевским сознается, но в другом приписываемом ему преступлении он нисколько не виноват, ибо никогда трактирщиком не был. Хотя и быть таковым тоже не составляет преступления» [2]. Однако оценки «Стрекозы» оказались популярными у целого ряда публицистов, повторявших их в своих текстах.

Аналогичную систему оценок «Донской пчелы» и издательской работы И. А. Тер-Абрамиана, как и квазисатирический стиль изложения, встречаем

у С. Филиппова, автора очерков «Поволжье, Дон и Кавказ», изданных в Москве в 1887 году. Побывав в Ростове проездом и не более пары дней, а в Нахичеване вообще полтора часа, он увидел здесь то, что хотел увидеть. Филиппов описал Ростов, его обитателей, в том числе и редактора газеты, разбавляя крупницы правды собственными аллюзиями в духе национального превосходства, и умудрился оскорбить всех. Нахичевану «филиппик» досталось меньше, чем Ростову, видимо, по причине беглости самого осмотра [3]. Ростовский старожил Б. Камнев в своих театральных воспоминаниях, опубликованных в 1894 году «Приазовским краем», еще раз обвинил И. А. Тер-Абрамиана в том, что он завел кабак (тот же трактир) в имении, приобретенном у разорившегося М. Драшковича [4]. Все эти публикации не заслуживают серьезной историографической оценки. Впрочем, достаточно ярко описывая неблагоприятные условия издания «Донской пчелы», они помогают понять причины, по которым позднейшая оценка газеты как малоуспешной и малоинтересной так легко получила распространение.

Попытка объективно оценить издательскую деятельность И. А. Тер-Абрамиана была сделана публицистом журнала «Дело» И. Кольцовым, прожившим в Ростове несколько месяцев в 1882 году. Он собирал материал для написания очерка «С низовьев Дона. Путевые заметки». Опубликован очерк был в трех номерах названного журнала в том же 1882 году [5]. В этой объемной публикации, описывая экономическое развитие городов Нижнего Дона, автор не раз сослался на статистические сведения, опубликованные в «Донской пчеле» и в «Донско-Азовском календаре» — ежегоднике, издававшемся редактором газеты. Кольцову принадлежала и первая попытка определить направление «Донской пчелы»: «Подвести эту газету под какую-нибудь столичную “кличку” довольно трудно: она не представляет выдержанного либерального направления, но еще менее может быть отнесена к консервативному. Во всяком случае, г. Тер-Абрамиан принадлежит к тому слою ростовского населения, который понимает значение науки и печатного слова». Отметил столичный публицист как отзывчивость газеты ко всем явлениям местной жизни, так и ее малое влияние в торговом городе. Последнее он объяснил отсутствием в Ростове начала 1880-х годов развитой общественной жизни. Вместе с тем Кольцов описал умелое возбуждение газетой общественного интереса к вопросу о воскресном отдыхе приказчиков: «“Донская пчела” действовала в этом случае очень настойчиво и была

поддержана массою приказчиков. Но такие “вопросы” — редкое исключение» [6]. На начало 1880-х годов это была адекватная и непредвзятая оценка значения «Донской пчелы» как одной из провинциальных газет. Она же оказалась чуть ли не единственной объективной в дореволюционной периодической печати.

И. Кузнецов, публицист газеты «Приазовский край», в книге очерков «Прошлое Ростова», вышедшей в 1897 году, оценил «Донскую пчелу» как газету, которая «особенным успехом похвастаться не могла», хотя издавалась с 1876 по 1893 год. В контексте с этим было заявлено, что газета «Юг» (наследница «Донской пчелы», издававшаяся Минасом Балабановым и редактировавшаяся Иваном Камлюхиным), «несмотря на кратковременное свое существование, успела завоевать симпатии читателей» [7]. Явное и яркое противопоставление «Донской пчелы» с ее 17 годами малоуспешного издания и «Юга», сумевшего завоевать симпатии читателей всего лишь за пять месяцев выхода в свет, положило начало искажению роли и значения «Донской пчелы» в краеведческой литературе. Это тем более печально, поскольку в краеведении советской эпохи дореволюционная легальная печать не считалась объектом, достойным изучения. Переиздание очерков И. Кузнецова в начале 2000-х годов сделало его оценку газеты единственной, на которую можно было бы сослаться в научно-популярных текстах. И она закономерно воспроизвелась в публикациях начала XXI века.

И. Алексанов, сотрудник «Приазовского края» и фельетонист «Донской пчелы» с конца 1870-х по 1884 год, в некрологе И. А. Тер-Абрамиана проявил много большую объективность в оценке «Донской пчелы». Хотя он и отказался от оценки деятельности ее редактора, но назвал его пионером типографского дела в городе и «первым издателем частной газеты в такую именно пору, когда среди обывателей имелось очень смутное представление о печати». Он отметил несомненную заслугу «Донской пчелы» в деле установления воскресного отдыха приказчиков Ростова в 1882 году, которое затем получило распространение и в других городах края [8]. Последнее утверждение было не чем иным, как намеком на то, что влияние у газеты все же было и оно не ограничивалось городскими рамками.

Сотрудники «Приазовского края» в очерках, посвященных 25-летию его издания, пошли много дальше Кузнецова, умолчав о том, что «Донская

пчела» была, по крайней мере с 1882–1883 года и до конца издания, по структуре своих публикаций и по их содержанию газетой, ориентированной на отражение интересов и читательские запросы населения Приазовского края. Секретарь редакции Н. Мардарьев, перечислив все газеты, существовавшие в Ростове до выхода «Приазовского края», оценил их скопом и вполне однозначно: «Все эти периодические издания обслуживали почти исключительно Ростов и Нахичевань и дальше городской черты не имели распространения. К тому же содержание их ограничивалось собственно небольшим количеством телеграмм Северного Телеграфного Агентства да местной хроникой, которая подчас отличалась большими курьезами» [9]. Возможно, относительно «Ростовского-на-Дону листка объявлений» (издатель А. Холева, 1873–1892) такая оценка и была справедливой. Но вряд ли она применима к «Донскому полю» (редактор-издатель Ф. Траилин, 1889–1891). Газета, основанная известным казачьим публицистом, освещала темы и проблемы жизни донского казачества и по определению не могла быть ориентирована исключительно на жителей Ростова и Нахичевана. В еще меньшей степени оценка Мардарьева может быть отнесена к «Донской пчеле». Анализ структуры публикаций газеты и ее содержания по важнейшим аспектам просветительской программы редакции представлен в третьей главе монографии.

Еще более удивительным выглядит рассказ о начале издания «Приазовского края» в очерке А. Тарского, он же А. Б. Тараховский, влиятельный сотрудник редакции газеты, акционер и член правления Донского акционерного общества печатного и издательского дела (газета «Приазовский край»). Он заявил, что о начале газеты может сообщить лишь сведения, полученные им от самого первого секретаря редакции С. Краева, газетчика из Вильно, который решил сменить место деятельности и отправился на юг империи. Денег ему хватило, якобы, только до Ростова, где он вынужденно остановился. Далее Тарский воспроизвел прямую речь рассказчика: «Я увидел большой город, живой, бойкий, с несомненным блестящим будущим и несказанно удивился. <...> Ни в городе, ни в крае нет газеты! И вот я решил: останусь здесь. Буду голодать, буду оббивать пороги, кланяться в ноги капиталистам, но добьюсь издания ежедневной газеты». Краеву повезло: его познакомили с С. Х. Арутюновым, уже пытавшимся получить право на издание газеты; в это же время появилась возможность купить газету

у разорившегося издателя «Донского поля» Ф. Траилина. Передав рассказ Краева, Тарский никак не уточнил его заявление об отсутствии в городе и в крае газет до основания «Приазовского края» [10]. С. Краев, человек пришлый, мог не знать, по крайней мере на первых порах своего пребывания в Ростове, о выходивших здесь газетах; Тараховский, работавший в эти годы в «Таганрогском вестнике», не знать не мог. Его умолчание выглядит странно, но не удивительно. Особенно после основательного знакомства с текстами газеты, о существовании которой было так кстати забыто. А. Б. Тараховский не раз за годы своей продолжительной работы в «Приазовском крае» писал об уникальности издательского проекта С. Х. Арутюнова и во всех перипетиях издания газеты был верным сторонником Серафима Христофоровича. Понять Тараховского можно, но вряд ли простить, решая задачу восстановления генезиса просветительских изданий в Ростове и в Приазовском крае.

Среди дореволюционных публикаций, характеризовавших содержание «Донской пчелы», необходимо упомянуть и библиографию газетных статей по истории Ростова и Приазовья. Составлена она А. Т. Стефановым и опубликована двумя частями в первом и втором томах «Записок Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы». В кратком предисловии к библиографии автор отметил «невозможность иметь в своем распоряжении газеты и журналы за все время и издания». Ему пришлось ограничиться комплектами «Донской пчелы» за 1886–1888 годы, «Таганрогским вестником» за 1890 и «Приазовским краем» за 1892–1897 годы. Статьи систематизированы автором по четырем разделам: 1) археология, история, нумизматика, биографии и некрологи; 2) этнография, статистика, естествознание, медицина; 3) экономика и городское хозяйство; 4) народное образование и общественная жизнь [11]. Первые две части указателя вошли в первый том «Записок», изданный в 1912 году, а 3-я и 4-я части опубликованы в 1914 году во втором томе. Оценивая это библиографическое описание, отмечу, что автор, основываясь на той базе данных, которая была в его распоряжении, сделал все возможное, чтобы представить содержание газет по заявленной им тематике. А содержательные упущения во многом определялись указанной выше систематизацией. Видимо, он занимался поиском номеров газет и за другие годы издания. Во второй части указателя находим статьи из отдельных номеров «Донской пчелы» за 1876, 1890 и 1891 годы, ссылки на

тематические публикации «Донской речи» 1890-х годов, в период издания ее в Новочеркасске [12]. Даже ограниченный перечень статей «Донской пчелы», который приведен в библиографии Стефанова, заставляет сомневаться в утверждениях о местечковом (исключительно ростово-нахичеванском) характере ее содержания.

В советский период преимущественное внимание уделялось истории большевистских дореволюционных периодических изданий, как легальных, так и нелегальных. Прочая периодика пребывала в забвении. Библиографический указатель донской дореволюционной периодики, изданный в 1963 году Ростовской областной научной библиотекой им. К. Маркса, отразил неразработанность темы в историко-краеведческой литературе и практическую недоступность многих легально выходивших газет и журналов даже для сотрудников научных библиотек. Приведу лишь один пример: издание газеты «Юг» в нем определено хронологическими рамками 1893–1900 годов [13]. Специалисты по истории журналистики обратились к теме лишь в начале 2000-х. Прежде всего их интересовала легальная политическая периодика начала XX века [14]. Издания без ярко выраженной политической линии, тем более газеты XIX века, если и привлекали внимание, то писали о них любители краеведения. Безусловной заслугой последних является возрождение из небытия «Донской пчелы» и издательской деятельности И. А. и А. И. Тер-Абрамианов.

В 2001 году в краеведческом альманахе «Донской временник», выпускаемом Донской государственной публичной библиотекой, опубликованы были сразу три статьи на эту тему [15]. В статье И. А. Ениной кратко обрисована история издания газеты «Донская пчела», отмечен ряд наиболее интересных ее публикаций, в том числе исторических материалов по краевой истории. В рамках небольшой статьи вряд ли можно было сколько-нибудь полно охарактеризовать содержание газеты. Отчетливо просматривается и фрагментарный характер знакомства автора с ее годовыми комплектами, иначе вряд ли появилось бы суждение о том, что газета в значительной мере носила «информационно-рекламный характер», особенно с середины 1880-х годов. Сравнение содержания публикаций газеты первых 7–8 лет издания и второй половины 1880-х годов свидетельствует, скорее, о противоположном. Подводя итоги своего очерка, автор процитировала оценку газеты

И. Кузнецовым, о которой упоминалось выше. Учитывая состояние разработанности темы, это вряд ли подлежит критике. Впрочем, вызывает некоторое недоумение, что в 2007 году текст статьи без каких-либо изменений и дополнений был опубликован автором вторично в сборнике «Донской архив» [16]. В. Ф. Волошинова отметила просветительский характер издательской работы отца и сына Тер-Абрамианов, уделив внимание и жизненным заслугам их потомков, ныне живущих Ростове. Л. Ф. Волошинова, изложив историю строительства доходного дома И. А. Тер-Абрамиана, дополнила ее интересными сведениями о развитии типографского дела А. И. Тер-Абрамианом в 1900-х годах. Ряд фактических неточностей в обеих этих статьях с лихвой компенсируется заслугой восстановления исторической памяти об издателях Тер-Абрамианах.

Цель данного исследования состоит в рассмотрении издательской деятельности Ивана Абрамовича и Арама Ивановича Тер-Абрамианов как явления социокультурной истории Ростова-на-Дону последней четверти XIX — начала XX века и определении ее характера. Это предполагает решение комплекса задач. Среди них: восстановить важнейшие аспекты биографии обоих издателей в объеме, который регламентируют известные и доступные ныне источники; выявить цель и задачи газеты «Донская пчела», проследить их эволюцию на протяжении 17 с половиной лет издания; проанализировать содержание публикаций газеты по ряду аспектов, значимых для ее издателя и редакции, и определить их характер; установить особенности просветительских воззрений И. А. Тер-Абрамиана, которые отразились как в содержании публикаций «Донской пчелы», так и в выпускавшихся им календарях-ежегодниках. В связи с заявленным системным подходом к истории издания газеты необходима характеристика объективных условий и субъективных акторов ее издания. Это обусловило постановку задач описания социокультурной среды, в которой происходило издание; взаимодействия газеты, читателей и подписчиков; взаимоотношений редакции с полицейской цензурой, с общественными организациями и городским самоуправлением, особенно в связи и по поводу социальных акций, инициированных «Донской пчелой» в 1880-е годы. Анализ субъективных акторов издания газеты предполагает характеристику усилий редакции по формированию круга ее корреспондентов на местах, процесса привлечения в состав редакции наиболее способных к литературной работе людей и создания редактором-издателем

материальной базы для стабильного выпуска «Донской пчелы». Среди задач исследования — характеристика условий прекращения издания газеты и связанное с этим преобразование издательской деятельности Тер-Абрамианов в 1894–1895 годах; анализ издательской деятельности А. И. Тер-Абрамиана и содержательных аспектов выпускавшихся им в течение 17 лет справочных книг регионального характера, определение их роли в начале XX века и места в культурном наследии.

Хронологические рамки исследования ограничиваются временем собственно издательской работы обоих Тер-Абрамианов: 1872 год — время открытия И. А. Тер-Абрамианом типографии, в которой продолжилось издание Армянских календарей-ежегодников и публиковались переводы для юношества Г. К. Айвазовского еще до издания «Ростов-Нахичеванских календарей» и «Донской пчелы»; 1912 — год завершения выпуска А. И. Тер-Абрамианом справочных книг «Вся Донская область и Северный Кавказ» и «Ростов-на-Дону и Нахичеван». Системный подход, заявленный при целеполагании работы, предполагает использование всего комплекса методов исторического исследования, кроме математических.

Источники исследования различны по происхождению и представляются вполне репрезентативными и достаточными для решения поставленных задач. Основной массив их составили издания И. А. и А. И. Тер-Абрамианов — комплекты годовых подшивок «Донской пчелы» в объеме, представленном на сайте Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), а также отдельные экземпляры календарей-ежегодников И. А. Тер-Абрамиана, выпускавшихся в 1875–1893 годах, и справочных книг местного и регионального характера за 1895–1912 годы, которые издавал А. И. Тер-Абрамиан. Электронные копии годовых комплектов «Донской пчелы», имеющиеся в онлайн-базе Российской национальной библиотеки, достаточно представительны. Из 17 с половиной лет выхода газеты здесь представлены копии за 1877–1888 годы (2/3 всей коллекции) [17]. Они составили основу для определения и решения оригинальной цели исследования и значительной части его задач. В газете же удалось обнаружить сведения биографического характера о редакторе-издателе, о некоторых постоянных корреспондентах «Донской пчелы» и сотрудниках редакции. Указанные годовые комплекты просмотрены целиком в хронологическом порядке, статьи

систематизированы по тематическим рубрикам; публикации по темам, наиболее значимым для работы, стали основой написания текста. Была сделана выборка экземпляров газеты за 1891–1893 годы, позволившая описать в общем и целом итоги ее издания, специфику перехода к еженедельному выпуску и особенности прекращения издания в сентябре 1893 года. Календари-ежегодники «Ростов-Нахичеванский» и «Донско-Азовский», выпускавшиеся в 1875–1893 годах, как и ежегодные справочные книги А. И. Тер-Абрамиана «Весь Ростов», «Вся область Войска Донского» и «Вся Донская область и Северный Кавказ», представлены на сайте Донской государственной публичной библиотеки и являются случайной выборкой сохранившихся выпусков, которая может считаться репрезентативной [18]. Вместе они составляют комплекс публикаций, позволяющий анализировать программы изданий, особенности просветительской позиции обоих издателей и их общественную роль. Прочие периодические издания использовались выборочно. Для освещения социокультурной роли «Донской пчелы» выборочно использовались «Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы» 1880-х годов, регулярно публиковавшие журналы заседаний городской управы и думы. Протоколы заседаний управы печатались исключительно в этом муниципальном бюллетене. Издания годовых журналов заседаний ростовской думы в 1880-х годах в Донской государственной публичной библиотеке представлены с большими лакунами, что и обуславливает поиск их в выпусках «Ведомостей» [19]. Выборочно использовались публикации в газете «Приазовский край», касавшиеся издателей Тер-Абрамианов, и экземпляры газеты «Юг» за 1893–1895 годы.

Восстановление происхождения И. А. Тер-Абрамиана, времени и места его рождения и некоторых моментов его биографии до поселения в Ростове-на-Дону сделано по архивным материалам. Наиболее информативными в этом отношении являются материалы дела Департамента герольдии Сената Российской империи о присуждении ему статуса потомственного почетного гражданина. Оно хранится в фондах Российского государственного исторического архива; я пользовалась его электронной копией, любезно предоставленной мне сотрудниками Государственного архива Ростовской области — организаторами стендовой выставки «Армения на Дону». Подборка документов из ГАРО позволила уточнить время рождения троих из восьмерых детей И. А. Тер-Абрамиана [20]. При описании некоторых моментов

биографии основателя «Донской пчелы» использованы законодательные акты середины — второй половины XIX века из «Полного собрания законов Российской империи». Они касаются введения сословия почетных граждан, а также обоснования получения этого статуса сыновьями священнослужителей православной и армяно-григорианской церквей [21]. Информация о принадлежавшем семейству Тер-Абрамианов недвижимом имуществе извлечена из книг «Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону», периодически составлявшихся для раскладки государственных и муниципальных налогов на недвижимость [22].

Я признательна В. И. Тер-Абрамиану, правнуку основателя «Донской пчелы» и внуку издателя ежегодных справочных книг, за рассказанные сведения семейного характера, предоставленные фотографии и составленное им родословное древо. Благодарна научному сотруднику ГАРО В. Гречко за возможность использования копий документа из РГИА РФ и руководству армянской общины Ростова-на-Дону за помощь в получении специально оцифрованной выборки номеров «Донской пчелы». Большое спасибо ростовскому краеведу А. Н. Овчинникову, любезно предоставившему мне электронную версию собранной и систематизированной им коллекции разнообразных документов и материалов об издателях Тер-Абрамианах. Отзывчивость и помощь всех этих людей способствовала созданию источниковой базы, достаточной для решения поставленных исследовательских задач.

ГЛАВА 1

И. А. ТЕР-АБРАМИАН: АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ РОСТОВСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

1.1. О происхождении редактора-издателя «Донской пчелы»

Сведения о ранних годах жизни Ивана Абрамовича скудны и восстанавливаются с большим трудом. Достаточно сказать, что данные о месте рождения и раннем периоде жизни издателя «Донской пчелы» до появления его в Ростове-на-Дону долгое время отсутствовали даже на уровне семейного предания. Семейный архив не сохранился в перипетиях XX века; связь времен как условие передачи знания внутри семьи от поколения к поколению распалась. Чудом сохранился, по сообщению правнука издателя, только один альбом с семейными фотографиями.

Сам о себе Тер-Абрамиан писал в рекламе своей ростовской типографии (вероятно 1876 года) лишь как о типографском работнике, словно жизнь его и началась, собственно, с работы в типографии Академии наук в Петербурге. Период этой работы он обозначил с 1850 по 1858 год. По версии же И. Я. Алексанова, автора некролога в «Приазовском крае», Иван Абрамович сначала трудился наборщиком в одной из типографий Тифлиса, а уже затем — метранпажем в столичной типографии Академии наук. Эта версия частично подтверждается документами из архива петербургского филиала РАН. В списке вольных наборщиков (книга за 1850–1858 годы) значится Иван Тер-Абрамов. Началом его службы указан июнь 1857, а окончанием — июнь 1858 года [2].

Архивное дело Департамента герольдии Сената Российской империи о присуждении И. А. Тер-Абрамиану звания потомственного почетного

гражданина содержит сведения о его происхождении, годе и месте рождения. Цитирую из свидетельства Грузино-Имеретинской Армяно-Григорианской Епархиальной консистории от 14 ноября 1873 года: «...Проситель Оганес родился от законного брака отца своего священника Тер-Абраама Тер-Оганесянц с Соною Атоевою Тер-Акопянц, 10 января 1835 года в бытность отца своего в священническом сане, молитвован и крещен того же числа в Елисаветпольской Армянской во имя Св. Иоанна церкви» [3]. Следовательно, редактор-издатель «Донской пчелы» родился в Елисаветполе в семье священника; оба его деда также были священниками Армянской церкви. Годом рождения в деле указан 1835, что корректирует его возраст, названный Алексановым в некрологе: Иван Абрамович прожил не 67, а 64 года. Из этого же дела узнаем, что отец его Тер-Абраам Тер-Оганесянц скончался в 1836 году, когда возраст сына был всего год [4].

Наконец, его полное имя, отчество и фамилия не вполне совпадают с нам привычной, той, под которой он публиковал свои учебники и учебные пособия, руководил типографией и изданием газеты в Ростове-на-Дону. В свидетельстве Грузино-Имеретинской Армяно-Григорианской Епархиальной консистории от 25 июня 1874 года, представленном в Департамент герольдии Сената для идентификации имени, отчества и фамилии соискателя звания потомственного почетного гражданина, указывалось, что он крещен был «Оганесом сыном Тер-Абраама, по фамилии Тер-Оганесянц. Имя Оганес, соответствуя русскому имени Иоанн, в общежитии Иван, тождественно с последним <...> По этим основаниям тождественность имени, отчества и фамилии просителя не изменится, если он будет называться Оганесом Абрамовым (или Тер-Абрамовым) сыном Тер-Оганесянц или Иваном Абрамовым сыном Тер-Оганесянц» [5]. Получается, что фамилия, под которой он жил и издавался, которая осталась его потомкам, — производное от его отчества. По каким соображениям им был сделан такой выбор, неизвестно. Но в документах о его трудовой деятельности до переезда Ростов он назывался либо Иван Тер-Абрамов (как наборщик в столичной типографии Академии наук), либо Иван Абрамов Тер-Абрамов (в свидетельстве о работе в Халибовском училище в Феодосии).

Учитывая сиротский статус сына священника, вполне достоверным выглядит время начала трудовой деятельности Ивана Тер-Абрамиана, им

указанное, — 1850 год, по достижении 15 лет. Но архивные сведения не подтверждают, что началась она в типографии Академии наук в Петербурге; указан в них лишь год работы его здесь — с июня 1857 по июнь 1858. В таком контексте версия И. Алексанова, изложенная выше, выглядит вполне правдоподобной. Учитывая место рождения И. А. Тер-Абрамиана, он вполне мог получить первые навыки типографской работы, понять принципы и особенности работы типографских машин в одной из типографий Тифлиса — центра Кавказского наместничества. О том, что произошло с ним по завершении работы в типографии Академии наук в столице, сообщают два документа: свидетельство о работе Тер-Абрамиана в Армянском Халибовском училище и написанный Иваном Абрамовичем очерк. Посвящен он памяти Г. К. Айвазовского и опубликован в «Донской пчеле» в связи с кончиной архиепископа.

1.2. Работа в Армянском Халибовском училище в Феодосии. Сотрудничество с архимандритом Г. К. Айвазовским

Целесообразно сначала представить текст свидетельства, полученного Тер-Абрамианом при увольнении из Халибовского училища. Документ подтверждает должности, занимавшиеся Иваном Абрамовичем в училище, и уточняет время этой работы. Последнее, кстати, ликвидирует и разногласия в определении времени открытия им типографии в Ростове. Свидетельство, официальный бюрократический документ, лаконично и не лишено своеобразного изящества в характеристике деловых качеств Ивана Абрамовича. Привожу его почти полностью: «Предъявитель сего Иван Абрамов Тер-Абрамов, сын священника, состоял с 1 мая 1859 по 1 августа 1864 старшим наборщиком и корректором при Типографии Армянского Халибовского училища, а с 1 августа 1864 по 15 июля 1871 года управляющим той же Типографией, каковые должности исправлял при очень хорошем поведении с отличным знанием дела, похвальным усердием и значительною пользою для Типографии; сверх того ревностно исполнял в 1866 году должность учителя при самом училище. В удостоверении чего выдано ему, Ивану Тер-Абрамову, сие свидетельство от начальства бывшего училища за надлежащей подписью и с приложением казенной печати. Феодосия. 15 июля 1871 года» [6]. Таким образом, датировать открытие его ростовской типографии

1870 годом нет никаких оснований. В это время он еще работал в Феодосии, да и в Нахичеване появился, видимо, не ранее второй половины 1871 года. Поэтому указанное им самим время открытия типографии в Ростове — 1872 год, выглядит достоверным [7].

Очерк о Г. К. Айвазовском написан в 1880 году и во многом основан на личных впечатлениях самого автора, который, возможно, прибыл в Феодосию несколько ранее времени открытия типографии при Халибовском училище [8]. В рекламе своей ростовской типографии он датировал одну из вех своей жизни следующим образом: «с 1858 по 1871 в Феодосии в типографии Армянского Халибовского училища (на степени гимназии) в качестве управляющего типографией, корректора и учителя в означенном училище». Таким образом, весь период существования Халибовского училища в Феодосии — от его образования и до закрытия — не просто прошел на глазах И. А. Тер-Абрамиана как свидетеля, а был важным и очень значимым этапом его жизни и деятельности.

Очерк И. А. Тер-Абрамиана памяти архиепископа Г. Айвазовского можно считать и вполне репрезентативным источником по истории возникновения и развития Халибовского училища в Феодосии. Оно было торжественно открыто в октябре 1858 года, а несколько месяцев спустя при нем начала работать и «обширная», по характеристике Тер-Абрамиана, типография. «Открытие этой типографии последовало 19 мая 1859. До последней половины 1865 года в ней напечатано 11 учебников на русском и французском и 35 на армянском языках», — вспоминал Иван Абрамович в 1880 году, добавив, что полный список этих учебников приведен в приложении в его двухтомной работе «История Крыма с географическими и учеными сведениями о прежних и настоящих жителях Таврии». Издана она была на армянском языке в Феодосии в 1865 году. В 1860–1865 годах в типографии Халибовского училища также печатался журнал «Голубь Масиса и Радуга Армении» на армянском, русском и французском языках. Первоначально, с 1855 года, этот журнал издавался в Париже, а затем по инициативе архимандрита Г. Айвазовского издание было переведено в Феодосию, где им же и редактировалось. Журнал перестал выходить в связи с отставкой главы Нахичевано-Бессарабской епархии. По данным Тер-Абрамиана, в 1861 году в Халибовском училище обучалось 150 учащихся-пансионеров из разных местностей проживания армян,

в том числе 12 из турецкой Армении, «30 из разных мест русской Армении и Закавказья, остальные из Нахичевана-на-Дону, из Крымского полуострова и Бессарабской области» [9]. Таким образом, к четвертому году работы училище вышло на проектный уровень по числу учащихся.

И. А. Тер-Абрамиан писал, что наиболее тесным и плодотворным его сотрудничество с архимандритом Г. Айвазовским было в 1858–1865 годах, когда глава Нахичевано-Бессарабской епархии одновременно руководил и работой Армянского Халибовского училища. Именно в это время управляющий типографией училища приобщился не только к написанию учебников, но и к просветительской издательской работе, вполне оценив ее значимость. Однако именно просветительская работа архимандрита Г. Айвазовского вызвала недовольство патриарха-католика Матеоса (1858–1865), который, по воспоминаниям Тер-Абрамиана, «словесно и письменно порицал его деятельность и нередко подвергал открытому осуждению все его распоряжения по управлению делами означенной епархии, поставляя на вид, что все труды его не соответствуют (будто) званию начальника епархии и что устройство училищ, заведение типографии, издание журнала и полезных книг для народа — есть исключительное дело светских, а не духовных лиц». О своем недовольстве Г. Айвазовским патриарх-католикос регулярно сообщал и в правительственные учреждения Петербурга, в итоге добившись отстранения его от руководства епархией и Халибовским училищем. Иван Абрамович, сообщая об этом в своем очерке 1880 года, сделал весьма любопытное примечание: «Копии всех этих переписок (католика Матеоса и Г. Айвазовского, Г. Айвазовского и столичных бюрократических структур и проч. — *Н. С.*) тщательно хранятся у меня и целиком будут печататься, когда обеспечатся материальными средствами, в “Пространном жизнеописании архиепископа Айвазовского”, составляемом мною на армянском языке, объемом более 10 печатных листов» [10].

Я не нашла сведений о том, была ли завершена и опубликована Иваном Абрамовичем эта книга, но сам факт копирования, сохранения и попытки интерпретации им такого массива документов о конфликте о. Айвазовского с патриархом-католиком весьма значим. Факт этот позволяет говорить о весьма доверительных контактах его с начальником епархии и Халибовского училища, о взаимопонимании в процессе сотрудничества, о желании Тер-

Абрамиана дать адекватную оценку деятельности архимандрита (впоследствии епископа и архиепископа) Г. Айвазовского, этого несомненно яркого представителя Армянской церкви в Российской империи. После отставки о. Айвазовского училище постепенно утратило реноме образовательного учреждения, привлекательного для армянского юношества. Тер-Абрамиан писал: «Ученики основанного о. Айвазовским Халибовского училища, в особенности своекоштные (учившиеся и проживавшие в пансионе училища за плату. — *Н. С.*), разъехались в места своей родины, затем прекратилось издание журнала и архимандрит Айвазовский с того же 1865 года, в котором умер патриарх-католикос Матеос, посвятил себя исключительно литературным трудам» [11].

В 1865–1871 годах Г. Айвазовский, отстраненный от служения Армянской церкви, но рукоположенный новым католикосом Геворком IV сначала в сан епископа, а затем и архиепископа, проживал в Феодосии. Занимался он в основном переводами с русского языка на армянский язык для детей и юношества. Книги эти публиковались в разных типографиях, — либо по благоприятному стечению обстоятельств, либо на основе личного договора автора переводов с издателем. Так, «Семь слов к детям» опубликовала типография Халибовского училища за счет нахичеванского Армянского благотворительного общества. Другие переводы печатались типографией Ч. Арамиана в Константинополе с условием оплаты бумаги и типографской работы изданными книгами. Уже в своей ростовской типографии и на таких же условиях Иван Абрамович опубликовал брошюру Г. Айвазовского «Басни на крымском наречии».

Остановимся более подробно о приобщении И. А. Тер-Абрамиана к просветительской работе в период сотрудничества его с архимандритом-просветителем. Очевидно, что типография при Армянском Халибовском училище рассматривалась главой Нахичевано-Бессарабской епархии как основа для реализации обширной просветительской программы. Тер-Абрамиан, видимо, вполне разделял ее цель и задачи, поэтому не случайно в 1864 году оказался во главе типографии, а год спустя опубликовал в ней и свою «Историю Крыма». С 1866 года он стал составлять и издавать ежегодные Армянские календари, которые затем выходили и в Ростове. По существу, это был первый из семьи календарей-ежегодников, которые выпускал Тер-

Абрамиан в своем ростовском издательстве вплоть до 1893 года: Армянский, Ростов-Нахичеванский, Донско-Азовский. Ни один из них не был календарем, содержащим только месяцеслов(ы) и указатели праздничных и табельных дней. Там помещалась масса полезных сведений для повседневной жизни и деятельности простого и не очень образованного человека, а также исторические или историко-этнографические очерки чисто просветительского характера. Обычно писал их сам Иван Абрамович.

В годы работы в Халибовском училище Тер-Абрамиан составил и издал ряд учебников и учебных пособий, тоже на армянском языке. Среди них «Сокращенная армянская история с 24 литографированными картинками армянских древних доблестных царей, министров, патриархов, воинов, бытописателей, историографов и пр.». Сам себя в третьем (уже ростовском) издании этой книги он скромно именовал составителем, но подчеркнул: «Учебник этот принят в турецких, русских и персидских учебных заведениях». Для средних учебных заведений им была составлена и «Пространная хрестоматия», которая использовалась как в российских, так и в турецких армянских школах. В 1880 году в Ростове вышло уже второе ее издание. Без особой боязни ошибиться, можно предположить, что первое издание было сделано еще в Феодосии. «Иллюстрированная азбука с 75 политипажами», составленная Иваном Абрамовичем, похоже, пользовалась особой популярностью, так как в 1885 году в Ростове вышла уже четвертым изданием. Время выхода первого ее издания неизвестно. Вполне возможно, что случилось это еще в Феодосии. Вероятно, что и написанные им биографии двух армянских патриархов: «Жизнеописание армянского патриарха Иосифа IV, князя Аргутинского-Долгорукова» и «Нерсес V, армянский патриарх (1848–1857), жизнеописание с портретом», — были впервые изданы еще в Феодосии. Вторым изданием обе книги вышли в 1881 году в Ростове.

В этой связи встает вопрос о том, каким же образованием обладал сам автор всех перечисленных книг и учебных пособий. В немногих статьях, посвященных основателю «Донской пчелы» его современниками и, как правило, коллегами по цеху, утверждалось, что образование его было минимальным. Не проливает свет на этот вопрос и архивное дело о присвоении ему статуса потомственного почетного гражданина. Однако известные сведения о трудах Ивана Абрамовича вызывают немалые сомнения в

упомянутых утверждениях его современников. Сомнение первое возникает в связи с теми обязанностями, которые он исполнял в Армянском Халибовском училище. Оставим в стороне вопрос о том, как выпускник приходской школы мог управлять типографией, которую основатель училища рассматривал в качестве базы просветительской издательской деятельности. Но как мог человек с минимальным образованием работать учителем в учебном заведении, которое статусно функционировало на правах гимназии? Как мог он написать еще в бытность в Феодосии двухтомную «Историю Крыма» и учебники по истории Армении, рекомендованные для использования в армянских средних учебных заведениях и в России, и в Турции? Невозможность найти адекватные ответы на эти вопросы создает некую интригу, пронизывающую жизнь и деятельность ростовского издателя и редактора.

К сожалению, нет возможности ознакомиться с содержанием учебников Тер-Абрамиана на армянском языке по истории Армении, а также с его двухтомной «Историей Крыма». Однако исторические и историко-этнографические очерки, написанные им для «Донской пчелы» и «Донско-Азовского календаря», доступны на сайтах электронных библиотек. Их отличает тщательная работа над литературой по излагаемому вопросу, уместное и умелое оперирование лексикой исторического рассказа, обоснованность суждений и выводов. Производят впечатление присутствующие в подстрочнике ссылки на литературу и документы, порой сразу на трех языках — армянском, русском и французском. И это все находим в газетных фельетонах ростовской «Донской пчелы» — провинциальной газеты, не раз осмеянной в столичных юмористических журналах типа «Стрекозы».

1.3. Из Феодосии — в торговые города на Нижнем Дону. Обустройство в Ростове-на-Дону

С закрытием Халибовского училища начался новый этап в жизни И. А. Тер-Абрамиана. В Феодосии он не остался, хотя там и существовала достаточно большая армянская община. Новым местом для жизни и работы он избрал первоначально Нахичеван-на-Дону, куда и прибыл в 1871 году. Средства позволили ему открыть в городе магазин армянской книги, а в планах было издание газеты и, очевидно, открытие типографии. Но, сориентировавшись на месте, Иван Абрамович перебрался в Ростов. В его «почти

автобиографии», — уже упомянутой рекламе-листовке типолитографии, — читаем: «...с 1872 года содержатель типографии, литографии и книжного магазина в Ростове-на-Дону».

Итак, выбор Ростова как места для развития собственного дела будущий основатель «Донской пчелы» сделал быстро. В 1870-х годах такой выбор делали и многие купцы — уроженцы Нахичевана, трезво оценивая преимущества бизнеса в соседнем городе, открытом для выходцев из разных сословий и этносов Российской империи. В Ростове в эти годы быстро росли население, торговля и промышленность, развивалась транспортная и банковская инфраструктура, стремительно увеличивались личные состояния наиболее успешных предпринимателей. Как показали дальнейшие события, издатель и редактор «Донской пчелы» умел адекватно оценивать экономическую ситуацию и соотносить с ней собственные экономические действия: свои капиталовложения, свои расходы и доходы; избегал излишних трат, но не жалел средств для упрочения имущественного статуса своего и своей семьи. Иными словами: в Ростове он оказался на своем месте.

Женился Иван Абрамович, видимо, когда обосновался на Дону, в 1871 или 1872 году. Его супруга — Такуги Вартересовна. К сожалению, имя и отчество — это и все, что о ней известно; девичью фамилию установить не удалось. Можно предположить, что она была, скорее всего, представительницей донской армянской фамилии. Впоследствии под русифицированным именем Василиса Вартересовна она неоднократно упоминалась первой в перечне наследников имущества И. А. Тер-Абрамиана. В 1873 году появился на свет их первенец — сын Арам, будущий продолжатель издательского дела [12].

Типография, открытая в наемном помещении, заработала в 1872 году и уже в сентябре 1874 получила похвальный лист Екатеринославской губернской торгово-промышленной выставки, единственная из всех представленных типолитографских заведений [13]. Иван Алексанов, назвав И. А. Тер-Абрамиана ростовским типографом-пионером, отметил, что он «внес в местное типографское искусство много знания, вкуса и специальности» [14]. Последнее, безусловно, обеспечивало типолитографию заказами. Достаточно сказать, что более десяти лет ростовское городское самоуправление печатало у Тер-Абрамиана все свои издания. Возобновил Иван

Абрамович и выпуск Армянского календаря, а в конце 1874 года впервые вышел в свет «Ростов-Нахичеванский русско-армянский календарь на 1875 год». Начало издания газеты между тем откладывалось.

Важным моментом обустройства в Ростове и предпосылкой для издания газеты Иван Абрамович считал повышение своего социального статуса в городе, где тон задавали купцы-первогильдейцы, богачи в первом поколении, люди, сделавшие себя сами. Очень образную характеристику этого слоя ростовцев оставил в своих мемуарах Н. Е. Врангель, проживший в Ростове, куда он прибыл после русско-турецкой войны 1877–1878 годов, почти полтора десятка лет. Мемуарист отметил, что ростовский привилегированный класс состоял из богатых людей, «которые еще совсем недавно были обыкновенными голодранцами, зато теперь на простых смертных взирали с высоты своего величия. Город находился в рабстве у этих кулаков, вожжи правления они не отпускали» [15]. Для того, чтобы издавать в таких условиях газету — «политическую и литературную», — статуса «Елисаветпольский житель, священнический сын» [16] явно было недостаточно. И. А. Тер-Абрамиан это отчетливо понимал.

1.4. Потомственный почетный гражданин: получение статуса

Между тем по своему происхождению Иван Абрамович имел право получить довольно высокий для всякого горожанина царской России статус потомственного почетного гражданина.хлопотать об этом он начал после того, как обосновался в Ростове-на-Дону, открыл книжный магазин и наладил работу типографии. Первое его прошение в Департамент герольдии Сената Российской империи «об утверждении в правах потомственного почетного гражданства» датировано 14 февраля 1874 года [17].

Уместно сделать отступление с пояснением самого статуса почетного гражданства в российских городах и оснований для его получения. Сословие почетных граждан, потомственных и личных, появилось в царствование Николая I. Желание имперской власти затруднить доступ в дворянство по выслуге чинов на государственной и военной службе, а также удовлетворить претензии зажиточных горожан (купцов и городских разночинцев с образованием) на более высокий социальный статус, который отделял бы их от

мещан и ремесленников, и вызвало появление закона 10 апреля 1832 года. Законодатель констатировал, что права и привилегии, предоставленные горожанам городской реформой 1785 года, требуют расширения. «По сему и желая новыми отличиями более привязать городских обывателей к состоянию их, от процветания коего зависят и успехи торговли и промышленности, Мы признали за благо права и преимущества их упрочить <...> В состоянии городских обывателей устанавливается новое сословие *Почетных Граждан*» [18]. В николаевскую эпоху почетное гражданство освобождало от телесных наказаний по приговору суда, от подушной подати, рекрутской и постоянной повинностей и проч. По замыслу законодателя, сословие почетных граждан должно было первенствовать среди городских обывателей, превосходя по статусу гильдейское купечество. В начале XX века автор неофициального издания «Законов о состояниях» в своих пространных комментариях к кодексу выстроил своеобразный рейтинг городской обывательской среды: «...к состоянию городских обывателей, под общим названием граждан, принадлежат: 1) почетные граждане; 2) купцы; 3) мещане или посадские; 4) ремесленники или цеховые» [19].

Не излагая всего содержания закона 10 апреля 1832 года, отмечу, что потомственное почетное гражданство первоначально могли получить по рождению дети личных дворян и дети потомственных почетных граждан. За заслуги и по соответствующим ходатайствам на этот статус могли претендовать купцы и лица других свободных состояний «по отличиям в науках, изящных искусствах», «торгующие капиталисты и хозяева значительных мануфактурных и фабричных заведений», а также артисты первого разряда императорских театров по выслуге лет. При этом закон обуславливал претензии купечества на этот статус непрерывным и беспорочным пребыванием в 1-й гильдии в течение 10 лет или 20 лет во 2-й гильдии; получением купцом звания коммерции или мануфактур советника или российского ордена. Выпускники вузов, получая личное почетное гражданство по факту завершения обучения, могли претендовать на потомственное почетное гражданство, если, продолжая совершенствование в науках, достигали ученой степени магистра или доктора [20]. Актеры первого разряда императорских театров могли получить потомственное почетное гражданство после 15 лет беспорочной службы на сцене [21].

В годы царствования Александра II право получения почетного гражданства было расширено самым удачным для героя нашей книги образом. 26 мая 1869 года император утвердил Мнение Государственного Совета «Об устройстве детей лиц православного духовенства». По этому законодательному акту дети православных священников, не имевшие духовного звания, «пользуются всеми правами, присвоенными в настоящее время <...> детям личных дворян», т. е. получали потомственное почетное гражданство, а дети церковного причта — личное. Делалось это, по мысли законодателя, для «открытия детям священно- и церковнослужителей путей к обеспечению своего существования на всех поприщах гражданской деятельности» [22]. А духовенство Армянской церкви в стране было уравнено в правах и статусе с православным духовенством, что отразил Свод законов Российской империи издания 1857 года [23]. Однако в бюрократической практике тождество это чиновниками разных ведомств, видимо, подвергалось сомнению. Это подтверждается появлением еще двух законодательных актов эпохи. Оба имеют непосредственное отношение к излагаемому сюжету. 11 мая 1870 года по представлению министра внутренних дел Госсвет империи «мнением положил»: положение 26 мая 1869 года об устройстве «детей лиц Православного духовенства распространить и на детей духовных лиц Армяно-Григорианского исповедания» [24]. Но, похоже, и этого для преодоления исполнительских сомнений бюрократии в ведомствах и губерниях оказалось недостаточно.

Спустя десять месяцев появился еще один законодательный акт, отчетливо указывающий на тождественность прав духовных лиц двух христианских конфессий, следовательно, и детей их. Высочайше утвержденное 15 марта 1871 года Мнение Государственного Совета так и называлось: «По вопросам, возникшим при согласовании статей Свода Законов с Высочайше утвержденными 26 мая 1869 и 11 мая 1870 года мнениями Государственного Совета о правах детей духовных лиц Православного и Армяно-Григорианского исповеданий». Оно довольно пространно, поэтому акцентирую внимание читателей на ст. 5, которая непосредственно касается сюжета этого параграфа. Привожу ее полностью, ибо на эту статью и ссылались чиновники Департамента герольдии Сената при решении вопроса об утверждении в правах почетного гражданства. «5. Неимеющие прав высшего состояния дети священнослужителей Православного и Армяно-

Григорианского исповеданий принадлежат к потомственному, а дети церковных причетников (дьячков, пономарей и псаломщиков) тех же исповеданий, к личному почетному гражданству, когда бы и в каком звании те дети ни были рождены» [25]. Получение почетного гражданства детьми духовенства происходило не автоматически, а по ходатайствам, подававшимся в Департамент герольдии Сената. Таким образом, Иван Абрамович к концу своей работы в Армянском Халибовском училище в Феодосии получил законом гарантированную возможность закрепить за собой статус потомственного почетного гражданина по рождению. Оставалось лишь подать прошение и пакет необходимых документов в Департамент герольдии Сената и оплатить соответствующие искомому статусу гербовые сборы. Что и было сделано.

Первое прошение, как упомянуто выше, было подано в феврале 1874 года. Однако процедура оказалась небыстрой и осложненной бюрократической казуистикой. Рассмотрев в марте того же года пакет представленных документов, Департамент герольдии отказал в удовлетворении ходатайства по формальным причинам: в прошении проситель назвал себя Иваном, а в свидетельстве о рождении обозначено имя Оганес; к тому же не представлен был формулярный список о службе отца-священника [26]. Сам проситель был уведомлен Екатеринославским губернским правлением об отказе Департамента герольдии в удовлетворении ходатайства только в июне 1874 года [27].

Пояснительные документы, необходимые для решения вопроса о потомственном почетном гражданстве, были оформлены в Грузино-Имеретинской Армяно-Григорианской Епархиальной консистории. Датированы обе бумаги 25 июня 1874 года. Первый документ — справка, выданная «священническому сыну Оганесу (он же Иван) Абрамову Тер-Абрамян (он же Тер-Оганесянц)» в том, что «отец его священник Тер-Абрам Тер-Оганесянц скончался в 1836 году, задолго до открытия консистории и в архивных делах ея, поступивших из бывшего Армянского в Грузии Духовного Правления, формулярного о службе его списка нет» [28]. Второй документ подтверждал, что армянское имя Оганес соответствует русскому имени Иоанн, в общежитии Иван. «По этим основаниям тождественность имени, отчества и фамилии просителя не изменится, если он будет называться Оганесом Абрамовым (или Тер-Абрамовым) сыном Тер-Оганесянц или Иваном Абрамовым сыном Тер-Оганесянц» [29].

Однако то ли предоставление этих документов в Департамент герольдии задержалось в пути, то ли полученные справки затерялись в круговороте бумаг самого ведомства, но его определением от 23 сентября 1874 года прошение Тер-Абрамиана (он же Тер-Оганесянц) возвращалось заявителю ввиду непредоставления нужных справок [30]. Есть основание сомневаться, что это решение дошло соискателя. Иначе бы не существовало в архивном деле прошения Ивана Тер-Абрамиана (он же Тер-Оганесянц), датированного 19 ноября 1875 года, о выдаче ему грамоты на потомственное почетное гражданство [31]. Подчеркну, он просил не об утверждении в правах почетного гражданства, а о выдаче грамоты, подтверждающей его статус.

Департамент герольдии рассмотрел прошение о выдаче грамоты 8 декабря 1875 года, а буквально через неделю, 15 декабря, в ведомство было представлено повторное прошение заявителя об утверждении его в правах потомственного почетного гражданства. На сей раз вместе с ним был представлен и весь пакет бумаг, необходимых для положительного решения вопроса [32]. Небольшой срок, разделявший эти два события из жизни Ивана Абрамовича, позволяет предположить, что он сам отправился в столицу для выяснения ситуации с получением искомого статуса. На сей раз ждать ему пришлось еще месяц с небольшим. 26 января 1876 года состоялось решение ведомства, которым удовлетворялось прошение Оганеса Тер-Оганесянца об утверждении его в правах потомственного почетного гражданства по его происхождению [33]. Это подтверждалось выдачей грамоты [34]. Наконец можно было приступить к изданию газеты.

1.5. Формирование материальной базы издательской деятельности

Создание Иваном Абрамовичем необходимой материальной базы для издательской деятельности и для обеспечения собственного семейства логично рассмотреть в данной главе как один из аспектов его обустройства в Ростове, хотя решение этой задачи растянулось на десятилетие, с 1878 по 1888 год. Тер-Абрамиан прибыл в Нахичеван с небольшими средствами, о чем упомянул Мин. И. Балабанов на торжестве в честь 15-летия издания газеты [35]. Надо было иметь не только достаточно высокий социальный статус в городе, но и какой-то минимум средств, чтобы приступить к ее

изданию. А для издания газеты в уездном городе в течение 17 лет подряд нужно было стать «капитальным» человеком. Определение «капитальный» подсказано самим Иваном Абрамовичем. В 1886 году, сообщая в «Донской пчеле» о закрытии еще одной провинциальной газеты на юго-востоке России, на сей раз «Северного Кавказа», автор заметки, в котором узнаваем сам редактор, написал: «Мы по личному опыту можем сказать, что при совершенном невнимании провинциальной публики к печати, газетное дело могут вести только люди капитальные, которые, не останавливаясь перед потерями и затратами в течение десятков лет, все-таки неустанно продолжают его» [36]. Полагаю, что словосочетание «капитальные люди» в приведенной цитате можно и даже следует понимать двояко. С одной стороны, это люди волевые, которые не пасуют перед многочисленными сложностями и продолжают дело, которое считают полезным и необходимым. С другой, — они обладают необходимым капиталом, позволяющим продолжать издание газеты (журнала) вопреки тому, что дохода от него может не быть годами.

Выпуск частной газеты в провинциальном уездном городе в последней четверти XIX века был делом рискованным, несмотря на то, что типолитография Тер-Абрамиана являлась, несомненно, предприятием прибыльным. Доход от нее позволил начать издание газеты, но не мог окупить все риски, с газетой связанные. Между тем и семейство Тер-Абрамиана увеличивалось, рождались дети. В 1875 году появилась свет старшая из дочерей — Изабелла Ивановна (в замужестве Аладжалова) [37]. Год рождения ее сестры Софии (в замужестве Зурабова) неизвестен, как и даты появления на свет еще нескольких детей Ивана Абрамовича. По имеющимся в семье сведениям, собранным ныне здравствующим правнуком основателя «Донской пчелы» Виктором Ивановичем Тер-Абрамианом, всего их было 8 человек. Год рождения сына Петроса — 1887, удалось определить по «Обыску брачному», составленному в 1917 году. Документ с таким названием обязательно оформлялся накануне венчания в православной церкви, к которой принадлежала невеста Петра Ивановича. Так именовал его составитель Обыска, указав в соответствующей графе полный возраст — 30 лет [38]. О времени рождения еще троих детей известно благодаря копиям метрических записей, сделанных Отделом актов гражданского состояния НКВД СССР и сохранившихся в ГАРО: дочь Евгине (р. 1889) и сыновья Никохаёс, или Никохос (р. 1890) и Вартерес (р. 1891) [39]. Интересно, что в начале XX века имен

двоих из них мы не находим среди наследников И. А. Тер-Абрамиана в книгах городской оценки недвижимого имущества.

Книги оценок городской недвижимости периодически составлялись комиссией ростовского городского самоуправления для определения размера государственных и городских налогов. В их изданиях с 1902 по 1909 год собственниками имущества, ранее принадлежавшего Ивану Абрамовичу, значатся его вдова Василиса (Такуги) Вартересовна и восемь человек детей: Арам, Константин, Никохос, Петрос, Александр, Габриель и две замужних дочери Зурабова Софья и Аладжалова Изабелла [40]. В 1910–1916 годах указываются те же лица, кроме Константина (возможно, ушедшего из жизни или переставшего быть собственником по каким-то иным обстоятельствам) [41]. Ни Евгине, ни Вартереса среди приведенных имен нет. Можно, впрочем, предположить, что, выбрав, подобно матери, русифицированное имя, Вартерес стал называться Александром. Мягкий знак в конце имени Габриель позволяет считать его принадлежавшим женщине. Возможно, это та самая Евгине? Или это другая дочь Ивана Абрамовича, год рождения которой неизвестен? Увы, это всего лишь предположения, которые хотелось бы, но вряд ли возможно подтвердить.

Во всяком случае, семейство редактора-издателя «Донской пчелы» росло и росли расходы. Нужны были надежные источники дохода, которые, тем не менее, не требовали бы от Ивана Абрамовича, нередко готовившего очередной номер газеты чуть ли не единолично, новых хозяйственных забот. Ему вполне хватало руководства работой типографии и выпуска газеты и книг. Кроме того, он работал над учебными пособиями для армянских школ: как новыми, так и вторыми-третьими дополненными изданиями, занимался переводами. Примерно с 1883 года Иван Абрамович начал еще один (и фундаментальный) проект — «Новый словарь древнего и разговорного армянского языка с русским переводом». Работа над составлением словаря объемом в 70 п. л. продолжалась полтора десятилетия. И о ее неожиданном финале речь еще впереди.

Вполне адекватно оценив ростовскую конъюнктуру, Иван Абрамович начал приобретать недвижимость в виде доходных домов, проявив особый интерес к домам и земле на Б. Садовой, где в 1870-х годах развернулся первый этап застройки ее капитальными каменными зданиями. Летом 1878 года

он приобрел на Б. Садовой весьма престижное имение — двухэтажный особняк с садом и большим подворьем. При прежнем владельце — ростовском экспортере, меценате и театральном деятеле М. Б. Драшковиче, дом был своеобразным центром светской жизни Ростова. В это здание осенью 1878 года Тер-Абрамиан перевел типографию, редакцию газеты и принадлежавший ему книжный магазин [42]. Он не просто избавился от аренды чужой недвижимости: приобретенная собственность открыла и новые источники дохода.

Летом 1878 года на страницах «Донской пчелы» печаталось следующее объявление: «До сведения арендаторов. Отдается в аренду небольшой сад при приобретенном мной доме (бывш. Драшковича) на Б. Садовой ул. с прилегающим сзади местом. Сад этот почти единственный частный на Садовой ул., при известном приспособлении может служить и прекрасным местом для устройства кафе, ресторана или другого подобного увеселительного заведения, т. к. сзади него лежащее место позволяет воздвигнуть вполне удобное для означенной цели здание или павильон. Кроме того, тут же существует и водопровод. Желających осмотреть место и сад, а равно узнать условия, просят адресоваться к редактору-издателю “Донской Пчелы” И. А. Тер-Абрамиан» [43]. В аренду сдавались и флигель с амбарами, входившие в состав имения [44]. Особняк, приспособленный под нужды типографии, редакции газеты и книжного магазина, вместил не только их. В здании нашлось место и для кафе-ресторана. Оно открылось 1 января 1879 года и называлось «Zum Wolf» [45], а в 1885 году на смену ему пришел ресторан «Эмиль Руссель» [46]. В обоих случаях владельцами ресторанного бизнеса выступали арендаторы. Иван Абрамович лишь получал ренту как собственник доходного дома. Именно такой тип эксплуатации недвижимости его и устраивал.

Вышеупомянутый частный сад уже к концу 1878 года исчез со страниц «Донской пчелы» как рекламируемый объект аренды. Вполне вероятно, что Иван Абрамович ждал подходящего случая для того, чтобы избавиться от собственности, эксплуатация которой, даже арендаторами, могла нанести ущерб его личной и деловой репутации. Варианты эксплуатации подобной площадки для отдыха и развлечений жителей в большом торговом городе не отличались разнообразием: кафе или ресторан с певицами с перспективой превращения в кафешантан, или же устройство театра, где идут оперетки

с теми же «каскадными» певицами разной степени раздетости, с питейным заведением по соседству под управлением того же хозяина, что и театр. Имелось и еще одно обстоятельство, побуждавшее избавиться от сада: помещения в доме Дараса, расположенного по соседству с его новоприобретенной собственностью, арендовала ростовская мужская прогимназия. Между тем И. А. Тер-Абрамиан тщательно выстраивал свое реноме издателя-просветителя, которое вряд ли было совместимо со статусом собственника развлекательной площадки в центре города. Осенью 1878 года хроника «Донской пчелы» сообщала: «Высочайшее повеление. — Государыня Императрица Высочайше соизволила утвердить потомственного почетного гражданина Ивана Абрамовича Тер-Абрамиан почетным членом Ростовского-на-Дону уездного попечительства детских приютов с 31 октября 1878 года» [47]. Иметь одновременно в собственности сад развлечений и попечительствовать сиротам, издавать газету для просвещения местных обывателей, учебники и книги, полезные для народа, было невозможно. В 1879 году новым владельцем дома Дараса, расположенного по соседству с имением Тер-Абрамиана, стал известный в Ростове и Нахичеване доктор Г. И. Ткачев, обладатель успешной частной практики, домовладелец и землевладелец, гласный ростовской городской думы. Появление Ткачева как нового хозяина соседнего с частным садом дома именно таким моментом и оказалось. Сад развлечений был открыт, но уже при новом его собственнике.

Подтверждает смену владельца передовая статья «Донской пчелы» 7 марта 1882 года, посвященная закрытию «увеселительного сада “Каскад” в имени д-ра Ткачева на Б. Садовой улице». Арендатор сада, судя по хронике «Донской пчелы» предыдущих лет, действительно устроил в нем нечто похожее на ресторан, где выступали «каскадные», как их тогда называли, певички, исполнявшие скабрзные песенки и канкан. Благодаря им и сад получил свое название. Редактор, приветствуя решение городской думы, писал: «В нашей газете со дня открытия этого увеселительного сада не раз говорилось и доказывалось, что гимназия и кафешантан две вещи разные, и что рассадники разгула и воспитания не могут быть совмещены, но... По неисповедимой воле рока “заведение” все-таки продолжало существовать, и только благодаря настояниям директора мужской прогимназии, помещающейся в том же доме, положена преграда этому безобразию» [48]. Замечу, что прогимназия арендовала помещения в доме Г. Ткачева еще при

прежнем его владельце на 10 лет, до 1887 года, и с этим контрактом нельзя было не считаться.

Тем не менее в 1894 году ростовский старожил и театрал С. Камнев (Фронштейн) в своих театральных воспоминаниях именно И. А. Тер-Абрамиану уверенно приписал устройство в вышеупомянутом саду кафешантана и кабака в самом доме: «Дом, где жила семья Драшковиной, убранный гобеленами, бронзой, севрским и японским фарфором, после разорения ее перешел во владение к г. Т...А-ну и был сдан им под кабак. Садик при доме, где цвели тропические растения, превратился в увеселительное заведение, где под звуки зурны, с ароматом смердящего шашлыка, приютились все ростовские ночные бабочки» [49]. По каким бы причинам ни искажил факты мемуарист, детали его описания делают очевидной ложь всей конструкции: под зурну канкан не пляшут и не поют фривольных куплетов из «Корневильских колоколов»; а кафе «Zum Wolf» с его бильярдным залом, с газетами и журналами на русском и немецком языках для посетителей [50] вряд ли походило на заведение, презрительно именуемое «кабак». Как, впрочем, и сменившие его кафе «Э. Руссель» и ресторан «Французский». Показательно, что бильярды сохранялись во всех заведениях в доме Тер-Абрамиана, но музыканты там не выступали. Да и вряд ли Иван Абрамович, член-соревнователь ростовского общества любителей музыки (объединяло любителей музыкальной классики. — Н. С.), позволил бы своим арендаторам свести ее к фону при потреблении ресторанных блюд.

Следует отметить, что после казуса с владением частным садом Тер-Абрамиан стал более осторожно относиться к приобретению домов. Только из объявлений в «Донской пчеле» известно по крайней мере еще о двух попытках владельца типографии и газеты увеличить число доходных домов, прежде чем он решил сам выстроить здание в имении на Садовой, 61. О доме на Театральной площади, купленном им у г. Кузьмина, бывшего агента РОПиТ, известно только из объявлений в «Донской пчеле» осенью-зимой 1880 года. Они рекламировали живописное и малярное заведение некоего Жан-Левина, арендатора здания [51]. В 1884 году в течение нескольких месяцев появлялись объявления о доме на Дмитриевской улице, известном под названием «Владикавказское подворье». Они предлагали в ежемесячную аренду комнаты в приобретенном Тер-Абрамианом доме [52]. Оба дома

не вошли в книги оценок городской недвижимости как собственность Ивана Абрамовича. Не было и попыток перестройки зданий для приспособления под нужды нового собственника, о которых обязательно сообщили бы «Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы». Видимо, он владел обоими домами непродолжительное время. Без особой боязни ошибиться, можно предположить, что, не найдя подходящих арендаторов для ведения доходного гостиничного дела (в случае с домом на Дмитриевской улице) или ожидаемого дохода от аренды (дом на Театральной площади), редактор-издатель «Донской пчелы» от этой собственности избавился.

В мае 1886 года Тер-Абрамиан получил разрешение на постройку трехэтажного дома фасадом по Б. Садовой рядом с приобретенным им особняком М. Драшковича и двух каменных флигелей во дворе [53]. Именно этот год увековечен на фронтоне постройки, хотя можно сомневаться, что сооружение здания завершилось к концу строительного сезона. Он в старом Ростове обычно прекращался с наступлением осенней непогоды. Во всяком случае в 1887 году типография, редакция газеты и книжный магазин уже размещались в новом доме, а ресторан «Французский» объявил о расширении своих помещений в старой постройке. Однако к осени этого же года ресторан по каким-то причинам прекратил работу. В хронике «Донской пчелы» объявлялось: «В среду 7 октября на Большой Садовой улице в доме И. А. Тер-Абрамиан открываются панорама и диорама, в которых будут показываться виды всех стран земного шара, а также виды живописных европейских городов и картины исторических и новейших событий» [54]. В январе 1888 года им на смену пришла выставка некой мисс Пастрель, «*черной дамы с белым лицом*». Изюминкой ежевечерних показов стало кормление названной дамой ручных боа и питона на глазах почтенной публики. Зрелище, возможно, и было эффектным, но долго удержать интерес ростовской публики не могло. После 10 представлений экстравагантная дама отбыла во свояси [55]. К удаче домовладельца время непродолжительных аренд заезжих исполнителей закончилось быстро. В середине февраля 1888 года на смену Э. Русселю пришел еще один французский гражданин — О. Бишо, арендовавший приспособленное для кафе или ресторана помещение. Его ресторан именовался «Славянский базар» [56]. Как и Э. Руссель, он поначалу сочетал ресторанный бизнес с содержанием буфета 1-го класса в здании ростовского железнодорожного вокзала, но в 1889 году О. Бишо отказался

от буфета и сосредоточил внимание исключительно на ресторане в центре Ростова [57].

В трехэтажном доме, построенном самим Иваном Абрамовичем, на первом этаже, с отдельным входом со двора, помещалась типография. На первом же этаже располагались магазины и фотоателье арендаторов, которые сменяли друг друга в круговороте лет. Вход в магазины и ателье был с Б. Садовой. В здании работал книжный магазин Тер-Абрамиана, И. С. Панченко стабильно арендовал площади под писчебумажный магазин [58]. В аренду под склады сдавались и флигели во дворе имения. В начале 1890-х в доме помещалась контора самой крупной экспортной фирмы Ростова — «Л. Дрейфус и Ко» [59]. В начале XX века здесь же квартировала школа кройки и шитья Е. И. Ремизовой. Накануне Первой мировой войны здесь проживала В. В. Тер-Абрамиан, вдова Ивана Абрамовича. Неизвестно, занимала она квартиру одна или с ней жили и младшие дети. Здесь же находилась квартира ее взрослого сына Петроса. Судя по различным номерам телефонов, он жил отдельно от матери [60].

В 1888 году Иван Абрамович приобрел недвижимое имущество умершего купца Н. Гуревича в Николаевском переулке. Имение, объявленное к продаже, включало в себя подворье со зданиями для устройства бань: одноэтажное, видимо, полностью готовое к работе, и трехэтажное с двухэтажной пристройкой, возведенные, но не отделанные. Здесь же находились флигель в два этажа, сарай и колодец, обложенный кирпичом, проведен водопровод. Имущество Гуревича было описано за долги и оценено в 38 тыс. рублей. В 1888 году описанная недвижимость объявлена была в продажу во второй раз [61]. Неизвестно за какую сумму приобрел его Тер-Абрамиан. При таком стечении обстоятельств вполне возможно, что имение было продано по соглашению покупателя, кредитора и судебного пристава за сумму долга покойного Н. Гуревича ТД «Карл Стукен» и произведенных судебных издержек. Видимо, окончательная отделка зданий и их оборудование потребовали времени и дополнительных затрат, как от собственника зданий, так и от арендаторов. Бани открылись после окончательного оборудования их в декабре 1890 года и первоначально назывались «Центральные гигиенические бани И. А. Тер-Абрамиан». Судя по рекламному объявлению 1891 года, предусматривалось обслуживание посетителей разного уровня достатка.

Банные помещения общего пользования разделялись на три класса, а цена услуги варьировалась от 10 до 30 коп., причем нижняя планка ее свидетельствовала о доступности бани и малоимущим горожанам. Кроме этого, рекламировались отдельные номера, различавшиеся как оборудованием, так и ценой — от 75 коп. до 2 рублей за пользование так называемым зеркальным номером [62]. В 1890–1900-х годах упоминается несколько имен арендаторов бань. Роль же самого владельца комплекса зданий, а затем и его наследников, заключалась в получении необходимых разрешений на неизбежные перестройки помещений в процессе длительной эксплуатации бань.

Нельзя не упомянуть о любопытной публикации в «Донской пчеле», логически связанной с сюжетом о приобретении Иваном Абрамовичем бань. Последовательно в трех номерах в октябре 1887 года, примерно за год до покупки, была опубликована пространная статья «Баня и влияние ее на человеческий организм», занявшая шесть подвалов на страницах газеты. Автор ее, подписав текст инициалом «А.», обнаружил нешуточное знакомство с медицинской и гигиенической литературой эпохи. Его обширная статья являла собой настоящий санитарно-гигиенический трактат о функциях человеческой кожи и о воздействии на нее трех видов бань — теплой, горячей и паровой (парной). Возможно, авторство принадлежит Афанасию Щербакову, который в эти годы занимал в Ростове должность санитарного врача и регулярно публиковал в «Донской пчеле» статьи о борьбе с заразными заболеваниями, вел их ежемесячную статистику. В юбилейном номере «Донской пчелы» он указан как заведующий медицинским отделом редакции [64].

Бани в комплексе зданий, принадлежавших Ивану Абрамовичу, справедливо назывались «Центральные гигиенические». Оно удивительно верно определяло их локализацию, — центральнее располагаться было просто невозможно. Особенно после того, как в 1896–1898 годах на месте разобранного деревянного театра воздвигли монументально-помпезное здание ростовского городского самоуправления, в просторечии — городской дом. Это событие окончательно закрепило за Б. Садовой статус главной улицы Ростова, а ценность земли и многоэтажных каменных домов, на ней расположенных, скачкообразно увеличилась. Только один пример: имение Ивана Абрамовича на Б. Садовой, 61, городская оценочная комиссия в 1894 году

оценила в 17 600 рублей [65], а в 1900 — в 35 200 [66], то есть вдвое выше, хотя построек на подворье не прибавилось.

Не случайно Иван Абрамович в 1886 году писал о том, что только «капитальные люди» способны стабильно, из года в год, не считаясь с затратами и возможными потерями, издавать провинциальную газету. За десятилетия своей ростовской жизни он и показал себя именно таким «капитальным» человеком. «Донская пчела» выходила в свет в течение 17 лет, при этом издатель ее не получал казенных субсидий и не просил их, не искал компаньонов для продолжения или развития дела. Материальную базу издания газеты, которая стала окупать себя лишь на 7–8-й год издания, составляли как прибыль от образцово поставленной типографии и продажи издававшихся Тер-Абрамианом книг в собственном книжном магазине, так и средства, поступавшие в виде ренты от удачных инвестиций в доходную ростовскую недвижимость.

ГЛАВА 2

ГАЗЕТА «ДОНСКАЯ ПЧЕЛА» И ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ И. А. и А. И. ТЕР-АБРАМИАНОВ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА И КРАЯ

2.1. Условия издания «Донской пчелы»

Первый номер газеты вышел 1 (14) февраля 1876 года, хотя разрешение на ее издание было получено в МВД в июне 1875, а начать выпуск планировалось в январе 1876 [1]. Отпечатан был первый номер газеты, по сведениям самого издателя, в 65 экземплярах. Спустя несколько дней по адресам доставки подсчитали и количество подписчиков газеты: их оказалось 70. В качестве компенсации за пропущенный месяц подписчикам газеты был разослан «Ростов-Нахичеванский русско-армянский календарь на 1876 год», вышедший в декабре 1875 года. Не рассчитывая на скорую прибыль от столь рискованного предприятия как выпуск газеты в провинции, Тер-Абрамиан внес в банк три тысячи рублей, проценты с которых, а в случае необходимости и сам вклад, пошли бы на покрытие возможного убытка. Спустя десять лет он вспоминал: «...Самое дело, подвигаясь ежегодно вперед, шло очень туго, имея в результате постоянный дефицит. Только <...> на седьмой год издания, когда цифра подписчиков достигла 500, а объявления давали бюджет до 2000 руб., мы стали получать кое-какой доход». На десятом году издания у «Донской пчелы» было 800 подписчиков и 200–300 экземпляров продавалось в розницу [2]. Год спустя в «Литературном обозрении» секретарь редакции С. Б. Каневский писал о 1200 подписчиках «Донской пчелы» [3]. Этот взрывной рост числа подписчиков (на 50 % за год) я попытаюсь обосновать в следующем параграфе.

Сам редактор объяснял медленный рост числа подписчиков как узостью слоя провинциалов, которые могли быть отнесены к «читающей публике», так и ограниченностью средств, которые мог потратить на культурные нужды грамотный житель провинции. В одной из передовых 1882 года, посвященной началу издания газеты «Екатеринославский листок», он заметил, что «Донская пчела», хоть и получила в крае достаточную известность, «изобилием сочувствующих в материальном отношении, в качестве подписчиков, не может похвалиться», как, впрочем, и вообще любое провинциальное издание. И редакции нового провинциального издания тоже не следует рассчитывать на значительный круг подписчиков в губернии [4]. А в одной из передовых о десятилетии газеты писал, что все время приходилось «рассчитывать на средние и малые обывательские средства, ограниченность которых постоянно напоминала нам о предельном максимуме подписчиков и о необходимости протягивать ножки по одежке» [5]. Стоимость подписки на «Донскую пчелу» с доставкой по Ростову и Нахичевану была 6 рублей в год, в другие города — на рубль больше. В розницу каждый номер газеты продавался по 10 коп. Цена подписки увеличилась только в последние месяцы ее издания, в связи с переходом на ежедневный формат.

В одной из трех передовых статей, посвященных десятилетию газеты, И. А. Тер-Абрамиан процитировал цель и задачи газеты, изложенные им в самом первом номере. Привожу эту цитату: «Газета служит указанием всех нужд и интересов бытовой и социальной жизни народонаселения тех местностей, где она издается; она самый верный группировщик мнений целой страны и века, следовательно, наша цель — ознакомление читателей с новостями века и с применением их к жизни и быту местного общества» [6]. Демонстрируя чисто просветительскую веру в силу печатного слова, редактор-издатель и его сотрудники стремились довести до сведения провинциального обывателя в обобщенном виде новости и идеи века и показать, каким образом возможно применить их к общественным пользам и нуждам местности. Сам Иван Абрамович в 1885 году признал, что изначальная программа была весьма скромной, но и ее реализация требовала «громадного физического и нравственного труда», так как в провинциальной глуши «нужно было прежде всего уяснить значение печатного слова, заставить общественных деятелей и публику прислушиваться к нему, внимать ему, бояться карающей и

обличающей гласности» [7]. Впрочем, программа издания газеты быстро эволюционировала путем расширения задач просветительской работы.

Иллюзии в отношении провинциальной публики развеялись весьма быстро, когда и редактор, и его сотрудники увидели, какую «целину» обывательского сознания предстояло вспахивать и окультуривать. Вот один достаточно колоритный образ вероятного подписчика на «Донскую пчелу» формата 1877 года. В одном из январских номеров газеты как забавный курьез читается письмо одного из крупных ростовских торговцев редактору «Донской пчелы». Газета опубликовала его с оригинальной орфографией автора. Письмо невелико и потому цитирую его так, как оно напечатано: «Милостивый Государь Иван Абрамович! Прошу прислать квитанцию на Вашу Газету Д. П. Только за четиры (!!!) рубли в Год. — В магазин Герцова, бывший Фалченкова». Редакторский комментарий этого послания с определенной натяжкой можно оценить как осторожно оптимистический. Вряд ли издателю газеты приятно было сознавать, что среди его подписчиков возможны персонажи, «имеющие субъективный взгляд на вещи и, по своему полному непониманию, не умеющие сделать различия между редакцией и лавкою. <...> Мы выражаем надежду, что автор письма есть в городе единственный тип и что вряд ли еще существуют лица подобные г-ну Герцову. А впрочем, кто знает?..» [8]

В уже упоминавшейся передовой статье о начале издания «Екатеринославского листка» редактор отчетливо разделил понятия «население», «развитое общество» и «читающая публика», подчеркнув их смысловые различия. Характеризуя «развитое общество», он отметил, что и для него «идеалы правды и добра» чаще всего — пустой звук. Не только в провинции, но и в России в целом немного тех, кто читает «трактаты об идеалах». По его наблюдениям, интересы читателей как столичных, так и провинциальных газет вращались «вокруг и около новостей, сведений и даже справок». И если бедный провинциал не выписывает газет вообще, для состоятельной публики существуют столичные газеты. «Тот слой общества, который слышит у нас читающею публикой, просматривает свою местную газету только из любопытства <...> или из-за каких-либо отдельных субъективных интересов. Он читает столичную газету, несмотря даже на то, что большинство столичных газет игнорирует интересы провинции» [9]. Рефлексия редактора

по вопросам издания газеты выражалась в ежегодном осмыслении его итогов и корректировке задач дальнейшей работы. Оно обычно включало в себя как анализ содержания публикаций, так и текущих условий ее издания. Среди последних немалое внимание уделялось отслеживанию читательских интересов местной публики.

В этом контексте особый интерес представляет социокультурный портрет ростово-нахичеванских читателей, который появился на страницах «Донской пчелы» осенью 1886 года. Портрет принадлежит перу С. Каневского, секретаря редакции газеты в 1886–1887 годах, и составлен на основе данных о подписке на газеты и журналы. Доктор прав Гейдельбергского университета, он вполне разделял мнение редактора-издателя газеты о значимости статистических данных как основы для анализа текущей ситуации в той или иной сфере деятельности людей и адекватного определения задач последней. На сей раз сведения о количестве местных подписчиков на периодические издания дали возможность ответить на ряд любопытных вопросов: какие издания имели наибольшую популярность; что предпочитали читать ростовцы; наконец, какой культурный облик читателей отразило зеркало подписок на периодику. За поиском данных редакции не надо было далеко ходить: с осени 1879 года И. А. Тер-Абрамиан стал принимать от горожан Ростова и Нахичевана подписку на все российские газеты и журналы в книжном магазине при редакции «Донской пчелы» [10].

Из 2967 экземпляров, получавшихся в Ростове и Нахичеване периодических изданий, 539 (17 %) приходилось на журнал «Нива». Секретарь «Донской пчелы» считал его хорошим и дешевым журналом с множеством иллюстраций и советами по ведению домашнего хозяйства, но «всякий читающий согласится, — писал он, — что “Нива” не представляет того материала и того рода литературного чтения, <...> которое могло бы служить залогом развития, образования, распространения полезных сведений и знаний». Отметил Каневский и чрезвычайно малый интерес к профессиональной периодике: «Судебная газета» получалась только в 8 экземплярах, а газета «Врач» — в 14! Между тем практикующих ростово-нахичеванских юристов было около 100 человек, а число врачей стремительно прогрессировало. В середине 1880-х годов, если судить по объявлениям в «Донской пчеле», каждый месяц примерно 2–3 вновь прибывших врача сообщали об открытии

частной практики в Ростове. Автор подчеркнул: «Ростовская публика вообще не интересуется серьезным образовательным чтением», даже люди с высшим образованием не обнаруживали желаний обновлять свои профессиональные знания.

Обобщенный портрет читателя периодики заключала статистика выписывавшихся столичных ежедневных газет. Получались они количестве от 192 до 125 штук: «Новое время» — 125, «Новости» — 192, «Русский курьер» — 136. Однако удивило образованного юриста другое: «в большом количестве еще получается “Московский листок”, который создан исключительно для дворников, кабаков и извозчиков. “Луч”, который только тем и прославился, что он ругает жидов, и ругает так, что перед ним бледнеет ругань самого грубого извозчика, получается в Ростове в 254 экземплярах». (Замечу в скобках: согласно приведенной Каневским статистике, пресловутого «Московского листка» выписано было в 1886 году вообще-то лишь 85 экз. Но есть в ней и показательное сравнение: на «Московские ведомости» М. Каткова, газету солидно-консервативную, с лексически более сложными текстами, подписчиков было вдвое меньше). Итоговое резюме секретаря редакции «Донской пчелы» нелицеприятно: «Против такого характера и направления чтения, против таких литературных вкусов нельзя не восставать, в особенности в таком центре, где образовательные начала в зачатке, где дурные инстинкты преобладают над хорошими, где невежество и мракобесие пользуется правом гражданства и находится в большом почете» [11]. Столь резкая оценка ростовской публики на основе ее читательских предпочтений весьма образно характеризует и условия, в которых осуществлялось издание «Донской пчелы».

Похоже, что достаточно обидный обобщенный портрет ростовского читателя периодики от С. Б. Каневского местные обыватели запомнили и, конечно же, не простили ни ему лично, ни редактору «Донской пчелы». За полгода, прошедшие между этой публикацией и разбойным нападением на секретаря и редактора газеты, «Донская пчела» усугубила свои прегрешения перед местным обывательским миром, где «невежество и мракобесие» находились в почете, а всякого рода разоблачения дел и делишек, порой дурно пахнувших, вызывали злобу против обличителей. Само нападение произошло 18 апреля 1887 года среди бела дня, в центре Ростова, в Николаевском

переулке. Жертвы его были избиты и ограблены [12]. Разбоем предшествовало появление 12 апреля очередной колонки «злоб дня». Называлась она «Кое-что из местной жизни» и вел ее секретарь редакции. Начав с изложения публикаций лондонских газет о торговле женщинами, он весьма быстро перешел к растлению хозяином одного из ростовских магазинов малолетних девочек, которых отдавали в его фирму для обучения швейному и прачечному делу. В конце концов об этом стало известно, началось следствие, а вместе с ним и попытки насильника уйти от ответственности, красочно описанные секретарем «Донской пчелы» [13]. И хотя имя преступника не называлось, оно было узнаваемо для читателей.

Избиение ростовских журналистов вызвало резонанс в прессе. В основном это были сочувственные публикации, полные возмущения насилием. Некто М-лов в фельетоне «Кто виноват?», опубликованном в «Донской пчеле» после нападения на журналистов, заметил, что масса людей, не знавшая о том, кто напал на редактора газеты и ее секретаря, «сейчас же догадалась, что за причина нападения». Красной питью текст пронизывали два положения. Первое: «Печать не может, в интересах общества, хладнокровно смотреть на возмутительные факты, на совершающиеся преступления. Наоборот, если бы она умалчивала о них, то само общество могло бы предъявить к ней в свою очередь обвинение в том, что она укрывает, умалчивает о преступлениях». И второе: «Жестoko ошибаются те люди, которые думают, что подобного рода нападения на представителей печати могут повлиять на их дальнейшую полезную работу» [14]. Справедливость обоих суждений подтвердили последовавшие заявления редактора-издателя. Спустя пару недель после нападения Иван Абрамович в регулярной колонке «Ответы редактора», поблагодарив своих корреспондентов за высказанное сочувствие, заявил: «мы шли и идем по тому пути, по которому шли и идут люди, зорко следящие за злобою дня» [15]. Месяц спустя в одной из передовых, вернувшись к вопросу о разбойном нападении, он подчеркнул, что газета «всегда считала своей нравственной обязанностью обличать преступников, несмотря на то, что иной раз приходилось пострадать за правду. <...> К сожалению, многие из наших читателей все еще недоумевают, какова истинная роль печати, и действительно ли печать вправе обличать пороки, или она существует только как забава для общества, которому есть досуг позабавиться чтением? Мы несколько не виноваты, что некоторые из наших читателей

думают, что наши обличительные статьи мы направляем для того, чтобы причинить неприятность известному лицу, а не принести пользу целому обществу» [16]. Представители обывательского мира Ростова, надеясь запугать журналистов разбойным нападением, продемонстрировали собственные «дурные инстинкты» в самой отвратительной форме. Но успеха не достигли. Редакция «Донской пчелы» вполне определенно заявила, что нападение не может помешать ей исполнять свои нравственные обязанности обличения пороков и преступлений.

Отношение к газете гласных городской думы и городской управы следует считать еще одним фактором, определявшим условия ее издания. Осознание редактором неприязненного отношения к газете со стороны городского самоуправления произошло к концу 1878 года. Неприязнь отчетливо проявилась, видимо, с того момента, когда на смену городскому голове А. Кривошеину летом 1878 был избран Н. Кузмин. В одном из декабрьских номеров, отмечая сложности выпуска «Донской пчелы», автор передовой писал о нежелании представителей администрации и местного общественного самоуправления предоставлять газете необходимую информацию, так как «смотрят на местную печать как на величайшее зло для их благоденствия» и пользуются отсутствием у нее, в отличие от столичных ежедневных газет, «толпы репортеров и стенографов» [17]. Спустя два года, подводя итоги пяти лет выпуска газеты, Иван Абрамович писал: «Не наша вина, что мы иногда принуждены были обходить своим обсуждением некоторые вопросы, касающиеся интимных сторон нашей будничной жизни, — этого требовали как “причины, от нас не зависящие”, выражаясь принятым в публицистике языком, так и те условия, при которых может только существовать самостоятельный печатный орган в уездном городе, населенном преимущественно коммерческим элементом, который к местной газете привык относиться довольно своеобразно и преимущественно с точки зрения субъективности». А редактор-издатель, со своей стороны, стремился поставить газету «на почву самостоятельных и правдивых суждений, зная очень хорошо, что истина в данном случае играет гораздо важнейшую роль, нежели лесть» [18]. Сложные взаимоотношения реакции газеты с городским самоуправлением сыграли свою роль и в истории первой попытки перейти к ежедневному изданию «Донской пчелы» в начале 1880-х годов.

Прежде, чем описывать неудачную попытку перехода к ежедневному формату выпуска газеты, следует охарактеризовать, кто и как в уездном городе осуществлял цензуру. «Донская пчела» цензуровалась местным полицмейстером или его помощником частным приставом в случае отсутствия начальника по каким-либо причинам. Это было обычное правило для провинциальных периодических изданий, выходивших не более двух раз в неделю, а то и реже. Цензоры Главного управления по делам печати МВД работали исключительно со столичными (петербургскими и московскими) периодическими изданиями. В остальных городах цензорами выступали представители местной администрации. С 1868 года главой администрации для жителей Ростова и Нахичевана был ростово-нахичеванский полицмейстер. Выходившие два раза в неделю «Донская пчела» и «Ростовский листок» (издатель А. Холева) не требовали напряженной цензорской работы от полицейских чинов. Впрочем, последние не упускали возможности повлиять на содержание газетных публикаций. Вспоминая о временах полицейской цензуры, И. Алексанов (Небессмертный), работавший в начале 1880-х в редакции «Донской пчелы», писал в 1899 году: «Статьи, заметки или даже просто упоминания о полиции не допускались безусловно. Попытки коснуться этой области искоренялись радикальным образом» [19].

Но в случае перехода газеты на ежедневный формат, неизбежно вставал вопрос о том, кто и на какие средства будет ее цензуровать. В 1881 году, убедившись, что в газете, которая выходила два раза в неделю, невозможно достигнуть серьезного объема публикаций и тем самым «отвечать всем требованиям времени и местности», И. А. Тер-Абрамиан ходатайствовал о разрешении выпускать «Донскую пчелу» ежедневно [20]. В принципе со стороны МВД, в структуре которого находилось Главное управление по делам печати, возражений не последовало. Однако столичное ведомство готово было дать свое согласие в случае, если цензоры для ежедневной газеты будут найдены на месте и содержаться станут самим издателем. Упомянув об этом условии перехода к ежедневному выпуску газеты, И. Алексанов в некрологе 1899 года писал: «Проект загдох вследствие нежелания местных издателей (“Донской пчелы” и “Листка”) принять на себя расходы по содержанию цензора» [21]. Если бы дело было только в лишних расходах по изданию, то и в этом случае можно было понять владельца «Донской пчелы». Напомню, что бюджет газеты стал бездефицитным только в 1882 году.

Но существует еще одна версия причины отказа И. А. Тер-Абрамиана от ежедневного выпуска газеты на таких условиях. Она изложена столичным публицистом И. Кольцовым в очерке 1882 года в журнале «Дело». Последний считал неестественной ситуацию, когда газета цензуруется ростовским полицмейстером: «Администрация, ответственная за рост каждой былинки в городе, держит цензуру над газетой... Подписывая каждый номер, содержащий указания на какие-либо проявления неблагоустройства, цензор фактически подписывает обвинение самому себе». Вместе с тем И. Кольцов привел и мнение редактора «Донской пчелы», высказанное И. А. Тер-Абрамианом в личной беседе и, очевидно, в контексте обсуждения вопроса об условиях ее ежедневного издания. «Редактор “Донской пчелы” говорил мне, что, за неимением правительственного цензора, он предпочитает такое положение, потому что полицмейстер человек умный, терпимый, а главное — независимый от местного общества». Резюмируя беседу, столичный журналист заметил: «Печально положение газеты, для которой даже цензура администрации представляется сравнительно тихой пристанью», а редактор не сомневается в том, «что в руках цензора — члена местного общества газета очутилась бы в еще худшем положении», поскольку в Ростове есть лишь две реальные силы — коммерсанты и полиция. При этом первые из названных, тесно связанные с городским самоуправлением и прочими общественными учреждениями, ревниво охраняют таинственный полумрак, «скрывающий городские дела от взоров непосвященных», что «страшно обесцвечивает местную прессу» [22]. На мой взгляд, версия Кольцова более корректно отражает мотив отказа редактора-издателя от ежедневного выпуска газеты, несмотря на то, что И. Алексанов в это время был сотрудником редакции «Донской пчелы». Но вряд ли редактор стал бы откровенничать со своим фельетонистом по поводу издательских проблем. А вот со столичным публицистом он вполне мог поделиться сложными взаимоотношениями провинциальной газеты с местным коммерческим миром в надежде на публикацию в московском журнале. Так или иначе, но вопрос о переходе газеты на ежедневный формат был отложен на 10 лет.

Между тем отношения городского самоуправления и редактора-издателя «Донской пчелы» с течением времени лишь осложнялись. С. Каневский, вспоминая торжества по поводу 10-летия газеты, писал на ее страницах: «Многие лица и учреждения выразили ему благодарность за его (редактора-

издателя. — *Н. С.*) неутомимый 10-летний труд. Только одно учреждение забыло поздравить юбиляра с его юбилейный днем, только одно учреждение отнеслось не сочувственно к этому событию, и это учреждение есть именно то, которое должно было первым выразить редактору свою признательность, это учреждение — ростовская городская управа. Неужели это холодное отношение управы и думы вызывается тем, что на столбцах «Донской Пчелы» появляются иной раз статьи, указывающие на некоторые недостатки и ошибки, допущенные в городском самоуправлении, <...> редактор-издатель совсем не желает и не желал этим обидеть городское самоуправление» [23]. Газета И. А. Тер-Абрамиана раздражала торговый мир Ростова, влиятельно представленный в городской думе, то своими социальными инициативами, то резкими оценками думских постановлений. Среди первых назову относительно успешную кампанию 1879–1882 годов за установление воскресного и праздничного отдыха приказчиков и продолжительную и настойчивую борьбу «Донской пчелы» за введение таксы на хлеб в Ростове.

Что касается резкости оценок действий городского самоуправления, то впервые она очень отчетливо проявилась в связи с обсуждением в думе вопроса о застройке фасадной части городского сада торговыми павильонами. В одной из передовых в ноябре 1881 года редактор весьма обстоятельно, с цифрами в руках, рассмотрел условия этой застройки, предложенные специальной думской комиссией, и показал, что коммерческий успех данной затеи, имевшей целью пополнение городского бюджета, более чем сомнителен [24]. Спустя почти год комиссия думы свою работу завершила и представила ее на рассмотрение гласных. Очевидно, что и среди 32 гласных, собравшихся на первое заседание думы после летних каникул, тоже имелись сомневавшиеся. Документ решили лишь распечатать и отправить всем 72 думцам для ознакомления и обсуждения [25]. Вернулся к теме и редактор «Донской пчелы». В октябре 1882 года он писал, что интересы городского самоуправления не должны сосредоточиваться исключительно на доходах городского бюджета, поскольку не в одних лишь деньгах состоит благо как отдельного человека, так и общества в целом. «Обывателям обещают сравнять балку и расширить площадь для гулянья; всякий же практичный человек скажет, что закрыв лицевую сторону, сад уже не будет местом общественного гулянья, а будет <...> притоном, центром и прибежищем легких птичек». И все это затевается ради прибавки в полумиллионный бюджет города 10–20 тысяч рублей, что

представлялось автору передовой акцией «положительно безвыгодною» [26]. Впрочем, вопрос о застройке фасада городского сада заглох сам по себе в связи с объявленным уходом Н. Кузмина с поста городского головы. Правда, он еще год исполнял свои обязанности и даже успел ликвидировать архив ростовской думы, продав его рыночным торговцам как оберточную бумагу. А ростовский коммерческий мир между тем решал, кто должен прийти ему на смену, обсуждал разные кандидатуры, вел переговоры и т. д.

В январе 1884 года вновь избранные гласные думы созыва 1884–1887 годов большинством голосов (51 против 11) избрали городским головой А. М. Байкова [27]. К своим обязанностям он приступил лишь в марте, когда окончательно сдал дела по управлению Кавказскими минеральными водами, которые арендовал у казны в перерыве между двумя периодами пребывания городским головою Ростова-на-Дону. Однако появление во главе думы талантливого администратора, о котором в городе говорили много хорошего и встретили с энтузиазмом, не улучшило, вопреки ожиданиям Тер-Абрамиана, отношения муниципалитета с редакцией газеты. При всех его талантах и при понимании роли прессы в формировании общественного мнения, Байков плохо воспринимал критические замечания «Донской пчелы» в адрес управы, думы и себя лично. А Иван Абрамович в редакционной политике руководствовался принципом «истина важнее лести».

С обнародованием нового (принятого в приходом Байкова) проекта устройства конно-железной дороги, по которому предполагалось провести конку исключительно по центру города, не подводя путей к железнодорожному вокзалу и не соединяя Ростова и Нахичевана, последовала резкая оценка его в «Донской пчеле». Редактор в передовой статье заявил, что проект наносит «ущерб экономическим условиям нашего города» и демонстрирует «желание оставить Нахичеван, что называется, на мели», к тому же вызывает «антагонизм» двух городов-соседей. Невыгодна его реализация и тем, кто подрядился было строить конку, — один из них уже отказался от участия в проекте [28]. Ответ управы редактору последовал незамедлительно. Газета с критикой проекта вышла в свет 29 апреля, а вслед за этим управа решила прекратить печатать свои издания в типографии Тер-Абрамиана. Косвенно об этом свидетельствуют выходные данные «Ведомостей Ростовской-на-Дону городской управы» за 1884 год. Последний майский их

номер был отпечатан у Тер-Абрамиана, а вышедший через неделю в июне — в типографии А. Холева [29].

Определенные материальные потери не остановили редактора-издателя; скорее, они обусловили пристальное внимание газеты к деятельности городского самоуправления и его главы. В августе 1884 года «Донская пчела» перепечатала полностью заявление городской управы по поводу оппозиции части думских гласных ее действиям. В тексте говорилось о том, что управа вполне удовлетворена поддержкой большинства гласных и не обращает внимания на «пасквили и площадную брань» со стороны ее противников и выражает надежду, что гласное обсуждение ее позиции пойдет на пользу общему делу. Воспользовавшись этим предложением, редактор прокомментировал заявление управы. Его оценки настолько содержательны и интересны, что уместно привести их для понимания как этической, так и социальной позиции самого героя нашей книги.

И. А. Тер-Абрамиан определил свое отношение к публикации, отметив, что, солидаризируясь с большинством думских гласных, управа упускает общие интересы. «Иметь за собою большинство — вовсе не значит быть носителем правого дела — с этим, мы думаем, согласится всякий, согласится также гг. городской голова и члены управы. Напротив, очень часто большинство, по незнанию или по личным расчетам, стоит за мрак, за неправду, — этого также, мы полагаем, никто не станет отрицать. Гораздо чаще бывает так, что меньшинство ратует за правду, но под давлением большинства голос его остается бесплодно вопиющим. <...> Не победой над злом меньшинства торжествуйте, а гордитесь борьбою со злом большинства. Вот где заслуга общественных деятелей. Представитель большинства уже не есть общественный деятель, а партийный делец. Действует во зло, во вред интересам общества и большинство, и меньшинство, — этому примеров много. А идти впереди того или другого, а не правды — заслуга небольшая». И вслед за оценкой действий городского головы как партийного дельца была сформулирована позиция «Донской пчелы»: «Со своей стороны мы берем на себя труд отмечать все то в деятельности нашего городского управления, что будет носить хоть тень отступления от общественных интересов — без исключений» [30]. Так вызов был брошен и принят; позиции городской управы и редакции газеты вполне определились.

Вряд ли уместно в данной работе излагать весь чрезвычайно интересный и занимательный сюжет о взаимоотношениях городского головы А. Байкова и редактора-издателя «Донской пчелы» в 1884–1889 годах. Он не вполне вписывается в рамки поставленных задач. Тем не менее отмечу, что обещанное пристальное внимание газеты к действиям управы и думы неуклонно прослеживается при чтении ежегодных подшивок газеты. К чести редактора, в действиях Андрея Матвеевича во главе городского управления Иван Абрамович отмечал и хорошие решения, и ошибочные, давал адекватные оценки и первым, и вторым. В «Донской пчеле» с первых лет ее существования оперативно работала связь редакции с читателями. В данном случае читатели своими письмами с оценкой действий думы или управы, появлявшимися на страницах газеты, помогали выявлению плюсов и минусов в действиях муниципальной власти. Этой же цели служили и обстоятельные статьи о нуждах Затемерницкого поселения, подписанные псевдонимом Темерничанин. Они периодически появлялись в газете в 1885–1888 годах.

Нахичеванскую думу и управу «Донская пчела» и ее редактор также не обходили вниманием и руководствовались вышеназванными принципами оценки их работы. Приведу здесь только пару примеров. Так, накануне празднования 100-летия основания Нахичевана специально созданная городским самоуправлением комиссия по подготовке к юбилею решила ознаменовать его — ни много ни мало — учреждением двух особых стипендий в городском духовном училище. Между тем еще июне 1878 года в «Донской пчеле» была высказана идея отметить юбилейную дату города сооружением памятника его основателю — архиепископу И. Аргутинскому-Долгорукому. Однако думская комиссия это предложение проигнорировала. Оценивая сложившуюся ситуацию, передовая «Донской пчелы» заметила: «Никак не ожидали от нахичеванских армян этого случая, наглядно доказавшего, как они мало заботятся о своем будущем поколении, которое благодаря, быть может, щепетильности некоторых лиц лишится возможности видеть единственный армянский памятник в армянском же городе. <...> Мы говорим это не почему-либо другому, а единственно под влиянием невольно сжимающей грудь тоски, видя, что вопрос, возбужденный нами еще в июне настоящего года, разрешился в конце концов известной ходячей поговоркой: “Гора родила мыш”» [31].

А вот инициатива нахичеванской думы о сооружении конно-железной дороги, которая объединила бы оба города маршрутом от Соборной площади Нахичевана до железнодорожного вокзала в Ростове, была поддержана газетой и оценена как мера, полезная для экономики и повседневной жизни горожан обоих центров. Газета приветствовала образование в марте 1879 года комиссии для рассмотрения проекта конки в ростовской думе [32]. Спустя четыре года «Донская пчела» уже недоумевала, почему нет никаких итогов работы этой комиссии. И для напоминания этой теме опубликовала текст отношения тогдашнего нахичеванского головы И. Аладжалова в ростовскую думу с предложением о сооружении конно-железки [33]. А затем, уже в 1884–1887 годах, неоднократно редактор-издатель газеты возвращался к вопросу о том, что экономические интересы обоих городов и их жителей игнорируются проектом проведения конки от пер. Доломановский до пер. Богатыновский, принятом ростовской думой, вспоминая о том, что само дело было инициировано нахичеванскими гласными и речь шла о совершенно ином проекте.

Подводя итоги 12 лет своей редакторской работы, И. А. Тер-Абрамиан заметил: «По отношению к нашему городскому самоуправлению мы можем считать за собою несомненную заслугу в том, что мы всегда приходили ему на помощь поддержкой в публике его благоразумных начинаний» [34]. Эта самооценка, с учетом анализа опубликованных газетой тематических материалов, представляется вполне адекватной. И хотя писалось это об отношениях газеты и ростовского самоуправления и в ходе трехэтапных выборов городской думы на 1888–1891 годы, тождественным было отношение «Донской пчелы» и к действиям городской думы и управы Нахичевана. В декабре 1887, накануне выборов гласных думы по 3-й, самой многочисленной курии ростовских налогоплательщиков, в пространной передовой, подписанной, против обыкновения, полным именем редактора, Тер-Абрамиан размышлял о качествах, которые следует учитывать, избирая то или иное лицо в городскую думу. Высказался он и о том, почему не следует редактора местной газеты избирать гласным. Редактор, по его мнению, «желая принести городу пользу, всегда может сказать с редакторского кресла в аудитории гораздо большей, чем думская зала с 72 слушателями все то, что мог бы говорить в думе». При этом вдали от думских «партий» «он будет гораздо свободнее писать о городских делах, о бестактных действиях тех или других гласных.

Вступив же в число гласных, редактор газеты поневоле стеснен будет в критике действий своих товарищей» [35]. Суждения эти, несомненно, основаны были на личном, многолетнем и сложном, опыте взаимодействия с ростовскими думой и управой.

2.2. Читатели-корреспонденты и сотрудники редакции «Донской пчелы»

Начиная газету, Иван Абрамович отдавал себе отчет в неразвитости и даже в малограмотности провинциального обывателя — подписчика газеты. Тем не менее именно к этой читающей публике, к тем, кто подписывался на «Донскую пчелу», в логотипе газеты с самого начала ее издания неизменно присутствовал призыв присылать в редакцию статьи и заметки. Тексты обещали опубликовать, если содержательно и стилистически они будут соответствовать требованиям редакции. Иных корреспондентов на местах в последней четверти XIX века не было не только у провинциальных газет, но даже и у ежедневных столичных изданий.

Подписчики, готовые писать заметки и сообщения, появились у газеты уже в 1876 году. В первом номере 1877 года Иван Абрамович изложил основные требования к присылавшимся в редакцию статьям и заметкам. «Статьи должны доставляться в редакцию за подписью и адресом автора, без чего они не могут быть напечатаны», — гласило главное из них. Впрочем, в газетном номере материал мог публиковаться и под псевдонимом, а также подписанный инициалами, одной буквой или фамилией автора. Но редакция, решая вопрос о публикации или отказе от присланного текста, должна была знать реальную фамилию и место проживания своего корреспондента. При этом она оставляла за собой право рассматривать текст с точки зрения содержательной, морально-нравственной и эстетической, а также сокращать его перед публикацией. В случае появления статьи или заметки на страницах газеты автор получал гонорар, если не отказывался от него заранее, при отправке текста [36]. Построчная плата за публикации была минимальной — полкопейки за строку. При этом надо учитывать и формат газеты: один печатный лист, сложенный пополам, а на каждой из полос — пять довольно узких колонок. Отмечу и еще одно обстоятельство, видимо, не позволявшее установить более высокую плату за строку текста: до 1882 года возможность

разорения и прекращения издания представлялась весьма вероятной перспективой.

Адекватно оценивая уровень развития российского читателя периодики середины 1870-х, Иван Абрамович отчетливо понимал, что сообщения в газеты, как в провинциальные, так и в столичные, пишут люди «чисто случайные и даже еле грамотные, <...> с отсутствием способностей сколько-нибудь осмысленно критически относиться к явлениям общественной жизни». Не случайно редакции газет чаще всего требовали от своих корреспондентов лишь сообщения фактической канвы событий. Но даже и факты некоторые читатели-корреспонденты порой придумывали или с умыслом искажали. Здесь же редактор в качестве примера привел выдержку из заметки ростовского корреспондента в столичных «Новостях» о том, что ростовский купец С. Петров пожертвовал на санитарные нужды города 10 тысяч рублей, а известный фабрикант В. Асмолов передал здание своей табачной фабрики под госпиталь Красного Креста. «Оба эти факты чистейшая, сознательная ложь, цель которой известна только корреспонденту», — резюмировала «Донская пчела», высказав пожелание, «чтобы столичная печать с большей разборчивостью относилась к своим корреспондентам и сообщаемым ими фактам, что в интересах силы и влияния самой печати» [37]. Редакция отчетливо понимала, что недостоверные факты могут появляться в газете, особенно если речь идет о событиях, происходивших не в Ростове или Нахичеване. Поэтому в «Донской пчеле» всегда находилось место для опровержений, а читателей призывали реагировать на искажения фактов именно таким образом. При этом ставилось лишь одно условие публикации: опровержение не должно быть оскорбительным. Подтверждения того, что публикации опровержений — это регулярная практика «Донской пчелы», во множестве представлены на страницах электронных копий газеты.

Возможно, такая интенсивная обратная связь с читателями-корреспондентами и с лицами, затронутыми статьей или заметкой, позволила редактору-издателю уменьшить количество судебных процессов против газеты, но полностью предотвратить их было невозможно. Порой обстоятельства складывались так, что на страницах газеты истина неизбежно предпочиталась лести или следовала резкая отповедь по поводу того или иного суждения. Приведу лишь один пример: в колонке «Ответы редактора» в одном из

номеров за 1887 год Иван Абрамович весьма резко высказался по поводу уничижительных нападок на женщин в фельетоне «О женщине вообще и о русской женщине в особенности». Прислан он был корреспондентом из Новочеркасска, ранее уже публиковавшим в газете свои тексты. «Женщина может найти бездну льстецов, поклонников, обожателей между мужчинами, но настоящей справедливости по отношению к ней она будет искать тщетно и в этом <...> заключается трагизм ее судьбы, — ответил редактор. — Что касается собственно русской женщины, то несмотря на такую горькую истину, она теперь уже не та, какую вы представляете и какую знавали ее наши отцы и деды. <...> Она вышла на широкую и тернистую дорогу труда и потребовала на свою долю той работы, которую издавна мужчины привыкли считать своей исключительной собственностью. Следовательно, плумиться и смеяться (хотя аллегорически) над женщиной теперь вы не вправе». А завершил он свою отповедь весьма неожиданно: «Буде последует от вас на наш ответ возражение, мы <...> с удовольствием поместим его в нашей газете, лишь бы возражение ваше написано было в приличной форме» [38]. Впрочем, возражения на критику не последовало. Во всяком случае, мне оно среди более поздних номеров за 1887 — начало 1888 годов не попало.

Первые два года издания, отказывая тому или иному корреспонденту в публикации, редактор или секретарь «Донской пчелы», видимо, отправляли ему свой отзыв в письменном виде. Но с января 1878 года оценки присланного стали публиковаться на страницах газеты. Так возникла постоянная рубрика «Ответы редактора», сохранявшаяся все последовавшие годы издания. Корреспонденты, по каким-либо причинам не желавшие публичной оценки своих текстов, могли заранее оговорить с редакцией вариант ответа письмом. А те, кто проживал в Ростове или в Нахичеване, частенько просто приглашались для личных объяснений к редактору. В логотипе газеты обозначалось время таких встреч: «Личные объяснения с редактором от 6 до 7 часов вечера». Поскольку дни приема не указывались, очевидно, встретиться с ним можно было в любой из рабочих дней недели, кроме воскресных и праздников.

Сама по себе эта редакционная колонка — весьма любопытное чтение, иногда более интересное, чем газетная же рубрика «Смесь» с анекдотами и описаниями уникальных фактов. Оценивая ее значимость для истории

издания «Донской пчелы», отмечу два момента. Во-первых, «Ответы редактора» позволяют уточнить целый ряд характеристик идейно-эстетической и морально-нравственной позиции как самого издателя «Донской пчелы», так и его газеты. Во-вторых, многолетнее существование рубрики — свидетельство того, что работа с корреспондентами была поставлена на регулярную основу. Как правило, отвергались статьи и заметки, которые не соответствовали программе газеты; корреспонденции, присылавшиеся анонимами; материалы, которые заведомо не могли пройти цензуру или являлись попыткой свести с кем-либо личные счеты на страницах газеты. Кроме того, отказывали в публикации текстам, содержание которых не соответствовало морально-нравственным критериям или эстетическим вкусам редакции (попытки низкопробного юмора, негативные оценки того или иного народа в целом и т. п.).

Приведу, чтобы не быть голословной, несколько цитат из рубрики «Ответы редактора» разных лет издания. «*В Ейск. Самовидцу.* — Ваша корреспонденция изобилует орфографическими ошибками; прошу переписать сокращенно, без орфографических ошибок. Кроме того, стараться передать факт, а не писать гражданские “Четьи-Минеи”». «*В Пятигорск. Занозе.* — Присланное очень объемно. О результате, согласно желания вашего, ответ получите особым письмом». «*В Ростов-на-Дону. К-ву.* — Прежде всего простите за откровенность. Появление в печати пустых и скабрзных рассказов, приправленных, кроме того, самым неприличным глумлением над известным вам человеком, — есть, по нашему взгляду, несомненный признак упадка нравственности. Более полной оценки мы пока не могли себе представить». «*В Ростов. С. П-ну.* — Хотя вы думаете, что ваши стихи могут “доставить читателям удовольствие”, мы вашего взгляда не разделяем и скорее доставим читателям удовольствие, если избавим их от вашей “литературы”». «*И. Г-ому.* — Сухо и не интересно, хотя виден некоторый литературный навык. Не пришлете ли что-нибудь еще?». «*В Нахичеван-на-Дону. Шапке-невидимке.* — В предложенной вами корреспонденции мы нашли только местные дразги, обрисованные в ярких красках, и не отыскали ни одной, имеющей общий интерес, мысли». «*В Новочеркасск. Корнетнику.* — Присланное получили. Воспользуемся» [39].

1 сентября 1888 года в обращении «К нашим корреспондентам», помещенном на месте, традиционно занимавшемся передовой, И. А. Тер-

Абрамиан назвал два качества, которыми должны обладать ее корреспонденты: умение «подмечать в местной жизни все более характерное, более выдающееся... в жизни околотка и своевременно и толково сообщать об этом газете». По мнению редактора, только «по количеству и качеству этого бытового литературного материала можно и должно судить о большем или меньшем понимании и выполнении своих задач провинциальной газетой». Не регламентируя форму изложения материала, присылаемого в газету, он рекомендовал своим корреспондентам не прибегать к обобщениям. Последнее — дело собственно редакции провинциальной газеты, именно она должна обобщать и интерпретировать факты, полученные от корреспондентов, в виде «отдельных статей, очерков, фельетонов и передовых» [40].

Следует отметить, что у «Донской пчелы» сложился круг постоянных читателей-корреспондентов, как местных, так и иногородних, чьи публикации появлялись на страницах газеты в течение ряда лет. География их расселения, следовательно, и география подписки на газету, выглядит весьма солидно, а ее контур определился в основном в течение первых пяти лет издания. Уже в 1877 году добровольные корреспонденты публиковали на страницах «Донской пчелы» заметки о текущих событиях из Таганрога и Новочеркасска, Ставрополя, Темрюка и Владикавказа, Одессы и Мариуполя, Керчи и Симферополя, Харькова и Козлова, Ейска и Бахмута, Екатеринослава и других уездных центров губернии. Несколько позже у Тер-Абрамиана появились корреспонденты из Армавира, Славянска, Анапы, из городов Закавказья, присоединенных по итогам войны 1877–1878 годов. Иногда публиковались корреспонденции из Константинополя, Вены, Парижа. Все это позволяло избегать многочисленных перепечаток из столичных газет, типичных для провинциальной прессы. Последние появлялись на страницах «Донской пчелы» редко, выборочно и в соответствии с целями редакции.

К рубежу 1870–1880-х годов у газеты сложился круг постоянных корреспондентов. Судя по содержанию присылавшихся ими публикаций, интересы их разнились, как и уровень образования, владения словом и т. д. Так, фельетоны-размышления о морали и нравственности пореформенного общества, о свободе совести и об основах христианской веры в течение ряда лет присылал из Ейска Иван Костенецкий. Эти статьи публиковались, хотя сам редактор признавал, что среди читателей периодики было очень немного

тех, кто читал бы «трактаты об идеалах», а реально существовал спрос публики на «новости, сведения и даже справки» [41]. То, что писал для газеты И. Костенецкий в 1881–1884 годах, было именно трактатами об идеалах: «Об общественных нравах, существующих и желательных» [42]; «Все мы жаждем свободы, а стремимся к рабству» [43]; «Причины падения нравственности женщины и его последствия» [44]; «Высокое призвание женщины» [45]; «О промысле Божьем в судьбах мира и человека» [46]; «Ищите и обрящете истину» [47] и др. В 1882 году в типографии Тер-Абрамиана была опубликована и продавалась в его магазине книга И. А. Костенецкого «Мысли на досуге». Кроме рекламных объявлений о ее продаже, информации о содержании книги в газете нет, в отличие от более поздних изданий И. А. Тер-Абрамианом «полезных книг» для народа. Судя по тому, что сбор от продажи этого издания автор пожертвовал в пользу бедных учащихся Петровского реального училища [48], человеком он был не нуждавшимся. Социальный статус и занятия И. Костенецкого толком выяснить не удалось. Единственное, что поведал о себе он сам в очерке-воспоминании о Н. И. Пирогове, это об участии своем в Крымской войне. Закончил ее Костенецкий «старшим артиллерийским офицером» и поступил в Киевский университет, где и познакомился с прославленным российским медиком. Н. И. Пирогов являлся попечителем Киевского учебного округа в 1858–1861 годах. Из публикации ясно, что весной 1861 года Костенецкий еще был в Киеве и участвовал в прощальных обедах, данных коллегами и городским обществом ушедшему в отставку попечителю [49]. В каком статусе И. Костенецкий участвовал в этих обедах, какова была его жизненная траектория в последовавшие годы — неизвестно.

На разные темы — от роли физкультуры в развитии юношества до правил рыболовства в низовьях Дона и очерков об особенностях православного духовного пения — писал (и писал весьма бойко) Феодосий Максименко. Проживал он с 1880 года в Азове, был регентом азовского успенского хора. Именно так он подписал свою статью «Об улучшении русского церковного пения и об улучшении быта певчих», опубликованную в двух номерах газеты [50]. Сомнительно, что работа с церковным хором была его главным и единственным занятием. Предполагать же можно многое, учитывая широкий спектр тем, затронутых в его газетных статьях и заметках. Одна из ранних его публикаций — статья «Цель и задачи гимнастики как фактора

физического воспитания юношества», напечатанная в двух номерах газеты в 1879 году [51]. Автор обнаружил в ней серьезное знакомство не только с целями гимнастики как школьной дисциплины в средних учебных заведениях, но и с особенностями преподавания курса школьной гимнастики в учительских институтах и семинариях. А в марте 1880 года «Донская пчела» опубликовала его письмо по поводу слухов о переводе учительского института из Феодосии, где тот размещался с 1874 года в здании бывшего Халибовского училища, в Керчь в связи с истечением срока аренды помещения [52]. Подробное описание обустройства учительского института в Феодосии и посещения его в 1876 году министром просвещения гр. Д. А. Толстым, основанное на личных впечатлениях, позволяет предполагать, что в это время Ф. Максименко работал в данном учебном заведении. Срок аренды здания Халибовского училища учительским институтом завершился 1 июля 1880 года. А в середине этого же месяца очередную свою публикацию в газете Максименко подписал уже как регент церковного хора в Азове. Видимо, сведения редактора «Донской пчелы» о том, что решение о переводе учительского института из Феодосии в Керчь принято на уровне министерства просвещения, оказались не просто слухами [53]. Присылал Ф. Максименко статьи и заметки в «Донскую пчелу» в течение весьма продолжительного периода. Наиболее значительная его публикация в последовавшие годы — пространный критический комментарий «Несколько слов по поводу проекта Временных правил об азовско-донском рыболовстве», обсуждавшегося в 1885 году в административных структурах столицы, Екатеринославской губернии и Войска Донского [54]. Судя по присланному им поздравлению с 15-летием издания газеты, он и в 1891 году числил себя ее сотрудником.

С 1886 года в «Донской пчеле» стали появляться заметки и рецензии Григория Чалхушьяна, преимущественно по поводу театральных постановок нахичеванских любителей драматического искусства, а также и о самом этом обществе. Ростовский нахичеванец к этому времени уже получил известность как победитель конкурса на написание книги по истории Ростова, в котором, кстати, был единственным участником. В 1886 году в типографии Ивана Абрамовича была напечатана и продавалась в магазине книга Г. Чалхушьяна «Армянская поэзия в лице Рафаила Патканяна. Литературный эскиз по поводу 35-летнего юбилея». Написана она в связи с подготовкой к торжествам по случаю юбилея творческой деятельности поэта. «Донская пчела» в хроникальной

заметке отметила, что юбиляр — «один из блестящей плеяды крупных национальных талантов, ярко озаривших тусклый серый фон новой армянской литературы», что посвященная ему брошюра написана прекрасным языком и «вмещает краткую биографию поэта, в которой, к сожалению, мы не нашли время рождения Патканяна, оценку его произведений и перевод некоторых из его стихотворений» [55]. Пару лет спустя «Донская пчела» опубликовала стилистически элегантный цикл путевых заметок и очерков Г. Чалхушьяна о своем пребывании в Швейцарии [56]. Публиковался Г. Х. Чалхушьян в газете и в последующие годы, о чем сам он сообщил в приветственном письме по поводу юбилея газеты в 1891 году. Еще двое из числа постоянных корреспондентов «Донской пчелы» — ростовец А. Щербаков и таганрожец М. Городецкий в итоге стали сотрудниками редакции газеты. В этой связи вполне логично перейти к сюжету о тех, кто работал в редакции «Донской пчелы».

Редакция газеты, выходявшей два дня в неделю и имевшей дефицитный бюджет в первые 6–7 лет издания, не могла быть многочисленной. Да и людей, не то что знавших специфику журналистской работы, а просто умевших писать грамотные тексты и давать адекватную оценку фактам и событиям, редактору приходилось выискивать. При этом далеко не всегда такой поиск приносил желаемые результаты. Существовал заметный разрыв между необходимым и возможным. Состав редакции отличался к тому же текучестью кадров. В лучшем, но редком случае фельетонисты или секретари редакции работали в газете 3–4 года, много чаще — год, а то и меньше. Подводя итоги десяти лет издания, редактор «Донской пчелы» писал: «Нужна масса энергии, труда, стойкости, твердой воли, чтобы десять лет издавать газету, в особенности у нас, где почти нет литературных сил, нет людей, способных внести свою лепту труда в это дело, и где часто приходится наполнять газету единоличными редакторскими трудами, что, помимо нравственных сил, мужества, помимо денежных затрат, требует и непомерного физического труда» [57]. Это обусловило, кстати, личностный характер множества номеров «Донской пчелы», особенно отчетливо проявлявшийся в периоды, когда в редакции не была замещена должность ее секретаря или ее покидали то достойный фельетонист, то театральный критик.

Внимательное и последовательное чтение годовых комплектов газеты дает возможность выявить часть сотрудников «Донской пчелы» и тот вклад,

который внес тот или иной из них в наполнение содержанием газетных страниц. Полагаю, впрочем, что большую часть сотрудников Ивана Абрамовича определить все же не удалось: часть их скрыта за псевдонимами, не вошедшими в указатели псевдонимов в донской периодике XIX — начала XX века. Но ряд вполне примечательных лиц оказалось возможным, в большей или меньшей степени, охарактеризовать, что позволяет показать один из аспектов издания газеты как значимой составляющей социокультурного развития Ростова в последней четверти XIX века.

Если придерживаться хронологической последовательности работы этих лиц в редакции, начать следует с Николая Тихонова, секретаря «Донской пчелы» в первые годы ее существования. Сведения о нем были найдены не на страницах газеты, издававшейся Иваном Абрамовичем, а в некрологах «Приазовского края». Обнаружив их в комплекте номеров за 1899 год при поиске некролога издателя «Донской пчелы», была удивлена тем, что Тихонову оказались посвящены целых два некролога — редакционный и авторский, от И. Алексанова. Последний, похоже, неплохо знал Н. Тихонова, так как сам с 1876 года работал наборщиком в типографии Тер-Абрамиана и лишь спустя несколько лет стал сотрудником редакции. По Алексанову, Тихонов не имел классического образования, а в Ростове появился вместе со строителями Владикавказской железной дороги и выполнял при них обязанности то ли фельдшера, то ли фармацевта. В «Донской пчеле» он оказался «случайно», будучи «выброшен за борт со службы». В газете проявились его несомненный литературный талант и начитанность. Обладая «огромною, просто феноменальною памятью», хранившей множество разнообразных сведений, он работал секретарем редакции. Помимо этого, писал хронику и фельетоны на злобу дня, делал корректуру [58].

Но со всеми своими способностями Тихонов проработал в газете всего лишь около двух лет. Помимо литературных талантов обладал он и недугом, который не позволял ему ни долго удерживаться на том или ином месте работы, ни реализовать в полной мере свои недюжинные способности. Имя этому недугу — хроническое пьянство. Видимо, по этой причине произошло увольнение Тихонова из ВлкЖД, а затем и из редакции «Донской пчелы». Безымянный автор редакционного некролога в «Приазовском крае» скупко сообщил о следующих этапах жизни в Ростове этого одаренного человека:

непродолжительная работа в «Ростовском листке»; подработка корректором в разных типографиях в периоды кратковременных отрезвлений от запоев; наконец, превращение «в заурядного трущобного обитателя». «Источником для пропитания ему служило в последние годы чтение вслух на базарах газет торговкам и другим случайным слушателям. За это он получал пяток-другой денег, которые тотчас же и пропивал» [59]. Чтения свои бывший секретарь редакции «Донской пчелы» сопровождал собственными, видимо, интересными комментариями, поскольку они были популярными в среде обитателей ростовских базаров. Смерть Н. Тихонова произошла в результате несчастного случая. Мне удалось найти лишь один текст авторства Н. Тихонова — «Краткий очерк о Ростове и его торговле», опубликованный в «Ростов-Нахичеванском календаре на 1876 год» — ежегоднике И. А. Тер-Абрамиана. Скорее всего, газетные публикации Тихонов подписывал псевдонимами. За которым из них он скрывался, — «Ростовский», «Заноза», «Т.», — выяснить не удалось, да и вряд ли это принципиально важно. Текст очерка о Ростове демонстрирует хороший литературный стиль, окрашенный личными впечатлениями от облика города и его обитателей. На удивление глубоко и адекватно (для середины-то 1870-х годов) автор осмыслил причины быстрого экономического развития города [60]. Текст очерка с небольшими сокращениями, сделанными по моей рекомендации и с моими комментариями, опубликован в 2025 году Донским издательским домом в его аккаунте на dzen.ru.

Иван Яковлевич (Ованес Якубович) Алексанов началом своей работы в донской периодической печати считал поступление наборщиком в типографию И. А. Тер-Абрамяна, поэтому в 1902 году заявлял о 25-летнем стаже своей журнальной работы [61]. Образование у него, по сведениям ростовского краеведа В. Сидорова, ограничивалось ростовским приходским училищем [62]. Однако работа в типографии, а затем в редакции «Донской пчелы», публикации в других донских, а затем и в российских газетах, сыграли в его жизни роль своеобразных университетов. Впоследствии стал Иван Яковлевич и владельцем собственной типографии, и редактором-издателем ежедневной ростовской газеты «Южный телеграф» (1902–1916). При последней датировке я намеренно упустила период 1896–1901 годов, когда «Южный телеграф» выходил как листок объявлений, а сам Алексанов упорно добивался получения прав на издание ежедневной газеты.

По годовым подшивкам «Донской пчелы» можно с относительной точностью определить, когда И. Алексанов начал публиковаться в газете и когда стал сотрудником редакции. Первые театральные рецензии, автором которых его можно назвать, появились в газете весной 1878 года [63]. Подписаны они псевдонимом «Кресло 237», который в указателях отмечен как принадлежавший Алексанову. Однако, вероятно, что он же скрывался за таинственной Полумаской, несомненным участником создания колонок «Эха» — своеобразной «газеты в газете». Появилось «Эхо» на страницах «Донской пчелы» в феврале 1878 года [64]. Рубрики его отмечены легким юмором, что также наводит на мысль об участии И. Алексанова в подготовке текстов для «Эха». Иван Яковлевич с удовольствием использовал юмор и сатирические приемы в текстах позднейших фельетонов в «Донской пчеле» и в годы работы в «Приазовском крае». К слову сказать, он известен и как издатель ростовских сатирических журналов начала XX века: «Фаланги» (1906–1907) и «Факела» (1908–1909).

Номера «Эхо», «разновременно» выходившие в «Пчеле» в 1878–1880 годах, подписывались неизменно: за редактора — Полумаска. Приведу еще несколько доводов в обоснование мнения о том, что это один из псевдонимов Алексанова, не вошедший по каким-то причинам в указатели псевдонимов дореволюционных донских журналистов [65]. Псевдонимом «Барон фон-Клак» Алексанов подписывал фельетоны о ростовских «злобах дня» в 1879 году [66]. Осенью 1880 года, с завершением юмористических публикаций «Эха» и появлением новой «злой» рубрики «С бору да с сосенки», на страницах «Донской пчелы» вновь обозначилась загадочная Полумаска. Рубрика освещала актуальные ростово-нахичеванские проблемы, защищала провинциальную печать от поголовно уничижительных оценок газеты «Русь», издававшейся И. Аксаковым, и т. д. Примечательно, что в 1881–1882 годах тексты рубрики «С бору да с сосенки» подписывал уже Небес-смертный [67]. Пожалуй, это самый известный и, видимо, любимый псевдоним Ивана Яковлевича. Он использовал его, печатаясь в новочеркасском «Донском голосе» в начале 1880-х, в «Донской речи» 1881–1884, в «Приазовском крае» в 1890-х–1902 годах. Наконец, в издаваемом им «Южном телеграфе» все его материалы, за исключением передовых статей, также печатались под этим псевдонимом. Театральные рецензии в «Донской пчеле» Алексанов подписывал по-разному. Кроме названного выше «Кресло 237»

на страницах газеты встречаем: «Это не я», «Театральный фонарь», «Кресло 2 ряда», — все они указываются в справочниках как его псевдонимы. Замечу, что с 1881 года свои театральные рецензии он подписывал то фамилией И. Алексанов, то псевдонимом — И. Я. Полумаска [68]. По стилю изложения и насмешливо-ироничному отношению к опереткам и к так называемым «каскадным» певицам, по отсутствию комплиментарности в оценках режиссуры и актерского мастерства их уместно атрибутировать одному и тому же автору. Создается впечатление, что расстаться с ником «Полумаска» Ивану Яковлевичу было жаль. Однако к концу 1882 года на страницах «Донской пчелы» остается только один из алексановских псевдонимов — Небессмертный.

И. Алексанов являлся сотрудником «Донской пчелы» до 1884 года. Помимо фельетонов и рецензий на спектакли он пробовал свое перо в путевых заметках и очерках, в рассказах и водевилях на темы ростово-нахичеванской жизни, а также в сатирических зарисовках. В 1884 году в новой своей рубрике «Экскурсия осы по белой Арапии» (публиковалась в приложениях к номерам 5, 9 и 12) Небессмертный с явным удовольствием подвизался на ниве «легкой» сатиры. Возможно, он активно участвовал и в наполнении содержанием гранок «Крошки-газеты» — очередной юмористической «газеты в газете», первый номер которой был представлен в рубрике «Смесь» в марте 1884 года [69]. С появлением ее перестали публиковаться отчеты Небессмертного об «экскурсиях осы». И вряд ли это просто случайное совпадение. Существовала «Крошка-газета» на страницах «Донской пчелы» относительно недолго — в течение весны 1884 года. Всего вышло четыре номера ее, последний — 26 апреля. В отличие от газеты «Эхо», «Крошку» никто не подписывал.

В апреле 1884 года в типографии И. А. Тер-Абрамиана вышла в свет «Краткая история Армении с очерком “Армяне в России” И. Я. Алексанова». У В. Сидорова годом выхода этой книги указан 1894, что, скорее всего, опечатка, допущенная при издании его «Энциклопедии старого Ростова и Нахичевани-на-Дону». Основу публикации составил переведенный на русский язык труд армянского историка Моисея Хоренского, очевидно, литературно обработанный и изложенный в 29 главах. Здесь же были опубликованы краткая биография армянского историка и очерк «Армяне в России». В комментарии «Донской пчелы» И. Алексанов указан как единственный автор книги.

Его очерк «Армяне в России» рецензент газеты назвал чуть ли не первой попыткой изложить историю появления армян в России и их развития «в новой своей отчизне». Актуальным по тому времени достоинством издания рецензент считал его популярный характер, в отличие от строго научных исследований, ранее переводившихся с армянского на русский. А далее процитирую автора рецензии: «Мы находим книгу г. Алексанова весьма необходимой для тех армян, которым, по незнанию родного языка, недоступны сочинения и издания об Армении на армянском языке» [70].

Итак, к 1884 году И. Алексанов, работая в «Донской пчеле», проявил и реализовал весьма широкий спектр своих творческих возможностей. Однако публикация книги стала, похоже, не только вехой его литературного творчества, но и обозначила его уход из газеты. В апреле же прекратился выпуск «Крошки-газеты». На ниве сатиры стали подвизаться другие авторы, скрытые под псевдонимами «Раешник-мирошник» и «Раешник-балагур». Видимо, в ответ на вопросы читателей редакции даже пришлось заявить, что ни один из них не является псевдонимом Алексанова [71]. А театральные рецензии практически в течение всего 1884 года и до завершения театрального сезона 1884–1885 писал сам редактор-издатель. Подписывались они начальными буквами фамилии: Т.-А. Замечу, что так он чаще всего обозначал свое авторство; реже под его очерками появлялось Р.-И. (редактор-издатель). Что же касается Ивана Алексанова, то 30 декабря 1884 года в «Донской пчеле» была напечатана его «Подновогодняя сказка для детей» — грустно-лирическое прощание со старым годом и со старым местом, рассчитанное, разумеется, вовсе не на детскую аудиторию. Спустя год, в декабре 1885, в «Донской пчеле» появилось примечательное объявление. Цитирую его: «От редакции. Доводится до сведения лиц и учреждений, имеющих дела с редакцией “Донской пчелы” и с типографией И. А. Тер-Абрамиан, что Иван Алексанов у нас не состоит и никаких отношений к нам не имеет» [72]. Завершая сюжет об Иване Алексанове как сотруднике И. А. Тер-Абрамиана, отмечу, что опыт работы в типографии, а затем в редакции газеты, несомненно, наложил отпечаток на его дальнейшую деятельность как редактора ежедневной газеты.

Афанасий Семенович Щербаков — еще один примечательный человек из круга корреспондентов «Донской пчелы», который в итоге стал членом

редакции и заведовал ее медицинским отделом. В этом качестве он участвовал в торжестве, посвященном 15-летию газеты [73]. Все, что удалось о нем узнать, было найдено на ее же страницах. Первые крупницы информации относятся к рубежу 1882–1883 годов. Можно предположить, что примерно в это время он и обосновался в Ростове. Квалифицированный врач, А. Щербаков закончил медицинский факультет Московского университета. В качестве врача участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. В декабре 1882 года в «Донской пчеле» были опубликованы его воспоминания о том, как вывозились пароходами, русскими и английскими, раненые и больные воины из-под Адрианополя в Севастополь после заключения мирного договора в Сан-Стефано. Эти воспоминания были первой его публикацией у И. Тер-Абрамиана [74]. А затем 20 февраля 1883 года в газете появилось его примечательное объявление. Чем может быть примечательно объявление частнопрактикующего врача? Объявления о врачебной практике регулярно печатались газетой: напоминали о специалисте возможным пациентам или же извещали о появлении в Ростове еще одного врача, открывшего практику. Даже информацию о бесплатном приеме им бедных нельзя считать уникальной, — Щербаков и в этом случае оказался в группе врачей-благотворителей, немногочисленной, но все же существовавшей в городе. Привлекает внимание другое — заявление о том, что врач возобновил прием, «вполне оправившись от своей болезни». А вскоре Афанасий Семенович в пространной статье о методе лечения хронического (запойного) алкоголизма сам рассказал о своей болезни и ее излечении неким уникальным средством ростовца С. И. Кассино (так именовал его Щербаков), или С. И. Касинова (так представлялся сам целитель) [75]. Возможно, его откровенное публичное — на страницах газеты — признание своего одиозного недуга продемонстрировало волю человека к избавлению от болезни и способствовало закреплению результатов лечения. Судя по деятельности А. Щербакова в городе в 1880–1890-е годы, результат лечения оказался и успешным, и стабильным.

На страницах «Донской пчелы» регулярно появлялись рассказы врача Щербакова о болезнях и их профилактике. Он возобновил практику, принимал больных, не отказывая даже тем, кому нужна была экстренная помощь в ночное время. Более того, с помощью газеты он обратился к ростовским врачам, предложив устроить дежурства по ночам. Интересно, что его статье предшествовал передовик, опубликованный в «Донской пчеле» номером

ранее [76]. В передовой редактор, а Афанасий Щербаков в своем обращении к коллегам предлагали обществу ростово-нахичеванских врачей обсудить вопрос о ночных дежурствах и разрешить его к взаимной выгоде как больных, так и лечащих. Выглядело это заранее продуманной акцией, которая оказалась, впрочем, гласом вопиющего в пустыне. Профессиональное сообщество проигнорировало призыв; вопрос о ночных дежурствах даже не был обсужден коллегами «возмутителя спокойствия». Они не разделяли убежденности Щербакова в том, что во имя спасения жизни следует жертвовать собственным отдыхом. Похоже, что и сам Афанасий Семенович после казуса с ночными дежурствами не очень уютно чувствовал себя среди частнопрактикующих врачей Ростова. При первой же возможности он занял должность санитарного врача центрального (3-го) городского участка. В этом качестве Щербаков регулярно публиковал в «Донской пчеле» ежемесячные отчеты с городской статистикой заболеваний, преимущественно инфекционных. Попробовал свои силы и в рассказах о студенческой жизни в Москве. В них вполне ярко и психологически убедительно обрисованы типы соседей по меблированным комнатам, в которых он и его сокурсник обитали [77]. О вероятной принадлежности ему пространного очерка «Баня и ее влияние на человеческий организм» см. в параграфе 1.5.

Членом редакции «Донской пчелы» Афанасий Семенович стал где-то на рубеже 1887–1888 годов, если судить по возросшей частоте публикаций им как отчетов по заболеваемости, так и текстов постоянной колонки «Санитарные беседы с образованным читателем». Первая беседа появилась на страницах газеты в № 19 от 13 марта 1888 года. Следующие публикации выходили без строгой периодичности, примерно 2–3 беседы в месяц. Хотя и обращены они были к образованному читателю, но речь в них шла об элементарных правилах гигиены и санитарии в повседневной жизни городского обывателя. Афанасий Щербаков, пожалуй, не испытывал особых затруднений в совмещении обязанностей санитарного врача (по должности, еще и члена городского санитарного и медико-полицейского комитетов) с работой литературного сотрудника газеты. Более того, обязанности санитарного врача органично переплетались с тематикой и проблематикой его газетных публикаций.

Мне представляется не вполне обоснованным и несколько поспешным высказанное в краеведческой литературе мнение о том, что газета И. А. Тер-

Абрамиана «в значительной мере носила информационно-рекламный характер», причем особенно проявился он, якобы, с середины 1880-х годов [78]. На основе сплошного чтения газетных подшивок за 1877–1888 годы складывается совершенно иное впечатление. Примерно с лета — ранней осени 1885 года содержательно «Донская пчела» стала более интересной. Причины этого связаны с появлением среди сотрудников редакции (одного за другим) двух человек, явно неординарных, которым удалось сделать тексты газеты более разнообразными по содержанию и более острыми по оценкам событий, о которых сообщалось. Это вызвало, несомненно, больший интерес читателей к газете, что выразилось, в том числе, в значительном росте числа ее подписчиков: 800 человек в 1885, 1200 — в 1886, 1500 — в 1888 году. Оба новых сотрудника были вполне подготовлены к литературному труду: один из них как рецензент столичных театральных изданий, другой — юрист, получивший ученую степень доктора в Гейдельбергском университете.

Примерно около года жил и работал в Ростове корреспондент столичных театральных изданий «Суфлер» и «Театр и жизнь» С. Кегульский. Он сам отмечал, что пребывание его в городе будет продолжительным, но все же временным. Полное имя и отчество установить по газетным публикациям не удалось. А фамилию с одним инициалом он раскрыл в связи с конфликтом с антрепренером драматической труппы г-жой Ковровой-Брянской, подписав одно из писем в редакцию как фамилией, так и псевдонимом «Кресло 3 ряда». Привыкнув к столичной относительной свободе оценок артистических трупп и спектаклей, тем более в специальных изданиях, С. Кегульский высказывал довольно резкие, не комплиментарные суждения о спектаклях этой труппы в сезоне 1885–1886 годов; адекватно квалифицировал провальные спектакли определением, ими заслуженным. Провинциальные труппы к подобной резкости критики не привыкли, что и приводило к скандалам. Так, оказалось, что бесплатное кресло, предоставленное ему г-жой антрепренершей, понималось ею как предоплата благоприятных оценок спектаклей труппы. «Я решительно не допускал, — сообщал критик читателям «Донской пчелы», — <...> что г-жа Коврова-Брянская смотрит на предоставленное мне кресло как на любезность, обязывающую меня поступаться своими взглядами и убеждениями, незаслуженно поддерживать труппу или в крайнем случае умалчивать об ее промахах» [79]. Впрочем, только этим новым социальным опытом, полученным столичным рецензентом в провинции,

не ограничился. Конфликт Кегульского с труппой Ковровой завершился лишь малоприятным личным объяснением и отказом от бесплатного посещения спектаклей, о чем рецензент и объявил в газете. Конфликт № 2, спровоцированный привычно грубым обращением кассира Асмоловского театра со зрителями, в том числе и с критиком, решившим купить абонемент на спектакли, привел к объяснению в письмах между первым и вторым на страницах «Донской пчелы». При этом в поддержку Кегульского высказались и зрители, чьи письма получала и публиковала редакция в декабре 1885 года.

Некоторое время спустя произошел конфликт № 3. Нелицеприятная оценка Кегульским выступлений одной из гастролировавших в городе мало-русских трупп спровоцировала публичное оскорбление критика «словами и действием» со стороны суфлера труппы. Завершилось оно рассмотрением иска Кегульского в камере мирового судьи. В результате двухчасового рассмотрения дела суфлер был подвергнут девятидневному аресту в земской полиции. Кстати, именно в этом процессе редактор «Донской пчелы» засвидетельствовал, что истец работает в газете фельетонистом [80]. После этого судебного решения вопрос, допустимо ли оскорбление рецензента «словами и действием» за критику спектаклей, был уяснен и актерами, и антрепренерами выступавших в городе коллективов. Судя по публикациям «Донской пчелы», подобных казусов больше не было. Так что столичный театральный критик пострадал не напрасно. Будучи фельетонистом, С. Кегульский писал не только театральные рецензии, но и еженедельные фельетоны на ростовские, а затем и на ростово-нахичеванские «злобы дня». В течение года работы в «Донской пчеле» (с лета 1885 по лето 1886 года) он вел в газете две фельетонные рубрики: «Воскресные беседы» и «Текущие дела и делюшки», подписывая их сначала псевдонимом «Дебютант», а с 1886 года новым псевдонимом «Все тот же». Им же он подписывал и театральные рецензии 1886 года. Фельетоны обеих рубрик Кегульского сочетали колкую иронию рассказа о происходившем с проницательными замечаниями то о причинах какого-либо события, то об его общественном значении, а то и с попытками систематизации собственных наблюдений за провинциальной жизнью. Так, к примеру, любопытна предпринятая им попытка типологии ростовских «двуногих щук» [81]. Нельзя не отметить изящное по изложению, но тем не менее остро сатирическое описание отдыха ростовских состоятельных дам в Пятигорске [82] и саркастические замечания о новочеркасской

театральной публике на оперных спектаклях [83]. Судя по прекращению публикации обеих рубрик, С. Кегульский покинул Ростов к концу лета 1886 года.

С. Б. Каневский являлся обладателем самого высокого образовательного ценза из всех известных сотрудников «Донской пчелы». Начало его работы в газете, где он занял должность секретаря редакции, можно определить приблизительно второй половиной 1886 года. Работал он в газете менее года. Первые его публикации на правовые темы появились в газете в сентябре, а с ноября регулярно печатались объявления о его деятельности в городе как адвоката [84]. Неизвестны причины, по которым юрист, получивший ученую степень доктора прав в Гейдельбергском университете, оказался вдруг в Ростове. Возможно, это было обусловлено тем, что в Ростове он представлял интересы столичного банкирского дома Клима, будучи агентом последнего. Он плодотворно работал как секретарь и литературный сотрудник «Донской пчелы» и весьма успешно участвовал в судебных процессах по уголовным делам. Важной составляющей его многочисленных публикаций в «Донской пчеле» был правовой ликбез — статьи о предварительном следствии, о роли присяжных заседателей и т. д. [85]

Но просветительские аспекты Каневский умудрялся включать даже в театральные рецензии. Так, его рецензия на постановку «Горя от ума» в Асмоловском театре была прежде всего рассказом о смысле и социальном значении комедии А. Грибоедова. Замечания о режиссуре и актерском исполнении сделаны в конце статьи, как-то вскользь и очень лаконично, хотя это была первая постановка пьесы труппой Н. Синельникова в Асмоловском театре [86]. Неслучайно после отъезда из Ростова С. Кегульского театральные рецензии чаще всего писал снова сам редактор газеты.

Любимым жанром Каневского в газете были статьи, очерки и фельетоны по актуальным социальным проблемам. Среди них выделяются, к примеру, обстоятельное исследование ростовщичества в очерке «Ростовщики-вампиры», опубликованном четырех номерах газеты [87]; статья о паспортных мытарствах замужних женщин, живших по каким-то причинам отдельно от супругов [88]; исследование причин самоубийств в России конца XIX века [89]. Фельетоны о ростово-нахичеванских «злобах дня», написанные Каневским, отличались аналитическим подходом к ситуации и резкостью

оценок. О нелюбезном социокультурном портрете ростово-нахичеванской публики, сделанном им на основе анализа подписок на периодику, как и о нападении на него и редактора «Донской пчелы» после появления в газете одного из фельетонов рубрики «Кое-что из местной жизни», уже шла речь в параграфе 2.1. Чтобы не повторяться, замечу, что за время между публикацией «портрета» и разбойным нападением неутомимый Соломон Борисович печатал статьи и судебную хронику по уголовным делам, в которых он участвовал как защитник. Благодаря этому довольно широкую огласку получили: дело о мошенничестве с поддельным векселем [90], рассмотрение в суде иска некоего Корнелио, представителя ростовской «золотой молодежи», к артистке Хохловой [91], процесс над группой ростовских проституток, грабивших клиентов, и хозяев квартиры, где все это происходило [92].

А еще секретарь редакции находил время писать повести и рассказы в жанре мелодрамы, самом читабельном во все времена. Значительная часть их была представлена читателям как литературный пересказ событий местной жизни: «Невеста-самоубийца» [93], «Не в деньгах счастье» [94] и другие. Сюжет и интрига их занимательны; писал С. Каневский легко, хорошим литературным языком. Однако именно один из этих рассказов и стал в итоге причиной ухода Каневского из «Донской пчелы». В январе 1887 года в газете появился рассказ «Самоотравление невесты», в основе которого, по заявлению Каневского, было реальное событие, случившееся в Ростове [95]. Однако факты и обстоятельства дела перед публикацией не были им проверены. В итоге возникла крайне неприятная ситуация. Семья погибшей девушки, узнанная местной публикой несмотря на измененную фамилию, сочла себя оскорбленной. В опубликованной через неделю статье, осознав ошибку, Каневский дезавуировал свои оценки действий отца невесты, подчеркнув, что «поддался влиянию толпы и общественного мнения и представил дело в том виде, как о нем говорила молва, но несчастный старик, рассказав мне все подробно, заставил меня совершенно изменить свое мнение», причем убедило его, якобы, не красноречие старика, «а его слезы, его искренний рассказ» [96]. Мелодраматизм в описании автором своего прозрения налицо, но, тем не менее, прямого извинения перед жертвой невольной диффамации в статье «От сумы и от тюрьмы не отрекайся» не было. Не случайно прообраз старика Вавиловского, ростовский купец Я. Браиловский, стал угрожать иском о диффамации и автору рассказа, и газете. Попытки

договориться с ним кулуарно, похоже, не дали желаемого примирения. И Соломон Борисович ушел из газеты, возможно, для того, чтобы предотвратить судебное преследование самой «Донской пчелы».

Репутация газеты и ее редактора-издателя не пострадала. Разделяя стремление Каневского вывести «Донскую пчелу» из-под судебного преследования, Иван Абрамович в передовой «О достоверности фактов в газетных публикациях и пользе опровержений» от 21 июня 1887 года заявил, что редакция как юрлицо «не имеет и не может иметь ни к кому ни симпатии, ни антипатии и, следовательно, подозревать ее в желании кого-либо оскорбить, кого-либо обидеть, кому-либо насолить — в высшей степени несправедливо». Таким образом, ответственным за написанное оставался лишь автор рассказа, против которого и был возбужден судебный иск. Завершилось же дело следующим образом: иск о клевете, поданный ростовским купцом Я. М. Браиловским к Каневскому, так и не дошел до рассмотрения в Таганрогском окружном суде. Отец погибшей девушки согласился отозвать его при выполнении ответчиком двух условий. Первое из них — публичное извинение автора в «Донской пчеле», что и было сделано в письме Каневского, опубликованном в одном из апрельских номеров 1888 года. Он признал фельетон «Самоотравление невесты» клеветой, «оскорбляющий чувство отца и позорящий доброе имя человека», печальным результатом ложных сведений, которым он, автор, «имел слабость поверить». Кроме личного извинения в газете, Каневский выполнил и второе условие, поставленное ему истцом, — пожертвовал 100 рублей серебром ростовской еврейской больнице. Иск был отозван, о чем истец и заявил в письме, напечатанном буквально в следующем номере газеты [97].

Однако непродолжительное сотрудничество с С. Б. Каневским заметно повлияло на редактора-издателя «Донской пчелы». В октябре 1887 года он публично ответил одному из соискателей места секретаря редакции: «Желая поступить на место бывшего секретаря редакции “Донской Пчелы” г. С. Б. Каневского, вы “как первый опыт для фельетона” прислали для нашей газеты “Ростовские трущобы”. Мы против вашего желания ничего не имеем, но против предложения мы удивляемся: неужели вы позволяете себе думать, что с таким, весьма ограниченным, образованием можете занять должность секретаря редакции?» [98]. Отповедь эта свидетельствует, что

и образовательный ценз, и уровень литературной работы Каневского стали для И. А. Тер-Абрамиана своеобразным критерием оценки претендентов на редакционные должности. Впрочем, представляется мне, что был еще один аспект влияния Каневского и событий, с ним связанных, на редактора «Донской пчелы». Изменился, стал более требовательным тон его передовых и очерков; отчетливее зазвучала критика в адрес тех, кого критиковать было дозволено цензурой, например, местное самоуправление; появились более резкие оценки того, что считал редактор недопустимым и заслуживавшим осуждения. Кажется, даже пережитое совместно с Соломоном Борисовичем разбойное нападение прибавило Ивану Абрамовичу уверенности в собственных силах и в значимости его газеты. Так, накануне выборов в ростовскую городскую думу 1888–1891 годов в пространной передовой «Еще по поводу предстоящих выборов» редактор назвал группы лиц, которых не следовало бы выбирать гласными, поскольку они, в силу занимаемых ими частных и общественных должностей, не могут быть полезны городу: члены городской управы, мировые судьи, чиновники. Заявил Тер-Абрамиан, что не следует избирать в гласные и его самого, ибо невозможно гарантировать, что газета не превратится в рупор одной из думских «партий».

Резюмируя текст о корреспондентах и сотрудниках «Донской пчелы», уместно привести оценку усилий Ивана Абрамовича по поиску людей, способных работать в газете и развивать ее, данную накануне празднования 15-летия газеты секретарем редакции И. Я. Огузом. Он писал, что редактор потратил «немало средств, и не столько средств, сколько умения, для того, чтобы приблизить к себе пишущих людей и завязать деятельные сношения со всеми, кто так или иначе причастен к печатному слову, кто может принести ему пользу. В этом отношении заслуги г. Тер-Абрамиана не подлежат сомнению» [99]. Такая оценка представляется вполне обоснованной после изучения подшивок «Донской пчелы» за 12 лет ее издания.

2.3. Социальные инициативы «Донской пчелы»

Социальные инициативы газеты — это часть ее задач по освещению общественных нужд края и определению путей их разрешения. Равным образом их можно рассматривать и как аспект ее участия в социокультурном

развитии города (и даже края). Редактор-издатель отчетливо понимал психологию и настроение провинциального обывателя, который к реалиям жизни привык и притерпелся, «признав действительность за безысходное положение и уверовав в недостатки его». Поэтому задачи печатного органа состоят в том, чтобы разбудить спящего обывателя, «толкнуть на пространство жизненной арены» [100]. С учетом равнодушия и апатии провинциального общества 1870–1880 годов, задачи для таких действий на арене жизни приходилось формулировать краевой газете. И не только формулировать, но и выступать инициатором их решения. Отмечу еще одну характерную особенность этих кампаний — их направленность на выражение и защиту интересов наиболее социально незащищенных людей: приказчиков торговых заведений, швей модных мастерских; малообеспеченных горожан, страдавших от нараставшей дороговизны основных продуктов питания.

Столичный публицист И. Кольцов, прожив в Ростове несколько месяцев в 1882 году, оказался свидетелем относительно успешной кампании за установление воскресного отдыха приказчиков торговых заведений, которую завершала в это время «Донская пчела». Он отметил, что для газеты вообще, а для провинциальной в особенности, «очень редко выпадает такой “вопрос”, который мог бы здесь вызвать некоторое подобие общественного интереса <...> Таким был, например, приказничий вопрос, то есть о предоставлении приказчикам отдыха по воскресным дням. “Донская пчела” действовала в этом случае очень настойчиво и была поддержана массою приказчиков» [101]. Еще один не просто наблюдатель, а участник кампании, И. Александров, в это время фельетонист газеты, считал установление воскресного отдыха приказчиков бесспорной заслугой ее перед местным обществом: «“Донская пчела” на протяжении целого года и в каждом номере непрерывно муссировала “приказничий вопрос” и в конце концов добила постановления городской думы, гласные которой — купцы — отчаянно сопротивлялись воскресному отдыху приказчиков <...> Вслед за Ростовом воскресный отдых стал распространяться и в других городах нашего района» [102].

Следует уточнить, кампания за установление воскресного отдыха для приказчиков велась газетой не один 1882 год, а в течение примерно трех лет. Первые публикации по этому вопросу относились к июлю 1879 года и представляются спланированным началом кампании. В передовой «Донской

пчелы» от 5 июля обосновывалась необходимость воскресного отдыха приказчиков; 12 июля на страницах газеты появились письма Приказчика и Коммерсанта по этому же вопросу с примечаниями редактора к ним. Наконец, в № 54 от 22 июля по поводу приказчичьего вопроса высказалась сатирическая «газета в газете» «Эхо», обрисовав безысходность 14-часового рабочего дня приказчиков без отдыха по воскресеньям и праздникам. Однако реакция со стороны местного общества оказалась весьма специфической. В передовой шла речь о том, что в ряде городов России в муниципалитеты поступили проекты о воскресном отдыхе приказчиков, что в Одессе приказчики готовят прошение к градоначальнику о закрытии магазинов по воскресеньям хотя бы в послеобеденное время. Обращаясь к приказчикам Ростова и Нахичевана, редакция призвала их последовать этому примеру. Отозвавшийся Приказчик благодарил газету за то, что вопрос о воскресном отдыхе ею поднят, и надеялся, что газета сумеет воздействовать на хозяев и добьется закрытия магазинов и лавок по воскресеньям. А Коммерсант выразил диаметрально противоположное мнение, заявив, что воскресный отдых подействует на приказчиков «деморализующим образом», приведет к снижению их заработка и неудобствам для потребителей товаров.

Других откликов в 1879 году не последовало. Пробудить интерес ростовцев к проблеме первым ее обсуждением не удалось. Итак, было три публикации в начале кампании, затем по одной в два следующих года — своего рода пробное зондирование готовности общества обсуждать вопрос. В феврале 1880 года это была информация о том, что ростовское общество приказчиков разработало проект «прекращения торговли в праздничные дни» и решило ходатайствовать о его принятии перед правительством «через совет местного банка общества взаимного кредита приказчиков» [103]. Подвижка в настроениях самих служащих в магазинах налицо — они готовы действовать, по крайней мере, среди них появилось активное меньшинство. Впрочем, как выяснилось спустя пару лет, вопрос этот в обществе взаимного кредита приказчиков был рассмотрен, но, как писал аноним из среды торговых служащих, «не получил никакого удовлетворения потому, что заправителями приказчичьего банка состоят все-таки люди, властвующие над приказчиками и потому интересы последних равняются для них нулю» [104]. Весной 1881 года к теме вновь обратился сам редактор-издатель. «В других городах торговцы, свято чтя догматы христианской веры и зная, что служащие

у него лица тоже люди с такими же душевными желаниями, сами установили правило, по которому торговля прекращается ими в главнейшие праздники. Это, например, практикуется в Новочеркасске и, кажется, в Харькове и Киеве. <...> между тем здесь (в Ростове. — *Н. С.*) все-таки находятся антагонисты нашего проекта, могущего принести только значительную пользу относительно умственно-нравственного развития населения», — писал Иван Абрамович, призвав ростовских торговцев последовать примеру новочеркасских. Здесь же он высказал идею образования приказчиьего клуба с библиотекой как альтернативу досугу, проводимому в вечерних попойках в гостиницах и погребках [105]. Впрочем, и этот призыв не вызвал реакции горожан.

Однако подвижки все же происходили, по крайней мере в других российских городах, где решениями городских дум спорадически уже вводился воскресный отдых приказчиков торговых заведений. И «Донская пчела» с января 1882 года открыла кампанию по так называемому «приказчиьему вопросу». Начало ей положила статья И. Алексанова, так и озаглавленная. Повторив то, что он не в шутку, а всерьез писал в сатирическом «Эхо» пару лет назад о крайне неблагоприятных условиях труда приказчиков, он апеллировал к христианскому долгу ростовских коммерсантов и выражал надежду, что призыв со страниц газеты не останется гласом вопиющего в пустыне [106]. Но именно таковым он и остался, что было отмечено последующими передовыми «Донской пчелы» в номерах от 18 и 25 февраля. Поэтому инициатива оставалась в руках газеты и ее редактора-издателя. «Донская пчела» не давала успокоиться ни ростовским торговцам, ни ростовской городской думе с управой. В № 16 от 4 марта она сообщила, что воскресный отдых приказчиков введен в Харькове обязательным постановлением городской думы; в № 20 от 18 марта — о том, что вопрос этот принят к рассмотрению думой Нижнего Новгорода, а многие торговые заведения уже не работают по воскресеньям по инициативе владельцев. В итоге к концу марта дело сдвинулось с мертвой точки и в Ростове: общество взаимного кредита приказчиков обратилось к городскому голове с ходатайством о решении «приказчиьего вопроса», а крупный ростовский фабрикант и владелец магазинов бумажных товаров И. С. Панченко «решил не производить никаких операций в праздники, окончательно освободив своих служащих в эти дни

от работ» [107]. Это положило начало решению вопроса о выходных днях приказчиков явочным порядком.

В № 26 от 11 апреля было опубликовано пространное письмо в редакцию ростовского купца М. Ф. Мерошниченко, поддержавшего инициативу И. С. Панченко и воззавшего к христианским добродетелям ростовских коммерсантов, точнее, к тем из них, кто не утратил «способность ясно видеть и различать высшие человеческие права других». Он напоминал коллегам и согражданам, что «общий отец Спаситель» изрек некогда «в назидание нам глубоко потрясающие слова «милости хочу, а не жертвы». В соответствии с этим заветом и следует действовать в вопросе о воскресном отдыхе приказчиков. Завершалось письмо благодарностью в адрес редактора «Донской пчелы», что само по себе было редкостью. И. А. Тер-Абрамиан получал множество писем от приказчиков города, увидевших в нем своего защитника перед хозяевами. М. Ф. Мерошниченко очень проницательно определил, на мой взгляд, один из побудительных мотивов редактора-издателя, порождавший одну за другой социальные акции газеты. «Вы, глубокоуважаемый г. редактор, сумели поставить печатный орган ваш на подобающую высоту чести, долга и любви к ближнему, явили себя ясным выразителем указанного стремления лучших людей нашего времени и глубоким истолкователем смысла божественных слов “милости хочу, а не жертвы”, и таким образом стяжали себе право на сердечное уважение и признательность всех, сочувствующих вам» [108]. Содержание письма Мерошниченко свидетельствует о том, что купечество старого Ростова было многоликим; подвести его под общую оценку — исказить исторические реалии. Предприниматели иудеи, например, и без всяких обязательных постановлений отдыхали по субботам вместе со своими единоверцами — наемными работниками. В явочном установлении отдыха ростовских приказчиков по воскресеньям участвовали как русские купцы, так и купцы армяне. В «Донской пчеле» от 25 апреля были поименно названы коммерсанты Ростова, прекратившие работу своих предприятий по воскресеньям. Среди них были такие крупные фирмы, как торговые дома «Асмолов В. И. и Шушпанов Г. И.» и «Ридель и Бурман», влиятельные лица неассоциированного бизнеса А. М. Баташев, братья Дутиковы, С. Н. Кошкин, К. И. Яблоков и др. — общим числом 13. А в первой декаде мая число таких фирм и лиц достигло в Ростове 30 [109]. Письмо М. Ф. Мерошниченко произвело впечатление и на коммерческий мир

Таганрога, Старочеркаска, Екатеринодара, где часть предпринимателей решили последовать его примеру и призыву [110].

Последовала реакция и ростовской городской думы. Явочное введение полного воскресного отдыха на некоторых ростовских предприятиях встревожило думцев. Следовало не упустить время и возглавить процесс подготовки обязательного постановления городской думы. В заседании 9 апреля был рассмотрен вопрос «о праздновании приказчиками воскресного дня», возбужденный гласным думы, руководителем Общества взаимного кредита приказчиков (в городском обиходе — приказчичьего банка) А. П. Тимофеевым. «Ведомости ростовской городской управы» сообщили о решении гласных: «Городская дума, соглашаясь с мнением, высказанным по настоящему предмету гласным А. М. Баташевым, постановила: просить г. городского голову выработать совместно с гласным А. П. Тимофеевым и представить затем думе подробные соображения по вопросу о праздновании воскресного дня приказчиками, причем предоставить г. городскому голове право пригласить для участия в обсуждении этого вопроса лиц, близко в нем заинтересованных» [111]. Так был дан старт келейной подготовке проекта воскресного отдыха приказчиков узким кругом лиц, «близко в нем заинтересованных». Подготовленный проект свидетельствовал, что разработчики его заинтересованы лишь в том, чтобы не предоставить приказчикам нормального отдыха по воскресеньям и праздникам.

«Донская пчела» в номере от 6 мая сообщила об обсуждении этого проекта группой коммерсантов, избирательно приглашенных городским головой. Проект Кузмина-Тимофеева предоставлял отдых приказчикам по воскресеньям лишь после двух часов дня. Неполный рабочий день в воскресенье и праздники — максимальная уступка торговым служащим, на которую готовы были пойти авторы проекта и их единомышленники. Но он не мог устроить ни инициаторов вопроса о воскресном отдыхе, ни самих приказчиков. В передовой 6 мая, накануне рассмотрения проекта думой, И. А. Тер-Абрамиан напомнил гласным: «Чтобы выполнить требования христианской религии — посещать церковь и быть хорошим семьянином, отцом семейства, — необходима свобода от службы в дообеденное время; это ясно. Чтоб дать отдых организму и иметь возможность развиваться морально и умственно — нужно время послеобеденное. Отсюда прямой вывод: прекращение торговли в

воскресные и праздничные дни обязательно должно продолжаться в течение целого дня. Этого требует здравый смысл <...> *Это же подтверждают и те многие наши торговцы, которые не имели возможности выразить своего мнения на совещаниях*» (курсив мой. — Н. С.) В следующем номере газеты было опубликовано письмо 56 приказчиков, выступивших против предоставления им — по инициативе «нескольких хозяев» — воскресного отдыха «только с двух часов пополудни». «Таким разграничением дня на две половины — на торговую и неторговую, могут легко злоупотреблять хозяева, и вместо двух часов закрывать свои заведения в 3, 4 и 5 часов. Причины найдутся», — подчеркивалось в письме [112].

Однако городская дума не вняла ни увещаниям редактора «Донской пчелы», ни просьбам приказчиков. 11 мая проект, представленный в думе городским головой Н. М. Кузминым, был принят. Журнал заседания, опубликованный городской управой, предельно лаконичен. Обсуждения вопроса то ли не было, то ли оно было упущено при публикации. Да и сложно ожидать дискуссии по предмету: вопрос обсуждался последним, в 11 часу вечера. Гласные утвердили проект в том виде, в котором он был представлен, и разошлись [113]. Текст самого обязательного постановления ростовской городской думы «О времени открытия и закрытия торговых заведений в воскресные и праздничные дни» был опубликован в «Ведомостях Ростовской-на-Дону городской управы» 6 июня. «Донская пчела» проинформировала о его содержании в номере от 13 мая. Автор заметки в хронике писал, что согласно принятому думой «проекту городского головы», все торговые заведения города по воскресеньям и праздникам должны быть закрыты с 2 часов дня, причем большие магазины будут открываться с 9 часов, а малые — и ранее этого времени. К числу последних относились торговые заведения с предметами крестьянского обихода, булочные, кондитерские, парикмахерские и т. п. предприятия. Обязательное постановление думы не распространялось на промышленные предприятия, экспортную торговлю Ростова и работы в порту в период навигации [114]. Таким образом, рабочее время приказчиков по воскресеньям и праздникам было только ограничено, и то не для всех типов торговых заведений. Кампания «Донской пчелы» завершилась полупобедой.

Те фирмы и коммерсанты, которые в период кампании, организованной Тер-Абрамианом и его газетой, установили полный воскресный отдых для

своих наемных служащих, вправе были его сохранять. Это никем, и прежде всего законодательством империи, не запрещалось. Так поступал сам Иван Абрамович в отношении рабочих и служащих типографии, книжного магазина и редакции. Так поступали и другие коммерсанты Ростова. Если к примеру, Владимир Асмолов или Иван Панченко в период этой кампании установили выходной по воскресеньям для рабочих и служащих своих фабрик, то они могли спокойно сохранять такой режим работы предприятий и далее. Практически до конца XIX века государство не прибегало к законодательному ограничению рабочего времени и рабочих дней в промышленности, оставляя определение и того, и другого самим фабрикантам и заводчикам. А в отношении торговых заведений такое правовое невмешательство просуществовало вообще до 1906 года.

И. А. Тер-Абрамиан, комментируя постановление городской думы, считал его уступкой приказчикам со стороны хозяев. Привел он также и мнение городского головы, который оценил решение думы как «первый шаг к преобразованию» и заявил, «что время укажет». «Мы не можем не заметить, что дальнейший успех этого вопроса зависит все-таки от самих приказчиков, — писал редактор-издатель. — Нельзя не сознаться, что между ростовскими хозяевами, как бы идеальны ни были они, есть масса таких, которые при малейшем ничтожном случае готовы кольнуть приказничьим вопросом, так как никогда ему не сочувствовали. Нет слова, эти господа сравнительно составляют ничтожный процент общей корпорации торговцев». Тем не менее, он предупреждал торговых служащих, что противники закрытия магазинов по воскресеньям и праздникам могут использовать любой предлог, чтобы «указать на бесполезность, а тем более вред этого празднования» [115].

Хроникальные заметки и письма в «Донскую пчелу» по вопросу о воскресном отдыхе в последовавшие месяцы и годы можно разделить на две группы. Первая — это жалобы приказчиков на несоблюдение хозяевами установленного времени закрытия торговли в воскресенье и праздники, что было ожидаемо и предсказывалось в письме 56 приказчиков в редакцию газеты. Вторая — хроникальные заметки о введении воскресного отдыха приказчиков в других городах края. Для того, чтобы нахичеванские торговцы последовали примеру Ростова, понадобилось как минимум два прямых обращения к ним на страницах «Донской пчелы». В номере от 4 июля

1882 года были опубликованы письмо одного из нахичеванских приказчиков, который просил хозяев, влиятельно представленных в городской думе, ограничить часы торговли по воскресеньям, и передовая, посвященная этому же вопросу. Однако реакции нахичеванского городского головы Г. К. Салтыкова, к которому обращался редактор, не последовало. Поэтому в конце того же месяца И. А. Тер-Абрамиан в еще одной передовой обратился к гласным нахичеванской думы: «Мы знаем индивидуумов, которым приятно все грубое и невежественное и всякое притеснение связанного человека, но, слава Богу, таких у нас очень немного. Мы надеемся, что как купцы нахичеванские, так и представители городского управления не разделяют взглядов этих “темных” людей, и поэтому поспешат предоставить своим приказчикам давно желанный и необходимый отдых в праздничные и воскресные дни» [116].

Как показали события, гласные нахичеванской думы не спешили с решением этого болезненного вопроса. Им понадобилось больше года для того, чтобы принять аналогичные ростовским обязательные постановления об ограничении времени торговли в праздничные дни. Обнародовали их только в декабре 1883 года. «Донская пчела» опубликовала этот текст на своих страницах без каких-либо комментариев. Постановления отличались от тех, что действовали в Ростове, двумя позициями. Оба отличия уменьшали размер уступки хозяев своим служащим. Время торговли магазинов и лавок в праздники заканчивалось в Нахичеване не в 2, а в 4 часа дня, что делало воскресный отдых приказчиков совсем уж иллюзорным. Второе отличие было изложено как первоочередное примечание к постановлениям: «1) Постановления эти не распространяются на время усиленного привоза хлеба с 1 сентября по 1 октября» [117]. Таким образом, нахичеванские купцы (они же гласные городской думы) предоставили приказчикам города еще меньше досуга по воскресеньям, чем их ростовские единомышленники и коллеги, сведя его в 2–3 часам вечернего времени. Это настолько отличалось от изначальной идеи редактора-издателя «Донской пчелы», что понятно отсутствие его комментариев к решению нахичеванской думы. Иногда молчание красноречивее слов.

В том же 1882 году «Донская пчела» начала было еще одну кампанию, обратив внимание своих читателей на «социальное положение работающих

женщин в Ростове-на-Дону». В июне в нескольких передовых под одним названием «Женщина в Ростове-на-Дону» редактор ярко описал тяжелейшие условия труда «модисток» модных мастерских, заявив, что они составляют довольно большую группу работниц города. Под модистками подразумевались швеи, портнихи, шляпницы, вышивальщицы и др., работавшие по 15–16 часов в сутки во имя исполнения заказов (срочных и не очень) состоятельных ростовских дам — «ярких поклонниц парижских мод», по образному определению Ивана Абрамовича [118]. В отличие от публикаций по приказчиному вопросу, в материалах о работницах модных мастерских не было конкретных предложений по улучшению условий труда и быта модисток — таких же «без досуговых» трудящихся, как и приказчики. Определение «без досуговых» неоднократно употреблялось редактором «Донской пчелы» для обозначения работников, не имевших воскресного отдыха (досуга).

Однако описание их жизни, состоявшей из монотонного чередования продолжительного труда и недолгого сна в общих комнатах при тех же мастерских, не могло остаться незамеченным читателями газеты. В том числе и владельцами модных мастерских города. Косвенное и весьма отдаленное по времени свидетельство — журнал ростовской городской думы от 23 ноября 1884 года. В нем значится, что содержатель модной мастерской (некий М. Рытов) просит разъяснить, должны ли модные мастерские подчиняться обязательному постановлению «о праздновании воскресных и праздничных дней». И далее приведено резюме: «Городская дума разъяснила этот вопрос в утвердительном смысле, что модные мастерские, наравне с другими торговыми заведениями, должны подчиняться вышесказанному обязательному постановлению» [119]. Впрочем, постановление это владельцами модных мастерских города соблюдалась еще меньше, чем хозяевами прочих торговых заведений. И условия для нарушения постановления у первых были более благоприятными, если учесть, что торговля модных лавок могла быть закрыта, согласно предписаниям думы, а работа швей, шляпниц и прочих работниц над заказами продолжалась при закрытых дверях. Доводы для обоснования ее необходимости у хозяйки или хозяина всегда находились [120]. В 1888 году в одной из передовых «Донской пчелы» констатировалось, что положение работниц модных мастерских, в отличие от ситуации с приказчиками, не изменилось в сравнении с началом 1880-х годов. Но только

лишь констатировалось. Впрочем, еще выражалась надежда на вмешательство городского головы А. М. Байкова, «отзывчиво относящегося к нуждам городской жизни» [121]. Если же учесть взаимоотношения, сложившиеся у И. А. Тер-Абрамиана с А. М. Байковым со времени призвания того в 1884 году на пост городского головы Ростова, вряд ли такая апелляция была принята во внимание.

Из прочих социальных инициатив «Донской пчелы» следует отметить еще одну, которую газета и ее редактор пытались провести в жизнь в течение продолжительного времени, но так и не достигли успеха. Это вопрос о таксе на печеный хлеб как основной продукт питания горожан с низкими доходами. Такса на другой таковой же продукт — мясо — существовала, хотя с реализацией ее на ростовских базарах не все обстояло благополучно. На конец 1870-х годов пришелся резкий (вдвое, а то и втрое) рост цен в Ростове на продукты питания, в том числе на муку и печеный хлеб. Объяснялся он усиленным, но непродолжительным спросом на зерно из России на европейском хлебном рынке. С начала 1880-х годов спрос на русское зерно и цены на него упали, как на европейских хлебных рынках, так и в российском экспорте. Однако на внутреннем рынке империи цены на муку и печеный хлеб остались на уровне 1878–1879 годов. Абстрагируясь от обсуждения на страницах «Донской пчелы» борьбы с дороговизной продуктов питания в целом, отмечу, что вопрос о необходимости установления городской таксы на печеный хлеб впервые был поставлен на страницах газеты осенью 1879 года. В качестве примера приводилось установление таксы на печеный хлеб городской думой Николаева — города-конкурента Ростова в экспорте хлеба [122]. Сколько раз в последующие годы приводила «Донская пчела» подобные примеры, обращаясь по поводу установления таксы к господам ростовским гласным! По моим подсчетам до осени 1884 года таких обращений было более дюжины. Ростовская дума и управа отмалчивались. Молчание — тоже ответ, и красноречивый в данной ситуации.

Наконец, уже при А. М. Байкове ростовская городская управа ответила настойчивым обращениям «Донской пчелы». Вопрос о таксе на печеный хлеб в сентябре 1884 года был обсужден на совещании в городской управе. В нем участвовали приглашенные управой владельцы ростовских мельниц, хозяева пекарен и хлеботорговцы. Каждая категория участников была

представлена лицами, приглашенными управой. Журнал этого заседания весьма пространен, как и многие документы ростовского городского самоуправления, изданные под редакцией А. М. Байкова. Результат совещания управы и лиц, заинтересованных в обсуждаемом вопросе, оказался предсказуемым. Хлебопеки заявили, что их прибыль при производстве разных сортов печеного хлеба колеблется от 11,5 коп. на пуд (хлеб 4-го сорта) до 18 коп. на пуд (хлеб 1-го сорта); она экономически обоснована и минимальна. Представители городского самоуправления с производителями печеного хлеба согласились. В резюмирующей части протокола было заявлено, «что в установлении таксы на перечисленные сорта печеного хлеба не представляется никакой необходимости, ибо цена на них естественно регулируется экономическими условиями: стоимостью материала, рабочей платой, техническими усовершенствованиями производства и т. п. Можно скорее предполагать, что <...> такса принесет потребителям не пользу, а вред, искусственно удерживая цены на одном уровне, когда их по изменившимся условиям производства следовало бы понизить» [123]. Единственная регламентация, на которую пошла управа, состояла в установлении обязательного веса так называемых франзолей — белых булок, любимого хлебного изделия не самых бедных ростовцев. А последовавшие события показали, что такая регламентация была, скорее всего, сделана для того, чтобы показать ростовцам вред любой таксировки хлебных изделий. Вслед за установлением обязательного веса булок выпечка франзолей прекратилась и они исчезли из продажи.

Впрочем, обстоятельный журнал заседания управы 6 сентября 1884 года, в котором приведены расклады хлебопеков по 5 сортам выпекавшегося в городе хлеба, если посмотреть на него как на исторический источник, содержит очень любопытную информацию. Пекари отметили, что высший сорт белого хлеба не выпекается: «в продаже не было по дороговизне муки». Его цена, когда он выпекался, была 5 коп. за фунт. Зато по 5 коп. фунт в 1884 году продавались уже хлеб 1-го сорта (ранее стоил 4 коп.) и 2-го сорта (прежняя цена 3,5 коп.); третий и четвертый сорта подросли в цене на $\frac{1}{2}$ коп. за фунт. Таким образом, факт существенного повышения цен на хлеб из смесовой пшеничной муки (1-го и 2-го сорта) признавался самими хлебопеками. Единственный хлеб, цена на который оказалась ниже предыдущих лет, — это ржаной, в Ростове не самый популярный и большим спросом не пользовавшийся. И еще одно замечание об этом примечательном совещании:

тщательно спрятанными за рамки обсуждения оказались господа владельцы ростовских мельниц, а ведь пекари прямо связывали цены на хлеб с дорогой мукой. Цены на зерно падали в связи с падением спроса на русский хлеб на европейском рынке, а цены на муку в Ростове оставались такими же, как в годы высокого спроса на зерно. И редактор-издатель «Донской пчелы» в своих передовых акцентировал именно этот факт [124]. Хроника «Донской пчелы», информируя об итогах совещания в управе, привела цены на разные сорта хлеба из таксы, принятой в Екатеринославе, показав насколько они меньше ростовских. Да и хлеб в губернском городе выпекался только трех сортов, что облегчало и установление таксы, и контроль за ее соблюдением. Редакционное резюме свидетельствовало о разочаровании в способности городской думы решить вопрос о хлебной таксе. Правда, пока высказано оно было завуалировано: «А у нас хлебопеки мудрствуют лукаво и выдумывают пять-шесть сортов хлеба и вводят нашу управу в “невозможность уследить за колебаниями хлебопекарного дела”. Печально!» [125]

Поскольку разговоры в обществе и обсуждение дороговизны печеного хлеба в печати продолжались, вопрос был поставлен в заседании городской думы Ростова спустя месяц, 8 октября. Журнал этого заседания, опубликованный в «Ведомостях Ростовской-на-Дону городской управы», сохранил текст доклада ростовского городского головы. В этом докладе, не без изящества искажая реалии, голова сообщил, что управа обсуждала вопрос «в виду появлявшихся время от времени в местной печати и обществе сетований на дороговизну печеного хлеба, несоответствующую значительному понижению цен на муку». Между тем хлебопеки на совещании называли именно дороговизну муки причиной повышения цен на хлеб. Но владельцы ростовских мельниц были весьма влиятельно, чуть ли не в полном составе, представлены в ростовской думе. И в этих условиях А. М. Байков не мог или не хотел называть их сопричастными к высоким ценам на основной продукт питания бедноты. Городской голова предложил гласным обсудить вопрос о целесообразности образования комиссии по вопросу о дороговизне печеного хлеба в городе. Прения по вопросу были отмечены в решении думы, но в опубликованный журнал заседания не вошли. Решение думы оказалось предсказуемым и predetermined докладом головы. Во-первых, было выражено согласие с позицией управы о ненужности и введения таксы, и создания особой комиссии для пересмотра этого решения. Во-вторых,

определением думы был решен вопрос об установлении веса выпекаемых франзелей. Решен именно таким образом, как это предполагалась участниками совещания при управе. Цитирую журнал заседания: «...так как установление обязательного веса для франзелей повлекло на практике исчезновение этого сорта печеного хлеба в продаже, то и от печения франзелей обязательного веса булочников освободить» [126]. В «Донской пчеле» был практически полностью процитирован журнал заседания думы 8 октября по вопросу о дороговизне хлеба, отразивший и интерпретацию проблемы городским головой, и позицию думы. Комментируя его в передовой, редактор газеты, разочарованный в способности ростовской думы контролировать цены на печеный хлеб в городе, писал о том, что остается возложить все надежды на правительство, которое «всегда оказывает <...> свое благотворительное влияние там, где наши думы, “по всестороннем обсуждении”, к удовлетворительным результатам прийти не могли» [127]. Впрочем, и эти ожидания не оправдались: губернаторская власть была от Ростова далеко, а правительство в такие функции городского самоуправления не вмешивалось.

Для публикаций «Донской пчелы» по этой теме в 1885–1886 годах характерны две особенности. Во-первых, ее передовые статьи и хроникальные заметки последовательно подчеркивали роль владельцев ростовских мельниц как главных выгодополучателей от высоких цен на хлебные изделия и дезавуировали слова городского головы о том, что хлебопеки, якобы, в этом виноваты. Цитата из выступления Байкова на заседании думы в октябре 1884 года о том, что мука дешевет, а печеный хлеб растет в цене, неоднократно появлялась на страницах газеты в два последовавших года. Причем контекст цитирования (обычно в связи с упоминанием высоких цен на муку при падении цен на зерно в Ростове) должен был раздражать городского голову безмерно. Так, в одной из передовых весны 1885 года саркастически прозвучал вопрос: как это получается, что в Екатеринославе нет стольких мельниц, как в Ростове, нет таких оборотов хлебной торговли, а такса на печеный хлеб есть и ежемесячно пересматривается в зависимости от уровня цен на зерно? Между тем «пшеница в зерне в настоящее время, сравнительно с прежними ценами, продается почти за безцену», однако в Ростове печеный хлеб в цене не падает и «все еще пяточком держит голову вверх» [128]. А в октябре 1885 года редактор-издатель прямо связал отказ ростовской городской думы от введения таксы на хлеб с позицией гласных-

мукомолов в ней: «...после появления в № 74 “Донской пчелы” статьи по поводу дороговизны печеного хлеба в оправдание городской думы некоторые из гг. гласных нам передали, что “главные тормозы удешевления печеного хлеба — мельники, состоящие в числе гласных нашей Думы”». Вместе с тем автор передовой еще выражал надежду на то, что дума способна все же преодолеть такой односторонний подход к важному общественному вопросу [129]. Во-вторых, в статьях 1885–1886 годов было сформулировано и альтернативное введению хлебной таксы решение проблемы: создать на городские средства или на складочный капитал предприятие, которое включало бы в себя мельницу и механическую хлебопекарню, исключительно для снабжения горожан печеным хлебом по ценам ниже существовавших. По мысли редактора-издателя, для этого следовало ориентироваться на колебания цен на зерно, что несложно, когда ростовская биржа и определяет их уровень для Екатеринославской губернии, Донской области и Приазовского края; ограничить предполагаемую прибыль предприятия 10 % и продавать хлеб в разных точках города без посредников [130].

Наконец, в заседании городской думы 22 января 1887 года была избрана комиссия по вопросу о таксе на хлеб под председательством члена управы Г. А. Журавлева. В качестве одного из экспертов к ее работе привлекли и редактора «Донской пчелы». Заседание комиссии с его участием было подробно описано на страницах газеты. В результате обсуждения комиссия заявила о том, что такса необходима и ее следует ввести. При этом для облегчения контроля было предложено установить три сорта выпекаемого хлеба «по цене 3, 4 и 5 коп., ржаной по 2 коп. за ф.». Комиссия предложила ограничить ассортимент выпекавшегося хлеба при фиксации в таксе сложившихся цен на 1–3-й сорта пшеничного хлеба и на ржаной, а также сдавать столы для хлебной торговли на базарах непосредственно пекарям, исключив посредников. С точки зрения И. А. Тер-Абрамиана, предложения комиссии были паллиативом, который не мог уменьшить цены на печеный хлеб, так как пекари зависят от мукомолов, а мукомолы сбавляют цены на муку не желают. И он еще раз изложил свою идею, уже не раз высказанную на страницах «Донской пчелы»: «следовало бы устроить городу собственную мукомольную мельницу с механической пекарней» или же пусть городское самоуправление примет меры к открытию акционерного общества, «которое имело бы в виду только снабжение Ростова печеным хлебом» [131]. Такая

мера, разумеется, была слишком радикальной, чтобы войти в комиссионный проект введения хлебной таксы. Это было ясно и самому редактору газеты, поэтому не случайно он обнародовал свою позицию по проблеме удешевления печеного хлеба за месяц до обсуждения проекта в городской думе.

Обсуждение это состоялось в начале марта 1887 года и завершилось предсказуемо. Дума еще раз продемонстрировала свои приоритеты, уже вполне определившиеся за годы кампании «Донской пчелы» за введение таксы на хлебные изделия. Доклад г. Журавлева был заслушан и обсужден. В докладе старательно обходился вопрос о том, кто главный виновник роста цен на хлеб. Если в 1884 году городская управа считала, что главную выгоду от этого получают пекари, то в 1887 речь уже шла о том, «что барыш собственно хлебопеков весьма незначителен (по заключению сведущих людей, в пользу их остаются одни мешки) и что если кто имеет значительную выгоду от продажи печеного хлеба, так это торговцы на базарах». Городская дума в своем решении констатировала: «Умеренная цена хлеба всего более гарантируется конкуренцией и не признала никакой надобности в установлении таксы на печеный хлеб. Что касается мнения комиссии о сдаче в аренду мест на базарах под торговлю хлебом преимущественно хлебопекам, то, вполне соглашаясь с тем, что эта мера может способствовать удешевлению цен на хлеб, городская дума постановила: предложить городской управе применить эту меру на будущее время, по истечении срока, на который в настоящее время сданы на базарах места под торговлю хлебом» [132]. Без каких-либо комментариев это постановление ростовской думы было опубликовано в номере «Донской пчелы» от 2 апреля 1887 года. Таким образом, кампания за установление таксы на печеный хлеб, организованная газетой, потерпела поражение. Заставить мукомолов и их лобби в городском самоуправлении пойти хотя бы на частичные уступки не удалось.

Социальные акции «Донской пчелы», независимо от результата усилий редактора и его сотрудников, вызывали раздражение городского самоуправления, которое вынуждено было так или иначе реагировать на предложения газеты и ее апеллирование к читателям. В этой связи не удивляет, что юбилеи «Донской пчелы» — 10-летний в 1886, и 15-летний в 1891 году — упорно игнорировались ростовской думой и управой. Среди множества поздравительных писем в обоих случаях не было ни строчки от ростовского

самоуправления. Не было и присутствия его представителей на торжествах. Листая номер «Донской пчелы» от 7 февраля 1891 года, читаем: на юбилее газеты из официальных лиц присутствовали ростово-нахичеванский полицмейстер В. И. Ульянов, глава администрации Ростова и Нахичевана, и нахичеванский городской голова Мин. И. Балабанов. От ростовской думы не было никого. Впрочем, поздравление редактору прислал, — один за всех ростовских муниципалов, — шталмейстер императорского двора А. К. Кривошеин, бывший городским головой Ростова во второй половине 1870-х. И еще одно отмечу: среди приветствий газете и ее редактору не затерялось и было озвучено поздравительное письмо ростовских приказчиков. Они помнили, что «не будь в Ростове такого энергичного защитника прав обиженных и угнетенных, местные приказчики, вероятно, и по сие время лишены были бы возможности посвящать своей семье несколько свободных часов в неделю». Помнили и были благодарны.

2.4. Календари-ежегодники И. А. Тер-Абрамиана. Издание книг

Календари-ежегодники Иван Абрамович начал издавать еще в бытность управляющим типографией Халибовского училища в Феодосии. Это были Армянские календари-ежегодники на армянском языке. Он составлял и публиковал их с 1866 года. С устройством типографии в Ростове эта серия была продолжена и выходила вплоть до 1893 года. Возможно, что содержание армянских календарей-ежегодников несколько расширилось с переездом составителя и издателя в Ростов. Во всяком случае, структура их, судя по объявлениям в «Донской пчеле», включала в себя месяцесловы всех основных религий, здесь представленных: армяно-грегорианской, православной русской, римско-католической, иудейской и мусульманской («турецкой»). Как правило, здесь, как и во всех календарях И. А. Тер-Абрамиана, помещались справочные сведения, необходимые для повседневной деятельности людей: расписания поездов и пароходов разных компаний и стоимость проезда на них; размеры гербовых сборов при оформлении разного рода прошений и нотариальных сделок, завещаний и проч.; формы различных прошений и завещаний и проч. Обязательно присутствовал в каждом выпуске очерк о каком-либо выдающемся деятеле армянской церкви, ученом, военном и т. п. Как правило, помещался и литографированный портрет этого человека.

С 1875 года И. А. Тер-Абрамиан начал издавать календари-ежегодники регионального характера, и, как представляется, цели их были шире, чем у тех, что издавались на армянском языке. Отличало их наличие справочных книг по городам территории, которая охватывалась календарями, а географические рамки ее с течением времени расширялась. В конце 1874 года вышел в свет «Ростов-Нахичеванский календарь на 1875 год» и несколько лет он издавался в таком формате. С 1880 года ежегодник стал называться «Донско-Азовским русско-армянским календарем». Его адресные книги отныне содержали сведения не только по Ростову и Нахичевану, но и по Таганрогу, Ейску, Азову, Мариуполю. В 1887 году был добавлен адрес-календарь по Новочеркаску, а после присоединения Ростовского уезда к области Войска Донского появились в ежегоднике и адресные сведения по окружным станицам Войска Донского. Последний составитель календарей справедливо идентифицировал по социально-экономической значимости с уездными городами в губерниях. Кстати, именно так определили впоследствии статус окружных станиц Войска Донского и составители Первой Всероссийской переписи населения 1897 года.

Сведения адресных книг в календарях, как и необходимые населению края справочные данные, ежегодно обновлялись. В противном случае утрачивалась ценность издания как справочника — помощника в организации жизни и деятельности людей. В весьма содержательной рецензии «Донской пчелы» на «Сельский календарь на 1889 год», выпущенный московским издательством Ф. Павленкова, явно просматривается принципиальный подход к делу самого составителя «Донско-Азовских календарей». Описав структуру календаря, он отметил как недостаток наличие в нем лишь православного месяцеслова. Составитель упустил из вида, «что в числе занимающихся сельским хозяйством, для которых он предназначает свое издание, есть <...> лютеране, католики, армяне, магометане, евреи и др. и в очень значительном количестве». Еще один недостаток рецензент увидел в том, что сведения о воинской повинности были приведены в виде извлечений из первоначального положения о ней, без учета тех дополнений и разъяснений, которые публиковались законодателем в течение многих лет, прошедших с введения всесословной воинской повинности. А вот несомненным достоинством «Сельского календаря» был назван раздел с полезными для крестьян сведениями по общественному быту и хозяйству страны, а также по ведению

сельского хозяйства, изложенные популярным языком. «Он знакомит <...> с различными учреждениями, коммерческим бытом России и старается объяснить значение всего того, что имеет непосредственное соприкосновение с крестьянством», «старается несколько расширить кругозор селянина» [133]. Таким образом, в рецензии изложено представление самого Ивана Абрамовича о календаре-ежегоднике как справочно-просветительском издании: оно должно учитывать интересы всех групп многоконфессионального населения страны (региона); содержать правовые, экономические и другие сведения, регулярно обновляемые; включать просветительскую компоненту для расширения кругозора обывателя, как сельского, так и городского.

Важным элементом содержания краевых календарей, которые составлял Тер-Абрамиан, была статистическая информация. Она известным образом заменяла отсутствие статистического изучения территории Ростовского уезда и Приазовья и соответствующих статистических публикаций. Об интересе редактора-издателя «Донской пчелы» к сбору статистических сведений свидетельствуют статьи в газете. Иван Абрамович сожалел о том, что нет сбора статистических данных о Ростове и Ростовском уезде, и считал, что без них невозможно разумное принятие хозяйственных решений как органами местного самоуправления (земством и городскими думами), так и предпринимателями. Обращался он при этом и к городскому самоуправлению, и к Ростовскому комитету торговли и мануфактур, но услышан не был [134]. По мере возможностей Тер-Абрамиан как редактор газеты и составитель ежегодных календарей пытался компенсировать отсутствие организованного сбора статистических сведений. «Донско-Азовские календари» выходили с ежегодно обновлявшимися адресными сведениями о предприятиях промышленности и торговли, общественных организациях, школах и учреждениях культуры, о числе врачей и лиц свободных профессий в городах края. При составлении календарей он обращался с запросами в отдельные ведомства и учреждения. Обобщал полученные данные либо сам, либо его помощники в редакции. Так, в «Ростов-Нахичеванском календаре на 1876 год» был помещен очерк Н. Тихонова о Ростове и его торговле, в котором содержалось много сведений о ростовских торгово-промышленных предприятиях, к сожалению, совершенно не структурированных. На страницах «Донской пчелы» тоже появлялись сведения статистического характера, в большей или меньшей степени обобщенные. Например, несомненный

интерес представляют данные о товарах, сплавленных по Дону в Ростов в 1869–1876 годах, и о вывозе из Ростова через донские гирла в 1866–1876 [135]. На мой взгляд, уникальные данные о соотношении донских речных пароходов и парусников приведены в очерке «Судоходная река Дон» в №№ 34 и 42 «Донской пчелы» за 1887 год. Из года в год газета информировала о количестве и структуре учебных заведений Ростова, Нахичевана, Ростовского уезда и даже всей Екатеринославской губернии. Сведения по ростовским школам и училищам сдержали данные не только о числе учителей и учеников, но и о сословной и конфессиональной принадлежности последних. В одном из номеров даже была предпринята попытка смоделировать бюджет учителей народных училищ мещанского общества Ростова и показать, что учительского жалованья едва хватает для удовлетворения элементарных жизненных потребностей [136]. И это лишь некоторые примеры статистических заметок в газете. Не случайно столичный публицист И. Кольцов в пространный очерк 1882 года «С низовьев Дона», опубликованном в трех номерах журнала «Дело», неоднократно сослался на статистические сведения из «Донской пчелы» и из «Донско-Азовского календаря». Характеристика социально-экономического развития городов Нижнего Дона без этих данных была попросту невозможна.

Наличие рекламы — еще одна отличительная особенность календарей, составлявшихся И. А. Тер-Абрамианом. Осенью каждого года на страницах «Донской пчелы» появлялась привлекательно исполненная картинка-объявление. Призывала она предпринимателей Дона и Приазовья присылать в редакцию объявления и рекламу своих заведений в календаре-ежегоднике. Иногда картинка дополнялась обращением от составителя и издателя. Так, в 1886 году Иван Абрамович писал: «...Объявление в календаре имеет то преимущество перед другими родами публикации, что календарь, входя во все слои общества, служит в течение одного года справочной книгой и, таким образом, напоминает обо всем (в нем) содержащемся» [137]. Безусловно, платная реклама удешевляла издание. Но дело было не только и не столько в соотношении затрат и прибыли издателя. Подводя итоги 10 лет издания «Донской пчелы», Тер-Абрамиан считал несомненной своей заслугой популяризацию на ее страницах рекламы и объявлений. Главным в этом деле для него был не доход от рекламы: «С личными потерями, постепенно шаг за шагом мы научили публику читать объявления и, с другой стороны,

внушили лицам заинтересованным сознание важности (рекламных. — *Н. С.*) публикаций, которые являются фактором, посредником между производителем и потребителем, и которые вообще имеют важное для торговли значение» [138]. В календарях-ежегодниках реклама служила дополнительным способом информирования о том или ином производителе товаров или услуг. Разумеется, если последний этого желал и готов был платить за особое объявление. Основной массив информации о производстве товаров и услуг в регионе содержался, безусловно, в адресных книгах по отдельным городам. Поэтому главной задачей составителя календарей — сначала Ивана Абрамовича, а затем и его сына Арама — был сбор сведений об имевшихся в том или ином городе торгово-промышленных заведениях, предприятиях сферы услуг, школах, больницах, учреждениях культуры, врачах и адвокатах частной практики, инженерах и архитекторах, священнослужителях разных конфессий, благотворительных и иных общественных организациях. Проводился он за счет самого издателя. Тем, кто не давал дополнительной рекламы о своем производстве и товарах, включение в справочные книги не стоило и копейки. Обычно это была преобладавшая часть частных и юридических лиц, упоминавшихся в справочниках. Для пользователей календарей наличие сведений об экономической и социокультурной структуре того или иного города было чрезвычайно полезно. Кстати, именно эти сведения и придали старинным календарям Тер-Абрамианов современный статус информативно ценных исторических источников.

В чем значимость справочных адресных книг торгово-промышленных предприятий или сведений об учреждениях образования и культуры — достаточно ясно и начинающему исследователю. С рекламой дело обстоит сложнее. Уместно вновь упомянуть мнение И. А. Тер-Абрамиана: для того, чтобы рекламные объявления действительно работали как средство передачи информации, надо научить публику их читать. Сам редактор-издатель не случайно именно формирование этого умения у читателей выдвинул на первый план, коснувшись заслуг газеты в деле утверждения рекламы. Действительно, объявления в «Донской пчеле» весьма информативны и многие из них являются, на мой взгляд, ценным историческим источником. Разумеется, при условии, что историк (или краевед) относится к ним без усмешливого предубеждения и умеет извлекать из них информацию, как из нарративного текста, так и из изобразительного. В изданиях И. А. Тер-Абрамиана

можно встретить обе разновидности рекламы и объявлений, а также текст и рисунок в разных сочетаниях. Рекламы в «Донской пчеле», выходившей малым форматом и лишь два раза в неделю, было относительно немного. Обычно наиболее широко рекламировалась подписка на все российские газеты и журналы, которую можно было оформить в книжном магазине при редакции «Донской пчелы». Присутствовала эта реклама в газете только в ноябре-декабре каждого года, и номера в это время выходили в увеличенном объеме (8–10 полос).

Если говорить об информативных возможностях рекламных объявлений товаров и услуг, приведу пару примеров извлечения из них информации по сюжетам исторической повседневности старого Ростова и Нахичевана. Так, судя по частоте рекламных объявлений о продаже кефирных молочных грибков, 1884–1885 годы стали временем внедрения в пищевой обиход ростовцев и нахичеванцев этого кисломолочного продукта. Причем продавался не сам напиток, а бактериально-грибковая основа для его получения в домашних (или аптечных) условиях. Предлагали ее разные производители и называли по-разному: «капир», «кипир», «кифир» и, конечно же, кефир. Наиболее предприимчивые аптекари наладили производство самого напитка; появились объявления ростовских аптек о его продаже. Пример второй — реклама 1885 года, предлагавшая швейные и чулочные вязальные машины и как рождественский подарок, и как предмет первой необходимости для каждой хозяйки. Она интересна наличием в ней нескольких информационных тем. Мы узнаем о том, что уже в середине 1880-х не только швейные, но и вязальные машины входили в бытовой обиход ростовцев, были в продаже и предлагались жителям; узнаем о том, что являлись они зарубежным фабрикатом, но в Ростове, значимом центре европейского рынка, диковинкой не были; что специализированный магазин И. Я. Чертова допускал приобретение их в рассрочку (не в кредит!) на условиях, вполне приемлемых для покупателей с небольшими свободными средствами — по 1 рублю в неделю. Последнее позволяет судить и о состоянии платежеспособного спроса в двух городах-соседях, и об учете его владельцами магазинов бытовых товаров долговременного использования.

Просветительский аспект издания календарей-ежегодников проявлялся в присутствии очерков историко-этнографического характера. Так, самый

первый выпуск «Ростов-Нахичеванского календаря» содержал очерк И. дер Манукова о Нахичеване-на-Дону; на следующий год был опубликован уже упоминавшийся очерк Н. Тихонова о Ростове; календарь на 1878 год сопровождался приложением, содержащим биографии и портреты генералов — этнических армян, отличившихся в 1877 году на Кавказском театре военных действий во время войны с Турцией, а также описание и литографию крепости Карс, взятой русской армией [139]. Замечу, что очерки для ежегодников 1878–1893 годов писал сам составитель. Чаще всего они дублировали уже опубликованные им статьи в «Донской пчеле».

«Донско-Азовские календари» представлены в Донской государственной публичной библиотеке далеко не полностью: два экземпляра конца 1880-х годов и издания на 1891–1893 годы. Но и это немного позволяет судить о том, что просветительско-литературная часть в них неизменно присутствовала, за исключением разве что календаря на 1893 год, последнего из составленных Иваном Абрамовичем. Из объявления о содержании календаря на 1882 год можно узнать, что литературная часть его представлена очерком об архиепископе Г. Айвазовском и статистическими сведениями о Ростовском уезде. Календарь содержал в этой связи литографированный портрет архиепископа и карту Ростовского уезда. В ежегоднике на 1887 был опубликован очерк о прошлом и настоящем Нахичевана, а «Донско-Азовский календарь на 1889 год» содержал довольно объемный очерк о Новочеркасске и Войске Донском. В нем описывались основание Новочеркаска, основные вехи истории Войска Донского и некоторые обычаи донских казаков [140]. Это было, безусловно, актуально и познавательно для пользователей календаря. С января 1888 года территории Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства были включены в область Войска Донского как значимые части двух вновь образованных его округов — Ростовского и Таганрогского. Этот очерк Иван Абрамович подписал полным своим именем. Авторство очерка 1886 года о Нахичеване не обозначено. По стилю изложения и наличию ссылок на источники сведений, — а ссылки в очерках и в «Донской пчеле», и в календарях из всех авторов делал только сам редактор-издатель, — атрибутировать текст следует ему же. В календаре на 1891 год присутствовали даже два литературных приложения: «Исторический очерк Приазовского края» и статья «Ростов-на-Дону, его история, статистика и экономическое положение в настоящее время». И. А. Тер-Абрамиан подписал

только статью о Ростове, хотя, без особой боязни ошибиться можно предположить, что и очерк об истории Приазовья — территории многовекового взаимодействия различных племен, этносов и государственных образований, написан тоже им. История края в древности и раннем средневековье описана связным текстом, а события с XI века до 1877 года представлены лишь подробнейшей хронологической таблицей. Информативность этой таблицы представляется весьма ценной и на взгляд современного историка. Очерк о Ростове интересен тем, что его сюжеты тематически близки к очерку Н. Тихонова 1875 года, что позволяет при сравнении судить о происшедших в городе за 15 лет изменениях и об их динамике. Статистические сведения о ростовской фабрично-заводской промышленности (по состоянию на 1890 год) автор попытался структурировать: выделены группы предприятий; по каждому из них приведены сведения о времени открытия, технической оснащенности (наличие и мощность паровых двигателей), числе рабочих, сумме производства, а также о владельцах и их сословной принадлежности. В «Донско-Азовском календаре на 1892 год» вместо очерка был помещен весьма пространный словарь иностранных слов, часто употреблявшихся в периодических изданиях и книгах [141]. Он весьма внятно и доступным языком пояснял значение иностранных слов не очень образованному читателю. Любопытно, что с трактовкой многих терминов составителем словаря можно согласиться и сейчас.

Наконец, об издании И. А. Тер-Абрамианом книг. Отчасти этот вопрос затронут был в первой главе (см. параграф 1.2) в связи с переизданием им в Ростове учебных пособий и очерков, создание которых относилось к еще ко времени работы его в Халибовском училище в Феодосии. Учебники и учебные пособия для армянского юношества Иван Абрамович продолжал писать и в Ростове. В основном они направлены были на облегчение изучения языков, как армянского, так и русского. В 1878 году он опубликовал учебное пособие «Ключ для изучения русского языка или самым легким способом». В нем приводились: русский алфавит с соответствующими армянскими буквами; словник наиболее употребительных в обиходе слов и выражений, а также основные начала русской грамматики. В 1881 году Иван Абрамович составил и издал «Прописи: армянские, русские и французские». Рекламное объявление сообщало, что прописи эти, «изящно литографированные», напечатаны на бристольской плотной бумаге. Помимо этого Тер-Абрамиан,

по примеру своего наставника, архиепископа-просветителя Г. К. Айвазовского, занимался и переводами для юношества. В 1880 году им были изданы в собственном переводе на армянский «Избранные басни Эзопа и Крылова с 20 литографированными рисунками и биографиями их» [142]. В 1880 вторым изданием Тер-Абрамиан выпустил составленную им «Пространную хрестоматию» для турецких и русских армянских средних учебных заведений. На следующий год вышло третье издание его же «Сокращенной армянской истории» — учебника для армянских учебных заведений на территории России, Турции и Персии. А в 1883 году была опубликована вновь составленная Иваном Абрамовичем «Священная история Ветхого и Нового Завета с краткою историей Армянской церкви». В этом же году последовало второе издание «Ключа к изучению русского языка». Но еще большим спросом пользовалась его «Иллюстрированная азбука с 75 политипажамми». В 1885 году в Ростове вышло ее четвертое издание [143]. Создаваемые и издаваемые Тер-Абрамианом книги на армянском языке свидетельствуют, что его книгоиздательская деятельность в Ростове была не чем иным, как трудом армянского просветителя, которому он, не афишируя особо эту сторону своей работы, отдавался практически до конца своей жизни. Исходил он при этом из отчетливого представления о том, что народ, веками проживающий в диаспоре, может сохранять свою идентичность только сохраняя родной язык (для этого создавались пособия по началам овладения армянским языком) и зная многовековую историю своего народа (это стимулировало написание и распространение книг по истории армян).

Помимо изданий на армянском языке И. А. Тер-Абрамиан публиковал книги и учебные пособия на русском языке. Среди последних назову два пособия, созданные И. В. Романченко, учителем одного из народных училищ в Затемерницком поселении Ростова. В 1882 году было издано его методическое пособие для народных учителей «Конспект занятий по “Родному слову” К. Д. Ушинского. Год второй», а в 1884 — «Новая книга для первоначального чтения в народных школах, составленная И. В. Романченко». В объявлении о ее выходе и продаже в магазине Тер-Абрамиана сообщалось: «Книга эта определением особого отдела Ученого комитета М. Н. П. допущена в народных училищах в качестве учебного пособия» [144]. Кстати, в магазине Ивана Абрамовича продавались не только выпущенные в его типографии учебно-методические пособия на русском языке, но и учебники разных авторов для

начальных и средних учебных заведений. Об этом свидетельствуют рекламные объявления в газете. Таким образом, называть его магазин только магазином армянской книги не вполне корректно. Кроме учебной литературы издавались научно-популярные книги, литература санитарно-гигиенического содержания и т. п. Отмечу уже упоминавшиеся книги: ейского корреспондента «Донской пчелы» И. А. Костенецкого «Мысли на досуге» (1882) и «Краткая история Армении с очерком “Армяне в России”» И. Я. Алексанова (1884). Подробнее о них см. параграф 2.2. П. Ященко, один их практиковавших ростовских врачей, опубликовал у И. А. Тер-Абрамиана две научно-популярные книги: «Новый взгляд на болезни и лечение» в 1884 году, а в 1887 — «Гигиена души и тела» [145].

Художественной литературы среди книг, вышедших у Тер-Абрамиана, было немного. Мне удалось найти в подшивках газеты за 12 лет лишь одно объявление о таком издании. Это была повесть ростовского автора Е. Пердельского «Полянка». Вышла она отдельной книжкой летом 1885 года. В объявлении о продаже указывалось, что сюжет повести основан на реальных событиях, якобы имевших место в Ростове в начале 1880-х годов. В книге был даже помещен портрет девушки по прозвищу Полянка. Первоначально повесть публиковалась отдельными главами в «Донской пчеле» в сентябре-октябре 1884 года, перед началом очередного сезона подписки на газету. Описывались в ней перипетии жизни в Ростове одной из молодых женщин, которых именовали в то время «милыми, но падшими созданиями». Впрочем, автор повести обозначил свою героиню как «несчастную жертву страстей человеческих». Трагическую смерть Полянки в результате разбойного нападения на городской окраине автор увязал с образованием поселения, в ростовском просторечии называвшегося Нахаловкой. Протицирую завершение повести по ее газетному варианту: «На следующую весну место, где произошло убийство, было застроено поселенцами и приобрело характерное название Нахаловка. В народе ходит слух, что название это произошло от совершенного там нахального преступления» [146]. Весьма вероятно, что издание «Полянки» отдельной книгой объяснялось читательским интересом к повести во время ее публикации в газете и увеличением в эти дни ежедневных тиражей газеты. Она действительно могла заинтересовать читателя и лихо закрученным динамичным сюжетом, и мелодраматизмом жизненных ситуаций героини из «тех самых женщин», чье легкое поведение

безусловно порицалось, но которые оставались объектом неизбывного интереса городских обывателей обоего пола.

Этнический изоляционизм Иван Абрамович не исповедовал. Об этом свидетельствует его книгоиздательская деятельность. О том же говорит и тематика его книг, в частности, таких как «Ключ к изучению русского языка» и завершённый незадолго до кончины автора, но, видимо, утраченный в 1898 году «Новый словарь древнего и разговорного армянского языка с русским переводом» в 70 печатных листов. Работа над ним велась Тер-Абрамианом около 15 лет [147]. Оба издания, — и состоявшееся, и утраченное, — ориентированы были на создание условий для диалога культур. И, разумеется, потери, названные в связи с хищением и продажей листов отпечатанного тиража «Нового словаря», не исчерпывались 3300 рублями. Столько стоила бумага, набор текста и его печать. Утрата культурная неизмерима в цифрах, о ней можно лишь сожалеть.

2.5. Издатель Арам Иванович Тер-Абрамиан

Начало редакторской работы Арама Ивановича Тер-Абрамиана, старшего сына и наследника типографии Ивана Абрамовича, пришлось на последние годы существования «Донской пчелы». Высказанное в краеведческой литературе мнение о том, что он занялся издательством лишь после кончины отца, следует считать предположением, по сути своей логичным, но не подтвержденным ссылками на источники [148]. Даже выборочное (другого не получилось) знакомство с электронными копиями «Донской пчелы» за 1891–1893 годы показало, что уже в 1892 году сын издателя занимался ее редактированием, а в августе редакторские обязанности в целом были переданы ему отцом. По счастливому случаю в моей выборке номеров «Донской пчелы» за 1892 год оказались и те из них, которые фиксируют это событие. Номер газеты от 9 августа был подписан к выходу еще традиционно — «Редактор-издатель И. А. Тер-Абрамиан». В следующем номере, от 13 августа, выходные данные сообщали: «За редактора — А. И. Тер-Абрамиан. Издатель И. А. Тер-Абрамиан» [149]. Так подписывались к выпуску все последовавшие номера «Донской пчелы» вплоть до последнего, от 21 сентября 1893 года. Передача редактирования газеты не могла произойти без предварительной подготовки

наследника к этой работе. Без особой боязни ошибиться можно предположить, что, по крайней мере, в течение нескольких месяцев 1892 года до передачи ему редакторских полномочий молодой человек, — 20 лет ему исполнилось лишь в 1893 году, — проходил своего рода обучение и практику в редакции. По всей видимости, основатель «Донской пчелы» считал своего сына вполне способным к руководству выпуском газеты и в ежедневном формате. Объявление о ежедневном выпуске газеты с января 1893 года было подписано обоими Тер-Абрамианами. Здесь же формулировались задачи «Донской пчелы» как краевой газеты, отражающей «политическую, экономическую и социально-бытовую жизнь Приазовья, Донской области и Северного Кавказа»; заявлялось о привлечении к сотрудничеству с газетой известных столичных публицистов, писателей и ученых [150].

Весьма оптимистично звучало мнение редакции о перспективах «Донской пчелы» в передовой ее номера от 1 января 1893 года. Здесь подчеркивалось, что пробные номера ежедневного формата, выпущенные в декабре, вызвали «глубокий интерес к обновленной газете, выразившийся в значительном расширении круга ее читателей, увеличении розничной продажи и подписки на следующий год». По редакционной оценке, успех пробных номеров газеты «далеко превзошел наши скромные ожидания, вдохнув нам еще больше уверенности в необходимости и высокой общественной значимости предпринимаемого нами дела». Цель редакции, неизменно просветительская, сформулирована была лаконично и отчетливо: «придать обновленной “Донской пчеле” характер общерусской газеты, соединить местное с общим, общее с мировым, объединив весь этот материал одной общей идеей нравственного и умственного просветления читателя» [151]. Таким образом, и в последний год издания газеты вера в спасительную мощь печатного слова и высокая цель умственного и нравственного развития обывателя Приазовского края вдохновляли издателя-просветителя.

В этой связи интригующе выглядит вопрос о том, почему в сентябре 1893 года, после выпуска 200 с лишним номеров, было принято решение прекратить выпуск «Донской пчелы» и продать право на издание газеты. А покупателями стали лица, ранее никак не связанные с так называемой «журнальной работой». Сообщая в номере от 21 сентября о прекращении выпуска газеты и «переуступлении» прав на ее издание, Иван Абрамович

сослался на собственное «расстроенное здоровье». Причина была названа универсальная, подписчикам газеты вполне понятная, обычно никем не оспариваемая. Представляется, однако, что дело было не только и, возможно даже, не столько в этом. Скорее всего, основанием продажи явилась здравая и вполне реалистичная оценка перспектив издания газеты, которая сложилась у издателя «Донской пчелы» именно в 1893 году. Выпуск газеты в ежедневном формате означал как иную, много большую, нагрузку на сотрудников редакции, так и рост расходов на ее издание. Как и прочие ежедневные ростовские газеты, «Донская пчела» с 1893 года цензуровалась в Новочеркасске, что создавало дополнительные накладные расходы: курьер ежедневно курсировал между Ростовом и Новочеркасском, отвозя газетные гранки цензору и возвращая их в редакцию. О том, как работали редакции ростовских ежедневных газет при таком режиме цензуры, красочно писал А. Тарский (А. Б. Тараховский) на основе впечатлений о своей работе в «Приазовском крае» в 1890-х годах: «Весь приготовленный материал приходилось посылать в Новочеркасск, где он просматривался чиновником областного правления, потом везти его обратно... <...> Все это надо было привести в порядок, набрать, отправить в Новочеркасск. А потом приходилось с лихорадочным нетерпением каждый вечер ждать разрешения. Целые колонки нередко выбрасывались, посыльные запаздывали, статьи уничтожались, а номер надо было во что бы то ни стало выпустить. И дежурили по ночам, томились, волновались... Тяжело было тогда работать» [152].

К этим условиям можно было бы адаптироваться, если бы не конъюнктура в газетно-издательском деле, сложившаяся в Ростове именно в 1893 году. Переходя к ежедневному выпуску «Донской пчелы», отец и сын Тер-Абрамианы знали, что у них будут конкуренты на ниве просвещения обывателей Приазовского края. В сентябре 1891 года в Ростове стала выходить газета «Приазовский край» Серафима Арутюнова, а с 1892 — ежедневные же «Ростовские-на-Дону известия» Максимилиана Балабанова. Конкуренция этих двух газет друг с другом отчетливо обозначилась уже к концу 1892 года, а с начала 1893 конкурировавших изданий стало три. Поддерживая небывало высокую для ростовских изданий построчную плату (2 коп.), редактор-издатель «Приазовского края» влез, по свидетельству А. Тараховского, в «неокупные долги», но обеспечил переход в его газету наиболее способных сотрудников из других ростовских изданий. А 1893 год

ознаменовался появлением в городе еще одного ежедневного издания в лице «Донской пчелы». Если учесть описанную выше цель и задачи ее издания, идентичные задачам «Приазовского края», именно газета Тер-Абрамианов могла стать для С. Х. Арутюнова наиболее опасным конкурентом. «Донская пчела» издавалась уже 18-й год, имела сложившийся круг подписчиков, который увеличился благодаря удачному началу ежедневного издания газеты. Было у «Донской пчелы» и немалое число корреспондентов в разных городах края. Выход обновленной «Донской пчелы» мог способствовать принятию решения об объединении газет С. Арутюнова и Макс. Балабанова. Впрочем, А. И. Свирский, в 1892–1893 годах сотрудник «Ростовских известий», в своих мемуарах писал и о многочисленных долгах Макс. Балабанова, чьи векселя, якобы, были скуплены его конкурентом С. Арутюновым, что и ускорило, по его версии, объединение.

Так это было или иначе, а договор об объединении редакций и типографий обоих конкурентов был подписан в конце мая 1893 года. Согласно ему, выпуск «Ростовских известий» приостанавливался (с правом возобновления в случае изменения ситуации и намерений). «Приазовский край» до конца 1893 года выходил в прежнем формате, хотя сотрудники «Ростовских известий» в нем уже публиковались. На углу Б. Садовой и пер. Братский спешно достраивалось и отделялось просторное двухэтажное здание для размещения объединенной редакции, объединенной же типографии (самой большой в Ростове с 1894 года) и конторы «Приазовского края», поглотившего конкурента [153]. С объединением двух газет к конкурентному преимуществу «Приазовского края» в виде привлекательной построчной платы добавлялось и наличие в редакции достаточного количества образованных людей с опытом газетной работы, известных, по крайней мере, в провинции. Таким был, например, Н. И. Розенштейн, зав. редакцией сначала «Ростовских известий», затем «Приазовского края», а с 1899 — московской газеты «Русское слово». В этой ситуации и было принято И. А. Тер-Абрамианом решение о продаже газеты. Оно свидетельствовало, что сложившаяся на газетном рынке Ростова конъюнктура была ему известна как в целом, так и, похоже, в деталях, и оценена адекватно. Возможно, было известно Ивану Абрамовичу и о приобретении С. Арутюновым в 1893 году права на издание иллюстрированного воскресного приложения к газете, привлекательного для подписчиков, но предполагавшего еще больший рост затрат на ее издание. В этом

контексте уместно вспомнить о М. Б. Городецком — «короле ростовских репортеров» 1890-х годов, по характеристике и А. Свирского, и А. Тараховского. Именно на сведения Городецкого ссылался А. Свирский в описании перипетий конкуренции и объединения газет С. Арутюнова и Макс. Балабанова. Характеризуя своего ростовского приятеля, Свирский писал: «Миша свой человек в Коммерческом клубе, в цирке, в театре, в редакциях. Его любят, всюду встречают улыбкой, всем он должен, никому не платит, но никто на него не сердится» [154]. Добавлю к этому, что М. Городецкий публиковался в «Донской пчеле» с 1885 года, с 1887 писал для нее театральные рецензии, в 1891 указан сотрудником редакции в юбилейных материалах о 15-летию газеты. Согласно мемуарам А. Свирского, Городецкий уже в 1892 году постоянно сотрудничал с «Приазовским краем» и призывал его самого к тому же. Вполне можно предположить, что информацией о делах в редакциях конкурирующих газет «король ростовских репортеров» делился не только со Свирским, но и с издателем «Донской пчелы», которого на юбилейном торжестве газеты в 1891 году комплиментарно приветствовал дважды: сначала от коллектива сотрудников, а потом и от себя лично.

Издатель «Донской пчелы» не стал дожидаться фактического объединения газет, которое существенно ухудшило бы ликвидность права на издание ежедневной газеты. Продажа произошла в сентябре 1893 года. Это лишний раз подчеркивает умение И. А. Тер-Абрамиана своевременно и правильно оценивать конъюнктуру, просчитывать вероятные перспективы развития и соотносить с этим свои экономические решения. От собственности, ставшей по тем или иным причинам неудобной, он умел вовремя избавляться. Об этом уже шла речь в контексте его операций с городской недвижимостью. На принятие решения о продаже прав могли повлиять и соображения личного характера. Возможно, у Ивана Абрамовича действительно были проблемы со здоровьем, что обусловило передачу в 1892 году редакторских обязанностей сыну. Возможно, в 1893 году он стремился создать сыну более комфортные, неконкурентные условия для издательской работы, тем более что ниша, где конкурентов не было, у Тер-Абрамианов имелась. Арам Иванович с 1895 ее занял и в течение 17 с лишним лет выпускал ежегодники — календари и справочные книги. Что же касается тех, кто перекупил газету, — Минаса Балабанова (издатель) и Ивана Камлюхина (редактор), — похоже, они не вполне отдавали себе отчет в том, какие проблемы им придется

решать и с каким конкурентом столкнуться в лице набравшего популярность и влияние «Приазовского края».

За все время издания газеты «Юг» (так стала называться «Донская пчела» после приобретения ее Мин. Балабановым и Ив. Камлюхиным) свет увидели лишь 135 номеров. Наиболее интересными мне представляются номера «Юга», вышедшие с декабря 1893 по 3 апреля 1894 года, когда в редактировании газеты и наполнении ее содержанием принимал участие Г. И. Шрейдер, живший в эти годы в Ростове. Впоследствии он стал известен как автор содержательной монографии «Наше городское общественное управление. Этюды, очерки и заметки», вышедшей в столице в 1902 году. К чести владельцев газеты, в течение ноября 1893 года, первого месяца ее издания, они поняли, что для конкуренции с профессионалами из «Приазовского края» следует привлечь таковых же к сотрудничеству в «Юге». Так появились и Г. И. Шрейдер, и столичные публицисты: С. С. Гусев (Слово-Глаголь), В. И. Немирович-Данченко, Я. В. Абрамов и др. В объявлении о подписке на 1894 год была обещана и публикация книги Гр. Чалхушьяна «История города Ростова-на-Дону», премированной в 1886 году ростовской думой [155]. Выполнить свои обещания подписчикам 1894 года «Югу» удалось примерно на 25 %, если судить по количеству изданных номеров. На № 130 от 3 апреля издание газеты было приостановлено. Столичные публицисты, безусловно, наполнили страницы газеты интересными очерками и фельетонами. Но они требовали и столичных гонораров: получение 5 коп. за строку в газете было для них обычным делом. Между тем в «Приазовском крае» Арутюнов все еще платил своим сотрудникам по 2 коп. за строку, что давало ему конкурентное преимущество. Позднее были предприняты две попытки возобновить выпуск «Юга»: в декабре 1894 года вышли два номера газеты; еще три последовали спустя почти год, в ноябре 1895. Все эти номера и по виду, и по содержанию мало напоминали ежедневную газету: печатался один лист с официальной информацией, новостными телеграммами Российского Телеграфного Агентства (далее в тексте РТА), обзором публикаций в столичных газетах и т. п. Показательно, что все пять последних номеров-листочков «Юга» отпечатаны были в типографии «Приазовского края», пока еще называвшейся по фамилиям трех совладельцев — типография Арутюнова, Ковалева и Кундури [156]. Факты из истории издания

газеты «Юг» настолько красноречивы сами по себе, что в комментариях не нуждаются.

Тем не менее И. А. Кузнецов, сотрудник «Приазовского края», в своих очерках «Прошлое Ростова» (1897) оценил «Юг», выходявший менее полугода, более высоко, чем «Донскую пчелу». Цитирую: «В 1876 году в Ростове И. А. Тер-Абрамианом стала издаваться “Донская пчела”. Газета до конца 1892 года выходила два раза в неделю и особенным успехом похвастаться не могла. С конца 1892 года “Донская пчела” стала выходить ежедневно. Но в следующем 1893 году И. А. Тер-Абрамиан продал ее Мин. И. Балабанову. Вместе с переходом в другие руки газета переименовала название — “Донскую пчелу” сменил “Юг”. Эта газета (редактором ее был И. В. Камлюхин), несмотря на кратковременное свое существование, успела завоевать симпатии читателей, но начав выходить в августе 1893 года, 1 апреля 1894 года была приостановлена на 8 месяцев. Затем, с истечением срока запрещения, “Юг” выпустил несколько номеров в течение года, а потом окончательно прекратился» [157].

Не обращая внимания на фактические неточности, допущенные Кузнецовым в изложении истории издания «Юга», что само по себе вряд ли украшает издание любой книги исторических очерков о городе, отмечу основной смысл данной им характеристики двух газет: «Донская пчела» столько лет издавалась, а успеха особенного не имела, а вот «Юг» за несколько месяцев (в исторической реальности — с ноября 1893 по начало апреля 1894) сумел завоевать симпатии читателей. Умолчал публицист «Приазовского края» и о том, что по условиям продажи свои обязательства перед подписчиками издатель «Донской пчелы» передавал новым владельцам газеты. Заявления о переходе обязательств, сделанные И. А. Тер-Абрамианом и купившим права издания Мин. И. Балабановым, были опубликованы в последнем номере «Донской пчелы». Иными словами, подписчиков «Юг» унаследовал от «Донской пчелы». Судя по обещаниям им же на 1894 год, редакция газеты очень хотела не потерять эту аудиторию. Сомнения вызывает и утверждение о запрещении газеты на 8 месяцев. Ссылки на источник сведений нет. Если запрет произошел 1 апреля, то никак не мог быть допущен новочеркасским цензором номер «Юга» от 3 апреля, последний перед длительным перерывом издания. А он был «дозволен цензурой» 2 апреля. Наконец, информация

о приостановке издания «Юга» на 8 месяцев в административном порядке не миновала бы хроники «Приазовского края». Номера его за первую декаду апреля 1894 года такой информации не содержали.

Как мне представляется, оценка «Донской пчелы» Кузнецовым была началом искажения роли и значения газеты И. А. Тер-Абрамиана теми, кто успешно продолжил дело умственного и нравственного развития обывателей Приазовского края. И по какой-то причине был выбран способ умолчания о том, что у «Приазовского края» был предшественник на этой тяжелой для работы просветителей ниве. В связи с 25-летием издания «Приазовского края» А. Б. Тараховский (Шиллер из Таганрога), сотрудник редакции и член правления акционерного общества, газету издававшего, весьма странно изложил историю ее возникновения, внося свою лепту в своеобразный заговор молчания о «Донской пчеле». Он процитировал первого секретаря редакции Краева, человека в Ростове пришлого и прожившего в нем недолго, который удивлялся в 1891 году, что в таком большом городе нет газеты. Краев мог не знать о «Донской пчеле», во всяком случае на первых порах. Тараховский, газетчик из Таганрога, не знать не мог. Однако никаких уточнений и поправок не сделал [158]. Работая над книгой об С. Х. Арутюнове и его газете, я недоумевала по поводу такого умолчания. Недоумение мое развеялось, когда годом позже, читая подшивки «Донской пчелы», отследила превращение ее из узко-городской в краевую, увидела структуру публикаций в объявлениях о подписке на 1879 и более поздние годы. Она оказалась аналогична структуре публикаций «Приазовского края», и иной не могла быть, если цель одна и та же — просвещение жителей Приазовья, содействие их умственному и нравственному прогрессу. Факт признания «Донской пчелы» предшественницей «Приазовского края» совершенно не умаляет ни роли и значения большого просветительского проекта С. Х. Арутюнова, ни его подвижнической деятельности по созданию и сохранению большой ежедневной краевой газеты, ставшей популярной и влиятельной. Но факт такого признания восстанавливает генезис просветительского печатного слова в Ростове XIX века. А это для исторической памяти всегда важно.

И. А. Тер-Абрамиан, вовремя и с достоинством ушедший от конкуренции, оставаясь владельцем типографии и всей прочей недвижимости, работу по изданию ежегодников поручил сыну. Опыт издания региональных

календарей, содержащих адресные книги администрации, общественных учреждений и торгово-промышленных предприятий, был им накоплен, и опыт немалый. В календарях-справочниках «Весь Ростов-на-Дону» 1895–1898 годов издателем указан А. И. Тер-Абрамиан. Тер-Абрамиан-старший, видимо, в эти годы сосредоточенно работал над «Новым словарем древнего и разговорного армянского языка с русским переводом». Но какое-то участие в создании справочников «Весь Ростов» принимал: частью каждого из них был «Донско-Азовский календарь» на тот или иной год, составленный по алгоритму, типичному для выпусков 1880 — начала 1890-х. Присутствовала в этих книгах и литературная часть, но тексты для нее создавались приглашенными авторами. Новый издатель в предисловии к выпуску «Весь Ростов-на-Дону на 1895 год», открывавшем серию, центром тяжести издания назвал адресные и статистические сведения о торгово-промышленных предприятиях, административных и общественных учреждениях и проч. Они необходимы для организации и правильного ведения торговой и промышленной деятельности, особенно в Ростове, «самом обширном торговом центре юга России». Помещение в справочнике адресной книги по Нахичевану объяснялось существованием «неразрывных торговых сношений Нахичевана с Ростовом» [159]. Новацией стало составление алфавитных указателей учреждений и фирм, вошедших в адресную книгу, что облегчало пользователям поиск необходимой информации.

Год спустя в предисловии к книге «Весь Ростов-на-Дону на 1896 год» был отмечен успех нового издания, который «как нельзя лучше доказал, что в нем ощущается настоятельная потребность». Календарь-справочник был дополнен литературным отделом, содержание которого представляется направленным на реализацию ранее объявленных издательских задач [160]. В выпуске на 1896 год были помещены: пространный очерк П. Камкова «Ростов-на-Дону. Историко-статистический очерк»; «Краткий обзор торговли и промышленности Ростова и Нахичевана-на-Дону», подписанный буквой Г., и очерк «Нахичеван-на-Дону» Г. И. Шрейдера [161]. Основное внимание авторов двух первых очерков было сосредоточено на статистических данных о хозяйстве двух донских городов-соседей. «Краткий обзор» дополнял и отчасти систематизировал сведения, представленные в адресных книгах торгово-промышленных заведений Ростова и Нахичевана. В очерке Шрейдера о Нахичеване экономической статистики немного, но есть очень

любопытная оценка состава и действий нахичеванской городской думы; высказаны оригинальные авторские суждения. Последнее представляет несомненный историографический интерес, поскольку автор очерка впоследствии представил самый обстоятельный анализ деятельности городского самоуправления в царской России в конце XIX — начале XX вв. в своей монографии, упомянутой выше.

Стоит отметить, что в выпуске «Весь Ростов... на 1897 год» два очерка, составившие его литературную часть, были объединены в раздел, названный «К столетию Ростова-на-Дону». В 1896 году городская дума решила было отметить столетие города, привязав основание его к образованию Ростовского уезда Новороссийской губернии указом Павла I от 29 августа 1797 года. Впрочем, от этой идеи весьма скоро отказались, поскольку в тексте самого указа никакого упоминания о городе Ростове нет [162]. Но календарь-справочник, будучи сверстанным ко времени отказа от празднования юбилея, отразил факт существования такого намерения. В названном разделе два очерка: «Прошлое г. Ростова-на-Дону» И. Кузнецова, сотрудника «Приазовского края», чьи статьи о Ростове, опубликованные в этой газете, вышли в 1897 году отдельной книгой. Вторая статья, автор которой не указан, — «Статистический очерк г. Ростова-на-Дону». Появление его вслед за статистическими публикациями в календаре на 1896 год — показатель того, что и характер приведенных там статданных, и уровень их обобщения не вполне устраивали издателя. Статистический очерк в календаре-справочнике на 1897 год составлен более профессионально: представлены сведения о городе и его жителях, которые не нашли отражения в публикациях 1896 года; данные систематизированы в таблицах и легко читаемы; есть попытки сравнения с аналогичными сведениями по другим городам края по ряду параметров: численность населения, заболеваемость, рождаемость и смертность (как общая, так и детская) и проч. [163]. Сведения о занятиях ростовцев и об их вероисповедном составе носят уникальный характер. Первые (о занятиях ростовцев) приведены И. Кузнецовым в его книге, причем он ухудшил их информативность объединением и укрупнением групп данных. Данные о вероисповедном составе (с выделением такого количества групп) нигде в историко-краеведческой литературе мне не встречались. Иными словами, они пребывают вне внимания историков вот уже век с четвертью. Календарь-справочник по Ростову на 1898 год в электронной

библиотеке ДГПБ отсутствует, но обзор трех выпусков 1895–1897 годов дает достаточно полное представление о задачах и особенностях этой серии и ее информативных возможностях как исторического источника. Впоследствии она была возобновлена в 1908 году в несколько измененном виде. Сам же Арам Иванович с 1899 года перешел к выпуску справочных книг, сведения которых охватывали сначала только Донскую область, а затем к ней добавлены были Приазовье и Северный Кавказ.

Прежде чем характеризовать эти новые издательские проекты, следует сделать небольшое отступление к событиям, случившимся в семействе Тер-Абрамианов в 1898–1899 годах. Мне представляется, что они связаны друг с другом. Первое событие произошло весной-летом 1898 года. Накануне Пасхи, а она в том году была ранняя, в первой декаде марта, типография Ивана Абрамовича закончила печатать его «Новый словарь древнего и разговорного армянского языка с русским переводом» — труд полутора десятков лет. Отпечатанные, но неразобранные и не сброшюрованные листы были перенесены в типографский подвал накануне праздника. Подвал закрывался замком; никто из служащих типографии, да и сам хозяин туда не спускались более трех месяцев. Только 22 июня решили разобрать отпечатанные листы и начать брошюровать словарь. Далее цитирую хронику «Приазовского края» от 26 июня 1898 года: «Спустившись в подвал, служащие, к удивлению своему, нашли одни лишь голые стены... Всего украдено до 55 пачек по 2100 листов в каждой, весом до 110 пудов». Похититель обнаружился быстро. Дворник, служивший у Тер-Абрамианов, подломал замок и в течение трех месяцев регулярно мелкими партиями выносил отпечатанные листы для сбыта их торговцам разных ростовских базаров и мелким лавочникам в переулках города. По оценкам самого потерпевшего, было утрачено в итоге до $\frac{3}{4}$ отпечатанного листажа. Полиция, арестовав преступника и его сообщников — группу оптовых покупателей, перепродававших бумагу мелкими партиями, стала искать утраченное. Найденное изымалось; кто-то из торговцев приносил бумагу сам в типографию Тер-Абрамиана, кто-то — в полицейский участок. В итоге удалось собрать до 40 пудов отпечатанного набора или, если согласиться с измерением потери по весу, примерно чуть более трети похищенного. Утраченное вряд ли виделось легко восстановимым, если учесть бессистемность и самого хищения отпечатанных листов (что первым подвернется под руку), и сбыта их, и использования мелкими

торговцами. Полицейские отмечали: кто-то просто заворачивал в листы товар, кто-то уже изготовил из них “мешочки”» [164]. Полиции свой убыток потерпевший определил в размере 3300 рублей. Разумеется, это без учета интеллектуальных затрат и культурной ценности самого труда, а также последствий стресса, который, несомненно, пережил автор словаря, утратив результат своей многолетней творческой работы. Учитывая время, прошедшее между завершением печати книги и обнаружением хищения, набор, скорее всего, уже был рассыпан.

После этого потрясения не прошло и года, как Иван Абрамович ушел из жизни. Весьма вероятно, что первое событие ускорило второе. И. А. Тер-Абрамиан скончался, как сообщалось в траурном объявлении, 8 апреля 1899 года в Харькове «после продолжительной и тяжелой болезни». Похороны состоялись 11 апреля по прибытии тела покойного в Ростов. Процессия прошла от железнодорожного вокзала по Б. Садовой по направлению к Нахичевану, при этом от Таганрогского до Большого проспекта гроб несли на руках. Погребение состоялось на нахичеванском кладбище, заупокойная лития была отслужена в кладбищенской же церкви [165]. Наследники Ивана Абрамовича, супруга и дети, включая двух замужних дочерей, не стали делить недвижимое имущество и все последовавшие годы владели им сообща (см. подробнее параграф 1.5). Исключение составляло лишь оборудование типографии, собственником которого в городских книгах оценки недвижимости неизменно указывался только Арам Иванович. Такуги (Василиса) Вартересовна, вдова Ивана Абрамовича, пережила его на много лет. Зарегистрированный на нее номер телефона указан в «Списке абонентов Ростовской-на-Дону городской телефонной сети» на 1914 год. Находился он в квартире дома по адресу: Б. Садовая, 61. Более поздние сведения о ней неизвестны.

Возвращаясь к издательским проектам Арама Ивановича конца XIX — начала XX в., следует отметить, что ежегодно составлялось и публиковалось какое-либо одно справочное издание. Только после возобновления в 1908 году серии «Весь Ростов и Нахичеван-на-Дону на...» издавались ежегодно две справочные книги. Это легко выверяется по самим справочникам: в перечне ростовских периодических изданий ежегодно указывалось «издательство А. И. Тер-Абрамиан» и выпускавшаяся им в тот или иной год

справочная книга. Библиографическая информация о времени выхода в свет того или иного справочника, представленная в электронном каталоге Донской государственной публичной библиотеки, нуждается в уточнении и корректировке. Например, справочная книга по области Войска Донского в первый раз вышла в 1899 году. Тем не менее в выходных данных на титульном листе ее значится: год издания пятый, что, видимо, и ввело в заблуждение библиографов ДГПБ. Между тем Арам Иванович просто продолжал традицию своего отца, который считал «Донско-Азовский календарь» прямым продолжением «Ростов-Нахичеванского», поэтому года его издания считал от 1875. Аналогично год издания, указанный на титуле той или иной справочной книги А. И. Тер-Абрамиана, обозначает порядковый год его издательской деятельности, начиная с 1895. В подзаголовке издания 1899 года значилось: «Адрес-календарная, торгово-промышленная справочная книга». Вышла она под редакцией Д. С. Нейфельда, который составлял и редактировал справочные издания А. И. Тер-Абрамиана в 1898–1903 годах. В предисловии к первому выпуску серии заявлялось, что это первая попытка дать «обстоятельную адресную и в то же время торговую книгу и удовлетворить одну из немаловажных потребностей <...> делового класса населения области» [166], — потребность в информации о возможных поставщиках, партнерах и покупателях товаров. А заодно и формировать покупательский спрос рекламой, размещавшейся в справочных книгах. Все это отличало справочные книги А. И. Тер-Абрамиана по области Войска Донского от официальных ежегодных «Памятных книг области Войска Донского», издававшихся Донским областным статистическим комитетом в Новочеркаске.

Уже в первом выпуске определилась структура книги, в которую входили общие календарные сведения и месяцесловы всех конфессий населения области, адресные данные административных, сословных и общественных организаций, адреса и данные «о всех фабриках, заводах, торговых и ремесленных заведениях области Войска Донского <...> в строгом алфавитном порядке по роду производства и предметам торговли». Литературная часть была представлена краткой исторической справкой о Донской области, которую дополняли еще более лаконичные статистические данные самого общего характера. В справочнике были помещены карта области Войска Донского, планы городов Новочеркасска, Таганрога, Ростова, Нахичевана и примерно полсотни фотографий этих же городов [167]. Второй выпуск в этой

серии в 1900 году, если судить по планам редактора и издателя расширить территорию сбора и публикации сведений, должен был стать последним. С прицелом на будущее для справочника нашли удачный подзаголовок: «Книга администрации, промышленности и торговли». Структура издания была переработана, стала более логичной по расположению разделов и более удобной для пользователей. Четыре раздела: календарный; необходимые (для коммерческой деятельности. — *Н. С.*) сведения; областной; справочный, — сохранялись впоследствии и в справочных книгах 1901–1912 годов «Вся Донская область и Северный Кавказ». Областной раздел состоял из двух частей. В первой приводились сведения об областных, окружных и городских учреждениях и должностных лицах, во второй — «адреса всех без исключения торгово-промышленных предприятий», проверенные перед включением в издание [168].

Впоследствии так же структурировалась справочная информация и о Кубанской и Терской областях, Ставропольской и Черноморской губерниях, включавшаяся в справочные книги с 1901 года. В предисловии в книге 1900 года были поименно названы сотрудники, проводившие сбор, проверку и обобщение информации по разным городам и округам Донской области. В дальнейших изданиях подобную информацию содержит лишь предисловие к первому выпуску «Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год». Кстати, и сами предисловия находим далеко не в каждом ежегоднике. Сотрудники, собиравшие сведения, работали у Арама Ивановича каждый год, поскольку, во-первых, территория сбора информации расширилась, а во-вторых, нельзя было ожидать, что лица и учреждения станут по собственной инициативе и вовремя предоставлять сведения о себе. Требовалась и их проверка.

Видимо, в разные годы информацию для справочных книг собирали разные люди. Они описывали состав и деятельность того или иного учреждения с большей или меньшей полнотой, поэтому знакомство со справочной книгой только за 1–2 года не может дать полного представления об информативности такого исторического источника. Особенно это касается справок о различных обществах, школах, кружках и т. п. социокультурных ячейках. Поэтому в зависимости от исследовательских задач следует проверять интересующую информацию по всем доступным изданиям справочных книг,

издававшихся А. И. Тер-Абрамианом. Чтобы не уходить далеко от содержания параграфа, приведу в подтверждение только один пример. Так, практически в каждой справочной книге есть информация об Обществе взаимного вспоможения приказчиков в Ростове. Но только в справочной книге на 1900 год кроме адреса и состава его правления приложена подробная справка об уставе общества и количестве людей, в нем состоявших, о мерах социальной помощи его членам — от прямой материальной помощи до бесплатной медицинской и юридической (названы врачи и юрисконсульт общества) и проч. [169]. Но если ограничиться только этой статьей, не посмотрев сведения более поздних справочных книг, то можно упустить из вида характеристику работы торговых школ (мужской и женской), основанных этим обществом в 1902 и 1905 годах, и сведения о дальнейшем обустройстве их выпускников.

Приступая к изданию справочных книг «Вся Донская область и Северный Кавказ», редакция отметила, что «это первая попытка составить справочную книгу об обширном торгово-промышленном районе», в связи с чем промахи и огрехи редакции «почти неизбежны». К читателям обращались с просьбой указывать на пропуски и желательные дополнения. В предисловии названы были девять сотрудников, собиравших сведения по Донской, Кубанской и Терской областям, Ставропольской и Черноморской губерниям. Последовательность изложения сведений по каждой из территорий была отработана на справочных книгах «Вся Донская область»: краткий статистический очерк области (губернии); административные, общественные, сословные и проч. учреждения, должностные лица в них, адресные книги торгово-промышленных предприятий (в алфавитном порядке). К выпуску были приложены карты области Войска Донского и Северного Кавказа и планы восьми городов [170]. Издание этих справочных книг оказалось делом весьма трудоемким и напряженным. Достаточно вспомнить уровень развития транспорта и связи в начале XX века. Последняя была представлена почтой и телеграфом; междугородного телефона еще не существовало. А следовало собрать, уточнить и сгруппировать, к примеру, уже для справочной книги 1903 года примерно 15 тыс. адресов, что послужило причиной позднего выхода справочника [171]. Запоздалый выход в свет следующей справочной книги (1904 года) объяснялся желанием редактора-издателя расширить круг публикуемых сведений включением в нее адресов землевладельцев Донской области и Северного Кавказа. Однако с получением этой информации возникли трудности:

по донским землевладельцам она вообще не была предоставлена [172]. И сложно было определить, насколько отражали ситуацию адреса землевладельцев по областям и губерниям Предкавказья.

В 1904 году десятилетие выпуска ежегодных справочников ознаменовалось для Арама Ивановича тем, что ему предстояло ряд лет — с 1904 по 1911 год — выпускать книги без помощи редактора. В сведениях о ростовских периодических изданиях он то называл себя редактором-издателем, то указывал, что редакция ежегодников помещается в принадлежавшей ему типографии [173]. Сложности с подготовкой книг увеличивались по мере выхода российской экономики из кризиса начала 1900-х годов и затяжной депрессии: росло число адресов, которые приходилось собирать и систематизировать; увеличивалась нагрузка на помощников редактора-издателя на местах и на саму редакцию. Возникали также и осложнения внеэкономического характера. Например, в коллекции справочников «Вся Донская область и Северный Кавказ» в Донской государственной публичной библиотеке, кстати, весьма представительной, отсутствует книга на 1906 год. Если вспомнить, что подготовить ее следовало в 1905 году, то невозможно игнорировать форс-мажорную ситуацию в стране и в регионе в период первой революции в России. Скорее всего, собрать сведения для справочника 1906 года просто не удалось. В пользу такого предположения свидетельствует и факт выпуска в 1907 году А. И. Тер-Абрамианом справочной книги только по области Войска Донского. (В 1906 году условий для сбора деловой информации в регионе все еще не было: многочисленные выступления крестьянства; активность боевиков и пропагандистов партий социалистов-революционеров и «Дашнакцутюн» и т. д. — *Н. С.*) Это было, разумеется, не восстановлением серии, а вынужденной заменой регионального справочника-ежегодника. Но и ее удалось выпустить с большим опозданием.

«Приазовский край» отметил выход книги «Вся область Войска Донского на 1907 год» в хронике номера от 22 июля (!), подчеркнув, что сведений по Северному Кавказу нет и справочник имеет лишь областное, а не краевое значение. Однако протокольная корректность хроникером была соблюдена — отмечены и достоинства, и недостатки издания. «С внешней стороны запоздавший календарь издан прилично: хорошая бумага, четкий шрифт, отлично исполненные карта области и план Ростова. <...> мы

должны отметить неполноту нового выпуска (особенно много пропусков в отделе ученых и иных обществ и т. д. и т. п.). В общем, за отсутствием других, издание г. Тер-Абрамиана остается единственным указателем и мы вправе к нему предъявлять особенно строгие требования» [174]. Здесь логично и кстати упомянуть характерную черту книг, выходявших в типографии Арама Ивановича (электротипография, как ее именовал сам владелец на титульных листах книг), — качество полиграфической работы. Изящество и разнообразие шрифтов, их смелое и удачное сочетание с четкой графикой рисунков характерны для рекламы в этих справочных книгах в течение всех 18 лет издания. А вот элегантные клише, виньетки, рамки появились на страницах обоих справочников-указателей с 1908 года, что отличало издания Тер-Абрамиана от подобной им книжной продукции и вписывало их в эстетику книжной полиграфии Серебряного века российской культуры.

На критику по поводу неполноты данных об общественных организациях разного типа, которые сосредоточивались преимущественно в Ростове и Нахичеване, Арам Иванович отреагировал восстановлением в 1908 году издания «Весь Ростов-на-Дону с Нахичеваном». Справочная книга включала в себя также сведения и адреса по Ростовскому округу и посаду Азов. Серия выпускалась до 1912 года, параллельно с ежегодником «Вся Донская область и Северный Кавказ». Последний в 1908–1912 годах выходил в формате, привычном для пользователей. Указатели этого ежегодника и отмечали ежегодный выпуск Тер-Абрамианом двух справочных книг. Насколько сведения справочника «Весь Ростов с Нахичеваном» отличались от сведений по Ростовскому градоначальству в региональном указателе, выяснить невозможно: в ДГПБ имеется лишь названный выше выпуск на 1908 год.

Региональные справочные книги А. И. Тер-Абрамиана в начале XX века выполняли значимую экономическую функцию. Они формировали необходимую для развития рыночной экономики региона информационную структуру ежегодно обновляемыми данными о промышленных и торговых предприятиях, и рекламой, хорошо представленной в каждой из книг, исключая лишь первый региональный выпуск 1901 года. В настоящее время это уникальный и весьма информативный исторический источник. В справочных книгах по региону встречаются своего рода информационные изюминки. Приведу несколько примеров. Так, в книге на 1904 год были помещены

портреты ряда ростовских общественных деятелей. Некоторые из них: ростовского городского головы начала 1900-х инженера-технолога П. Ф. Горбачева, председателя общества садоводов и организатора городских праздников древонасаждений Г. Х. Бахчисарайцева, А. В. Скубы, председателя правления ростовского общества взаимного кредита, много лет избиравшегося мировым судьей и др., — сложно увидеть где-то еще. В книге на 1911 год находим подробнейшее (12 страниц с 2 колонками текста на каждой) описание всех существовавших в Ростове и Нахичеване обществ и клубов с кратким извлечением из их уставов, что особо значимо, поскольку уставы далеко не всех обществ сохранились. В книге на 1912 год отмечу краткий исторический очерк и пространный статистический обзор Ростова по состоянию на 1911 год. Автор его — публицист «Приазовского края» А. Хмурый (А. В. Лысогоренко), автор многих статей на экономические темы в этой газете [175].

Библиографы ДГПБ определили 1912 как год завершения серии справочных региональных книг, выпускавшихся А. И. Тер-Абрамианом. Эта датировка представляется справедливой. Более того, похоже, что 1912 годом завершился и выход в свет справочников-ежегодников по Ростову и Нахичевану-на-Дону. Известные специалистам указатели по Ростову и Нахичевани на 1913 и 1914 годы были подготовлены к выпуску другими лицами и оба напечатаны в Харькове [176]. На титульном листе книги «Вся Донская область и Северный Кавказ на 1912 год» указано «Год издания XVIII». И как-то сразу вспоминается, что на 18 году издания Тер-Абрамиан-старший прекратил выпуск «Донской пчелы». Возможно, его сын и наследник посчитал, что 18 лет напряженной работы по созданию региональных справочных книг достаточно для того, чтобы перейти к более спокойной жизни просто владельца типографии. Из этих 18 только 6 лет он выпускал свои указатели с помощью редакторов: в 1899–1903 годах редактором сборников был Д. С. Нейфельд, в 1912 — Н. С. Каллига. Таким образом, 12 лет — две трети всего периода — были временем, когда Арам Иванович выступал и редактором, и издателем своих справочников. В таких условиях вероятными выглядели бы и усталость, и, возможно, выгорание. Не случайно в указателях на 1911 и 1912 годы он настойчиво рекламировал издание различных бланков и наборов фабричных книг казенного образца (вплоть до расчетных книжек фабрично-заводских рабочих) в принадлежавшей ему типографии.

Возможно, хотелось Араму Ивановичу также уделять побольше времени и внимания семье. К этому времени у него была супруга — Маргарита Гавриловна, младшая из пяти дочерей потомственного почетного гражданина, нахичеванского купца 1-й гильдии Г. А. Мелконова-Езекова. В конце XIX века он был крупнейшим поставщиком шерсти-сырца на российском и мировом рынках. Когда состоялся брак, неизвестно даже ныне здравствующему внуку Арама Ивановича — Виктору Ивановичу Тер-Абрамиану, хотя он предпринимал и предпринимает усилия по восстановлению истории своей семьи. Мало что дает для установления этой даты и фотография из фондов Ростовского областного музея краеведения. На ней группа нахичеванцев в Карлсбаде, среди которых указаны, в том числе, М. Г. Тер-Абрамиан и ее мать С. С. Мелконова-Езекова. Специалисты музея ориентировочно датировали снимок довольно большими хронологическими рамками — 1900–1910 годы. Можно лишь считать, что брак был заключен до 1910 года. В статусном отношении он был равным: потомственный почетный гражданин женился на дочери потомственного почетного гражданина.

Маргарита Гавриловна, как и все ее сестры, закончила в Москве известную женскую гимназию, которую содержала m-me Мюшель, знала несколько языков, была музыкантшей. Окончание полного курса (8 лет) женской гимназии давало ее выпускницам статус домашней учительницы и право преподавать в народных училищах, если это диктовалось условиями жизни. Маргарита Гавриловна первый учительский опыт получила в школе, содержавшейся ее братом Е. Г. Мелконовым для детей рабочих паровой шерстомойки Мелконовых-Езековых в Нахичеване. Впоследствии он пригодился, когда после гражданской войны ей пришлось как «бывшей», «барыне» и «лишенке» выживать в Ростове вдвоем с малолетним сыном. Сын Иван Арамович, продолжатель фамилии Тер-Абрамиан, родился в 1916 году. Ему было три года, когда скончался отец, и он мало что мог запомнить о нем. Мать в рассказах о своей жизни и жизни родственников до революции, скорее всего, многое упускала, учитывая сложное время, в которое выросл ее сын. Погибла она на исходе второй оккупации Ростова гитлеровцами, 14 февраля 1944 года; сын в это время находился на фронте.

Арам Иванович скончался 20 марта 1919 года на 46 году жизни и похоронен был на нахичеванском кладбище 21 марта. В некрологе, подписанном

«Старый служащий», отмечалось, что траурная процессия растянулась своим шествием на целый квартал, сопровождая гроб с телом сначала в нахичеванский собор, где состоялась заупокойная лития, а затем и на кладбище. Автор некролога считал, что за последние четверть века типография была приведена Арамом Ивановичем в образцовое состояние, что был он «истым любителем печатного и типолитографского искусства» [177]. Некролог был опубликован в газете «Вечернее время» Б. А. Суворина, которая с декабря 1918 по декабрь 1919 года выходила в Ростове-на-Дону, печаталась в типографии Тер-Абрамиана, а ее редакция также располагалась в доме на Садовой, 61.

В завершение сюжета уместно сказать, что брачные союзы старших детей И. А. Тер-Абрамиана связали его потомков родственными узами с представителями многих известных в Нахичеване семейств: Мелконовых-Езекоевых, Аладжаловых, Яблоковых, Шилтян. Произошло это, во-первых, благодаря бракам старшей дочери Ивана Абрамовича Изабеллы, которая дважды выходила замуж, и оба ее мужа были представителями клана Аладжаловых, хотя и разных его ветвей. Во-вторых, сестры Маргариты Гавриловны Тер-Абрамиан стали супругами известных и состоятельных нахичеванцев. Достаточно вспомнить хотя бы, что после смерти мужа по настоянию старшей сестры, Устиньи Гавриловны Яблоковой, она переехала с сыном в дом Яблоковых, который одним своим фасадом выходил на Б. Садовую, а другим — на ул. Дмитровскую. После отъезда семьи старшей сестры в эмиграцию Маргарита Гавриловна была хозяйкой в этом доме вплоть до окончательного установления в Ростове советской власти. На торжествах по случаю 15-летия «Донской пчелы» Мин. И. Балабанов в своем поздравлении отметил, что И. А. Тер-Абрамиан, будучи ростовским жителем, все эти годы сохранял духовную связь с родственными ему по религии нахичеванцами. Однако прошло совсем немного лет и это духовое родство дополнилось и укрепилось семейно-родственными связями его детей и внуков с именитыми нахичеванцами.

ГЛАВА 3

«ДОНСКАЯ ПЧЕЛА»: АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА

3.1. Два лика просветительской работы редактора-издателя «Донской пчелы»

«Донская пчела» стала выходить в свет с 1 (14) февраля 1876 года. К сожалению, электронной версии номеров первого года ее издания нет. Однако в одной из передовых статей, посвященных десятилетию издания газеты, И. А. Тер-Абрамиан процитировал цель и задачи газеты, изложенные им в самом первом номере. Привожу эту цитату: «Газета служит указанием всех нужд и интересов бытовой и социальной жизни народонаселения тех местностей, где она издается; она самый верный группировщик мнений целой страны и века, следовательно, наша цель — ознакомление читателей с новостями века и с применением их к жизни и быту местного общества» [1].

В январе 1877 года И. А. Тер-Абрамиан уточнил главную задачу газеты: «честно служить интересам общества и разъяснять ему его нужды и потребности». В первые два года просветительская миссия газеты ограничивалась в основном территорией Ростова и Нахичевана. «Для городов Ростова и Нахичевана важнее всех вопросов вопрос коммерческий. <...> Огромная хлебная операция внутри, а главное, торговля с границей ведется самым успешным образом. Важность этой торговли играет существенную роль в наших городах, и поэтому читателям любопытно будет познакомиться с этими вопросами, близкими сердцу каждого ростовского и нахичеванского гражданина», — писал редактор в программной передовой. Однако экономическими вопросами издание не ограничивалось. Газета была заявлена как политическая и литературная. Оценивая итоги первого года издательской

работы, Иван Абрамович писал: «В общем строе литературы, а в особенности в жизни, постоянно являются более или менее яркие недостатки, происшедшие вследствие вековых рутинных правил и ложности идей и взглядов в деле образования» [2]. Высказанное стремление разъяснить обществу, явно недостаточно развитому в умственном и нравственном отношении, его нужды и потребности позволяет считать задачи издания просветительскими. С точки зрения любого просветителя, основа общественного прогресса — экономического, социального, культурного — это умственный и нравственный прогресс людей, общество составляющих. И, прежде всего, рост их образовательного уровня. Не случайно же редактор считал «ложность идей и взглядов на образование» одной из причин негативных явлений общественной жизни. Структура публикаций «Донской пчелы», изложенная в этой же передовой статье, выглядела следующим образом: передовые статьи «по вопросам, касающимся преимущественно нужд и интересов жителей гг. Ростова и Нахичевана»; официальная информация правительственных, административных и общественных учреждений; телеграммы РТА; внутренние и заграничные известия; биржевой отдел; фельетон (в нем — театральные рецензии, критические статьи, «нравственные рассказы», повести, романы). Обращает на себя внимание ограничение влияния газеты территорией двух соседних городов — значимых коммерческих центров юго-востока России. К чести редактора-издателя следует сказать, что он ежегодно оценивал результаты издания газеты и в соответствии с этим оперативно корректировал издательскую политику.

В передовой № 1 за 1878 год, подводя итоги двух лет выпуска «Донской пчелы», Иван Абрамович отметил, что направление ее дальнейшего издания выяснилось «довольно ясно и определенно» и выявился характер газеты, благодаря которому она «выделила себя из ряда других однородных с ней изданий». С этого времени весь Приазовский край был обозначен редактором как территория, интересам которой служит газета. Редакция обещала сделать все возможное, чтобы в газете вместе с новейшими политическими и другими сведениями освещались также вопросы, относящиеся до нужд и интересов означенного края и его населения. О преобразовании «Донской пчелы» с 1878 года в газету краевого характера было заявлено и в рекламном объявлении на обложке «Ростов-Нахичеванского календаря на 1878 год» [3]. Так, уже в 1878 году расширилась сфера просветительской работы И. А. Тер-

Абрамиана как издателя ростовской газеты, включив в себя территорию края с полиэтничным и поликонфессиональным населением. С января этого же года на страницах «Донской пчелы» появилась постоянная колонка «Ответы редактора», в которой оценивались присланные материалы и высказывались рекомендации авторам. Просуществовала она практически до завершения издания газеты.

Важной вехой эволюции просветительской программы «Донской пчелы» оказалась оценка трех лет ее издания в принципиально важных редакторских статьях января 1879 года. Но сначала о тех обстоятельствах, которые обусловили эти коррективы. Во-первых, это были события русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Международные обзоры и сообщения с театра военных действий на Балканах и на Кавказе регулярно публиковались на страницах газеты. Неоднократно она привлекала внимание читателей к бедственному положению турецких армян; ряд публикаций был посвящен организации помощи беженцам. По завершении войны подписчики газеты могли ознакомиться с полными текстами Сан-Стефанского мирного договора и Берлинского трактата. «Донская пчела» опубликовала массив разнообразных статей, заметок и обзоров по итогам войны в целом и по вопросу о судьбе армян на территории Турции в частности. У редакции появились корреспонденты в Константинополе и в ряде европейских стран, очевидно, из числа представителей армянской диаспоры. Во-вторых, уточнению направлений просветительской работы способствовал опыт сотрудничества с выросшим в 1878 году кругом читателей-корреспондентов, живших в разных городах Приазовья.

В передовой статье 1 января 1879 года, подводя опыт третьего года издания газеты, редактор отметил разнообразие публикаций по проблемам краевого характера: рефераты и заметки о работе земства — губернского и уездных, городских дум как Ростова и Нахичевана, так и городов Приазовья, статьи о состоянии сельского хозяйства и торгово-промышленном развитии края. Тер-Абрамиан уведомил подписчиков и читателей о предстоявшем увеличении количества публикаций в отделе местных известий и придании им большего разнообразия за счет статей по истории, географии, статистике и этнографии Приазовского края и Екатеринославской губернии. Сообщалось и о привлечении корреспондентов из Москвы и Петербурга, Одессы

и других городов Новороссии [4]. Таким образом, просветительские задачи газеты в Приазовье были вполне отчетливо обозначены.

В том же номере от 1 января 1879 года Иван Абрамович позиционировал себя и как армянского просветителя. Это не означало, что ранее эти задачи им не ставились. Ставились и решались. Достаточно вспомнить просветительские ориентиры, поставленные архимандритом Г. К. Айвазовским перед типографией Халибовского армянского училища, которой управлял герой нашей книги. Уже были написаны и опубликованы им учебники по истории Армении, издавался армянский календарь — с 1866 года и до конца его издательской деятельности в 1893 году. Не буду останавливаться на литературных достоинствах большого, в двух номерах напечатанного, фельетона-эссе «Воздушное путешествие “Донской Пчелы”». Они очевидны и в композиции текста, и в уместно ярких и кратких характеристиках упоминавшихся лиц, обстоятельств, пейзажей. В центре внимания — просветительские задачи, сформулированные в эссе. Делясь впечатлениями от пребывания в Эчмиадзине (то ли имевшего место зимой 1878–1879 годов, то ли воображаемого), Иван Абрамович от лица «Донской пчелы» «смирненно посоветовал» патриарху всех армян Кеворку IV, основателю патриаршей духовной семинарии и журнала «Арарат», учитывать, как в программе подготовки священников, так и в издании журнала, что «армянский народ, большей частью не знающий ни отечественной истории, ни своего происхождения, ни биографий своих замечательных предков», нуждается в духовных проповедях, «согласных современному духу и потребностям нации». Поэтому надо стараться подготовить из учащихся семинарии «более светских духовников с разумными познаниями, основанными на нравственных началах». Думается, в этом пожелании Ивана Абрамовича отразился его опыт общения и сотрудничества с архиепископом-просветителем Г. К. Айвазовским. Заслуги последнего, кстати говоря, патриарх Кеворк IV оценил по достоинству: возведя сначала в сан епископа, а затем и архиепископа, поставил его во главе вновь созданной Эчмиадзинской духовной семинарии и Грузино-Имеретинской епархии Армянской церкви. Впрочем, архиепископ Айвазовский руководил духовной семинарией только с 1875 по 1877 год, а затем покинул этот пост по состоянию здоровья. Пожелания редактора «Донской пчелы» в адрес семинарии были обращены к преемнику архиепископа.

Редактора «Донской пчелы» явно не устраивало, что в журнале «Арагат» помещались средневековые религиозные статьи, романтические персидские сказки и не самые значимые переводные тексты. Цитирую авторский текст: «И действительно, как не порицать деятельность столь важного для армян журнала (подписка на который обязательна для всех церковно- и священнослужителей России, Турции и Персии), <...> который в течение почти двухлетней войны России с Турцией, совершившейся частью на полях и в городах Армении, почти под носом самого монастыря Эчмиадзина, не проронил на одного слова о положении Армении и армян? Кроме того, со дня появления этого журнала в свет в нем ни разу не помещались отчеты о приходе и расходе монастыря, типографии, семинарии, самого журнала, монастырских недвижимых имений и проч. <...> Хотелось бы многое досказать о нем, но пока молчание считаю благоразумностью». Последняя оговорка — показатель оценки им собственной критики как достаточно умеренной. Иван Абрамович резюмировал пространные описания «Донской пчелы», пролетевшей из «родного улья», Ростова-на-Дону, по маршруту Тифлис — Эчмиадзин — Эрзерум — Васпуракан — Константинополь — Измаил — Аккерман — Одесса — Армавир — Ростов, следующим образом: «Ознакомясь ближе с настоящим положением армян, прежде всего скажу вам, что ничто не находится вне законов времени и ничто не может долго сопротивляться его все истребляющей силе; следовательно, никакой народ не может без умственного и нравственного образования сохранить ни свой язык, ни церковь, ни национальность, и должен сделаться печальной и презренной игрушкой мирских обстоятельств, как это ярко бросалось в глаза наблюдателю во время последней войны» [5].

Таким образом, поместив в 1879 году в первом номере газеты одновременно передовую о необходимости расширения просветительских публикаций для полиэтничных по составу подписчиков и читателей газеты в Приазовском крае и начало эссе «Воздушное путешествие...» с отчетливым формулированием задач просвещения армянского народа, рассеянного по всему миру, И. А. Тер-Абрамиан по существу заявил о двух ипостасях своей просветительской издательской работы. И все последовавшие годы он действовал именно таким образом. Подобная особенность просветительской позиции должна была привести Ивана Абрамовича, — рано или поздно,

но закономерно, — к диалогу разных культур на страницах его изданий, точнее, к истокам этого диалога, к созданию условий для его начала.

В передовой о начале издания первой газеты в Екатеринославе (лето 1882 года) редактор «Донской пчелы», критически осмысливая собственный опыт, отметил, что издатель новорожденного «Екатеринославского листка» испытывает те же просветительские иллюзии, которые пережил и он сам. «Как ни грустно сознаться, нужно согласиться с теми скептиками, которые выражают сомнение относительно развитости нашего провинциального общества. Наша губерния действительно обладает полуторамиллионным населением, но между населением, развитым обществом и читающей публикой большая разница». Среди читателей периодики, по его наблюдениям, было очень немного тех, кто читал бы «трактаты об идеалах», а реально существовал спрос публики на «новости, сведения и даже справки». И с этими обстоятельствам нельзя было не считаться [6].

Констатируя это, сам Иван Абрамович время от времени все же публиковал в «Донской пчеле» тексты, которые соответствовали его же определению «трактаты об идеалах». Видимо, иллюзии относительно роли печатного слова в нравственном образовании личности сохранялись и у него, и у его корреспондентов. Довольно часто такие трактаты появлялись в газете в 1881–1884 годах. Объединяло их авторство И. Костенецкого, подписчика-корреспондента из Ейска (см. также о нем в параграфе 2.2). Судя по публикациям, Костенецкий был глубоко верующим человеком, хорошо знавшим христианскую литературу, а проблемы нравственного совершенствования личности идентифицировал с утверждением в сознании человека христианских добродетелей. Редактор-издатель «Донской пчелы» разделял такой же подход к проблемам нравственного образования личности. В 1881 году он писал о необходимости организовать публичные религиозные чтения для рабочих [7]. Примерно в это же время Иван Абрамович работал над «Священной историей Ветхого и Нового Завета и краткой историей Армянской церкви» на армянском языке, опубликовав ее в 1883 году. А с 1887 года на страницах газеты он регулярно рассказывал (под псевдонимом Аргус) о смысле христианских православных праздников, о связанных с ними обрядах и обычаях, о сущности Великого поста и т. д. Рассказывал он образно и доступно, справедливо подозревая, что соблюдение религиозных обрядов

не означало, что при этом большинство верующих понимали смысл того или иного христианского праздника или поста.

Особый интерес представляют статьи с оценкой опыта десяти лет выпуска «Донской пчелы». В передовых от 19, 22 и 26 декабря 1885 года редактор-издатель оценил сам факт стабильного существования газеты как примечательное явление для провинциальной прессы, как «мерило культурных успехов провинциального общества» и просто как личный праздник издателя и его сотрудников. Позади были, по его характеристике, «десять лет борьбы с равнодушием общества к прессе, с отсутствием спроса на печатный материал, с невежеством, грубостью и предрассудками толпы, с отсутствием твердого сознания гражданского долга и гражданских идеалов в обществе, с врагами печатного слова и гонителями гласности, не останавливающимися ни перед чем, чтобы парализовать самостоятельность мнений органа и его руководителей». Обращает на себя внимание контекстное употребление слов «гласность» и «гонители» и заявление редактора о том, что «Донская пчела» находилась и находится в противостоянии со вторыми. В середине — второй половине 1880-х годов И. А. Тер-Абрамиан продолжал писать, что его газета служит гласности, а полицейская цензура такие заявления пропускала. А годы царствования Александра III были, по А. Блоку, «мрачные, глухие» и «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», но слово «гласность» не служило маркером нелояльности.

И редактор-издатель, и секретарь редакции С. Б. Каневский в «Литературном обозрении», написанном на исходе 11 года издания газеты, были единомышленны в позиционировании газеты как краевой. Утверждение это вполне подтверждается анализом содержания годовых подшивок газеты, несмотря на то, что сюжеты, связанные с интересами Ростова и Нахичевана, их экономическим развитием, благоустройством, увеличением числа образовательных учреждений разного типа, занимали значительное место на страницах «Донской пчелы». Немало любопытного было опубликовано и о повседневной жизни ростовцев и нахичеванцев, о труде их и об организации досуга, о буднях и праздниках. Но на страницах «Донской пчелы» находилось место и многому другому. Оговорюсь сразу: пока я абстрагируюсь от множества газетных публикаций по проблемам воспитания и образования подрастающего поколения, а также от статей о театре, музыке, литературе. Об этом

будет сказано ниже, в сюжетах о реализации поставленных редактором просветительских задач. Пока только о том, как «Донская пчела» освещала события за пределами двух городов-соседей, подтверждая заявленный статус краевой газеты. Периодически на ее страницах появлялись пространные обзоры действий земства Ростовского уезда (до 1888 года), городского самоуправления не только Ростова или Нахичевана, но и Ейска, Азова, Таганрога, фельетоны об общественной жизни Новочеркасска, Мариуполя, Славянска, Анапы и других населенных пунктов. С присоединением Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства к области Войска Донского увеличилось число публикаций (как статей, так и хроникальных заметок) о событиях, связанных с жизнью казаков и деятельностью войсковых властей. География подобных публикаций определялась, разумеется, наличием в том или ином месте корреспондентов, способных создать текст, отвечавший требованиям редакции.

В 1886 году в «Литературном обозрении» С. Б. Каневский писал о 1200 подписчиках «Донской пчелы», отметив при этом, что «ни одна провинциальная газета в России, исключая одесские, не может похвастать таким солидным количеством подписчиков, но “Донскую пчелу” и невозможно сравнивать с другими провинциальными печатными органами на том основании, что “Донская пчела” служит интересам целого края и многим губерниям, тогда как всякая другая провинциальная газета служит только интересам небольшого района». Подчеркнув, что газета издается, в отличие от многих провинциальных изданий, без каких-либо субсидий и нуждается лишь в «теплом отношении со стороны местного общества», Каневский уместно напомнил о том, как ростовские городская дума и управа «забыли» поздравить газету и ее редактора с 10-летием издания. А в заключение добавил: «Можно лишь сказать, что никакой честный труд не пропадает бесследно, могут его своевременно не оценить, но во всяком случае должно настать то время, когда по заслугам отдается и честь. Девиз “Донской пчелы” — трудиться, трудиться и опять трудиться и ждать, когда придет тот блаженный момент, когда она будет оценена по достоинству» [8].

Разумеется, редакция не исключала публикации в провинциальной газете материалов, в общих чертах знакомивших с жизнью всей страны и международными событиями. Приведу только один пример. В 1885 году Иван

Абрамович опубликовал полностью «Положение о фабричной инспекции», только что учрежденной в России, вместе с собственными комментариями к нему. По Положению 1885 года фабричная инспекция создавалась для контроля за работой и обучением на фабриках и заводах малолетних рабочих. Вопрос о положении детей-рабочих редакция «Донской пчелы» считала чрезвычайно важным, поскольку большинство фабрикантов и заводчиков нисколько не заботились «о будущности своих малолетних работников и очень негуманно отнеслись к подпадавшим их власти детям». В итоге условия работы детей на фабрично-заводских предприятиях «не могут благоприятствовать» развитию детей и их нравственному здоровью. Полный текст «Положения о фабричной инспекции» с прописанными в нем условиями труда малолетних рабочих, обучения их хозяевами предприятий и функциями фабричных инспекторов и инспекторов народных училищ «Донская пчела» специально опубликовала для сведения и руководства к действиям всех хозяев фабрик и заводов [9].

Деятельность И. А. Тер-Абрамиана как армянского просветителя отчасти уже характеризовалась в контексте его книгоиздательской работы (см. параграф 2.4). Однако и на страницах газеты регулярно появлялись публикации по армянской истории, этнографические очерки о различных группах армянской диаспоры, о деятелях культуры и проч. Значимым был и русский язык этих публикаций. С одной стороны, Иван Абрамович, проживая в Ростове, следовательно, вблизи Нахичевана и в общении с его жителями, быстро убедился, что далеко не все донские армяне настолько владеют языком, чтобы читать серьезные тексты на армянском. С другой, — важно было сообщить хотя бы самые элементарные историко-этнографические сведения об армянах, об особенностях их культуры и обычаях полиэтничному составу подписчиков «Донской пчелы». Приведу здесь лишь некоторые из этих материалов и отмечу, что чаще всего автором текстов был сам Тер-Абрамиан. Это представляется закономерным, учитывая его опыт написания учебников по истории армян и двухтомника «История Крыма». Нельзя не упомянуть довольно большую по объему публикацию 1877 года «Краткие исторические, статистические и этнографические очерки об армянах» от редактора-издателя и его же «Исторический обзор армянской журналистики». Первая из них относилась во времени войны России с Турцией, которая стимулировала интерес к христианским народам, жившим на территории Османской

империи. Закавказские же армяне оказались вблизи и даже на территории Кавказского театра военных действий, в большей или меньшей степени участвовали в них, а российские генералы армянского происхождения (М. Т. Лорис-Меликов, А. А. Тергукасов, И. Д. Лазарев) прославились боевыми заслугами именно в этой войне. Сам Иван Абрамович считал эту публикацию необходимой для «ознакомления наших читателей, особенно русских, с армянским миром» и для преодоления «некоторых неосновательных предубеждений» по отношению к армянам [10]. «Исторический обзор армянской журналистики» (декабрь 1878) интересен тем, что в нем учтены в особой таблице все армянские типографии, основанные в европейских городах за период с XVI века по 1870-е годы, начиная с венецианской, открытой в 1565 году, и завершая типографией в Эривани (1876). При этом автор охарактеризовал периодические издания (газеты и журналы), которые увидели свет в этих типографиях, представив таким образом очень информативные историко-статистические сведения по теме [11].

В течение года — с лета 1878 по лето 1879 — любопытные корреспонденции с описанием условий жизни, быта и обычаев турецких армян присылал в «Донскую пчелу» К. Аветиков, совершавший вояж по городам, где они проживали. Редактор характеризовал его как «знатока турецких армян», а публикации делались с пометкой «Корреспондент “Донской пчелы”» [12]. В 1882 году оригинальный материал был прислан константинопольским корреспондентом «Донской пчелы» М. Аршакуни. Он весьма ярко описал неисполнение Турцией статей Берлинского трактата 1878 года о реформах в ее малоазиатских провинциях, положение турецких армян, заключение русско-турецкой конвенции о выплате Турцией военной контрибуции России и сложный поиск турецким правительством денег для первого ее взноса [13]. Необычен сам факт появления подобных публикаций на страницах провинциальной газеты, выходившей дважды в неделю и обреченной, казалось бы, уже из-за статуса своего быть всегда вторичной и довольствоваться перепечатками из столичных изданий для наполнения своих страниц «солидным» содержанием. Газета Тер-Абрамиана, если и прибегала к перепечаткам, то делались они относительно редко и, похоже, по принципиальным соображениям редакции. При этом далеко не всегда для перепечатки избирались петербургские или московские газеты. Это могли быть и газеты, выходившие в европейских городах, поскольку знание редактором «Донской пчелы»

шести языков позволяло ему отслеживать интересные статьи зарубежной прессы. Кроме того, с 1888 года регулярной стала практика перевода и публикаций статей из армянских периодических изданий, выходивших в России. Объясняя ее, секретарь редакции И. Огуз писал, что армянские газеты, выходящие на Кавказе, недоступны из-за языкового барьера ни более или менее широкому кругу читателей в России, ни представителям русской администрации в регионе. Но администрации, да и русской читающей публике должны быть известны жизнь, бытовые условия и положение русских армян. «С этой целью редактор “Донской пчелы” дает в своей газете место сообщениям, перепечатываемым им в переводе на русский язык из наиболее известных армянских изданий» [14].

В 1888 году у «Донской пчелы» было 1500 подписчиков. К сожалению, это самый поздний их подсчет, который удалось найти в годовых подшивках газеты. Выявить такую информацию можно только при работе с полными годовыми комплектами номеров, тщательно просматривая практически все передовые статьи, касающиеся издания газеты. Однако электронные копии их в РНБ заканчиваются 1888 годом. Небольшая выборка номеров «Донской пчелы» за 1891–1893 годы, которую удалось сделать, дала важную и интересную информацию, но в них не оказалось сведений о числе подписчиков. Учитывая динамику этого показателя в 1880-х: 500 (1882) — 800 (1885) — 1200 (1886) — 1500 (1888), констатируя рост подписки в три раза за 6 лет, можно с осторожным оптимизмом предполагать, что ко времени перехода к ежедневному выпуску (рубеж 1892–1893 годов) у «Донской пчелы» было примерно 2000 подписчиков; возможно, парой-тройкой сотен больше. А розничная продажа номеров прибавляла несколько сотен экземпляров к общему тиражу в каждом из временных срезов.

На исходе 13 года издания рефлексия редактора по поводу издания газеты, изложенная в нескольких передовых осени-зимы 1888 года, отличалась вниманием к нравственным проблемам. В первой из них, сообщив о 1500 подписчиках, Иван Абрамович писал: «Газета есть цензор нравов. Читатель не должен глумиться, если всякое злодеяние, ложь или кощунство встречает в нас строгих порицателей. <...> Мы поддерживаем всякие интересы и стремления, способные принести добро, пользу и, напротив, выступаем противниками всяких эгоистических наклонностей и инстинктов,

заботящихся лишь о себе». Отметил он, что «Донская пчела» всегда неукоснительно выполняла эту нравственную задачу. Но оговорку сделал: выполняла эту задачу настолько, «насколько позволяли ей окружающие, вне нас, условия. А с этими условиями весьма трудно было бороться, идти рука об руку потому, что в них — сила, влияние, власть. Грубой и неопытной рукой она иной раз касается тех непреложных строк, которые навеяны жизнью <...> и умеряет решимость, стремление газеты. Приходится мириться и с этим обстоятельством, потому что зло силою обстоятельств должно быть терпимо. Насколько же позволяла нам наша нравственная независимость, мы оставались верны идеалу правды, добра и прогресса, а в этом — наша скромная заслуга, которую не станет отрицать даже самый решительный враг наш» [15]. За этой формулой: сохранение «нравственной независимости» и верности идеалам правды и добра при неизбежной терпимости к «злу силою обстоятельств», — скрывался многолетний опыт редакторских мытарств с изданием провинциальной газеты, непонимания и даже враждебного к ней отношения со стороны учреждений и частных лиц, злых насмешек и беспринципной критики со стороны столичных периодических изданий. Просветительство требует жертв, а первопроходцу на этой ниве всегда труднее, чем идущим по его следам. Неизменная верность издателя «Донской пчелы» просветительству обнаруживается и в формулировке задач газеты при переходе к ежедневному выпуску в 1893 году, которая уже упоминалась в параграфе 2.4. Главная из них заключалась в том, чтобы придать обновленной «Донской пчеле» характер общерусской газеты, соединить местное с общим, общее с мировым, объединив весь этот материал одной общей идеей нравственного и умственного просветления читателя.

3.2. «Донская пчела» об образовании и воспитании

В просветительской системе идей основа общественного прогресса заключается в умственном и нравственном развитии человека. В связи с этим особое внимание просветитель уделяет системе образования, отмечает ее достижения, выявляет недостатки, размышляет над путями развития школ разного типа и над принципами воспитания детей. Именно этим объяснялось постоянное внимание «Донской пчелы» и ее редактора к проблемам образования и нравственного формирования личности. Материалы газеты

по этой теме разнообразны: передовые по общим и частным проблемам школьного обучения; материалы о необходимости образования профессиональных школ, как мужских, так и женских; напоминания о том, что Ростовскому уезду, как и югу России в целом, нужны сельскохозяйственные школы разного типа. На создании последних «Донская пчела» настаивала лет за 15–20 до их появления на Нижнем Дону и в Приазовье. Первые газетные публикации о пользе школ для торгового земледелия юга России относились к 1879 году [16]. На страницах газеты можно найти уникальные сведения статистического характера о количестве школ в Ростовском уезде и в Екатеринославской губернии, о развитии школ в Кавказском наместничестве на рубеже 1870–1880-х годов [17]; данные о числе учащихся и учителей в народных училищах Ростова и Нахичевана, характеристику сословного и вероисповедного состава выпускников Петровского реального училища, технического училища ВлкЖД в Ростове, женской гимназии, очерки о возникновении этих учебных заведений и др. [18]. Имеются данные о материальном положении учителей начальных школ в Ростовском уезде и непосредственно в самом Ростове, собранные уездным инспектором народных училищ, а также информация о мерах помощи им со стороны уездного земства и ростовской думы [19]. Все эти публикации отражают убеждение редактора «Донской пчелы» в ценности статистики для определения перспектив дальнейшего развития изучаемого предмета, а данном случае — системы образования, и для написания информативных исторических очерков или обзоров по той или иной конкретной проблеме.

Среди массива текстов педагогической тематики преобладают статьи, письма, полемические и хроникальные заметки по развитию и состоянию образовательных учреждений. Статьи с размышлением о воспитании подрастающего поколения немногочисленны. В изученных годовых подшивках за 12 лет издания газеты мне удалось встретить только пять таких публикаций. При этом две из них освещали роль школьной гимнастики как фактора формирования здорового юношества, что придает им значимый, но все же камерный характер. Три оставшихся статьи — размышления по вечным и классическим проблемам воспитания. С этой связи они вполне актуальны и с точки зрения современного читателя. Есть все основания считать автором всех трех самого редактора-издателя «Донской пчелы»: две публикации — это передовые, написанные в 1877 и 1878 годах, и нет никаких оснований

подозревать, что писал их кто-то из помощников Ивана Абрамовича. Они обнаруживают весьма основательное знакомство автора текстов со специальной педагогической литературой, что не может удивлять в человеке с опытом работы в среднем учебном заведении и написания учебников для них же. Статья «Семья как главный воспитатель будущего человека» не подписана, но она вплотную примыкает к передовой номера и отделена от нее чертой. Такая связка-разделение двух принципиально значимых материалов к одному номеру была характерна в середине — второй половине 1880-х для текстов редактора-издателя «Донской пчелы». Примечательно, что все три статьи связаны логикой размышлений над проблемами дошкольного и внешкольного воспитания подрастающего поколения. Первая (1877 года) вводила в курс педагогических споров о том, на воспитание какого типа личности («флюгера» или «самодура» как двух крайностей воспитательного процесса) следует ориентироваться родителю. Вторая (1878 года) посвящена роли семьи и уже появившихся детских садов в формировании навыков и личностных качеств у детей младшего возраста. Третья же касалась вопроса о роли семьи и школы в воспитании.

Передовая о двух принципиально разных подходах педагогики к формированию личности человека посвящена размышлениям по поводу публикаций в журнале «Воспитание и обучение». Автор отметил, что материалы этого специального издания не дают сколько-нибудь ясного ответа на вопрос: «что предпринять против того, чтобы не было у нас ни “порабощенных”, ни самодуров, вносящих в жизнь дикую разнузданность личности». Между тем родители при воспитании детей чаще всего придерживаются либо одной, либо другой из отмеченных крайностей воспитания. Формулируя собственный подход к проблеме, И. А. Тер-Абрамиан отметил, что главная сложность воспитания и развития ребенка заключена в том, чтобы «в одно и то же время быть и наставником, и равным с ним. Нужно влиять на личность морально, но не поработая ее». Это своего рода идеал, к которому следует стремиться. В реальности же нет пока ни таких педагогов-воспитателей, ни, тем более, родителей, знакомых с подобным подходом к формированию личности человека. Резюме статьи звучит не пессимистично, скорее, с идеалистическим оптимизмом: «Этого блаженного времени нам, сынам XIX века, не придется дожидаться, а оно должно прийти...» [20].

В передовой конца января 1878 года редактор обратился к вопросу о том, как следует семье формировать у детей правильные привычки. При этом он высказал совершенно справедливое мнение, что в школу ребенок приходит с уже вполне сложившимися привычками. Поэтому школы имеют лишь косвенное влияние на формирование его характера — «они или задерживают развитие имеющихся уже привычек, или способствуют их развитию». Разделяя принципы воспитания ребенка в игре, сформулированные популярным в то время немецким педагогом Ф. Фребелем, Иван Абрамович подчеркивал: «Нужны терпение, настойчивость и, главное, педагогический такт, чтобы <...> направлять их игры и занятия (или лучше сказать игры-занятия), сделать вовремя то или другое замечание, которое было бы настолько кстати, что запечатлелось бы в уме ребенка». Этот призыв обращен был в первую очередь к матерям, которые занимались воспитанием детей в интеллигентных семействах. Вместе с тем, согласно Ф. Фребелю, ребенку для правильного развития в своих играх-занятиях необходимо общество детей-ровесников. В этой связи автор передовой считал, что оптимальным вариантом решения проблемы являются детские сады, которые стали открываться в России, и приветствовал открытие первого детского сада по системе Фребеля в Ростове [21].

Отвлекаясь от анализа текстов, замечу, что появление в газете таких статей с размышлениями о принципах воспитания детей позволяет говорить о самом редакторе-издателе «Донской пчелы» как о заботливом и сознававшем свою ответственность отце семейства. Именно в эти годы старшие его дети находились в возрасте, когда следовало руководить их «играми-занятиями». Своими размышлениями гуманистического характера Иван Абрамович делился с читателями, рекомендовав систему развивающих игр, или так называемые «шесть даров Фребеля». Кстати, они не утратили своей актуальности и сегодня.

Обратимся к эссе 1885 года «Семья как главный воспитатель будущего человека». Оно сочетало суждения известных в конце XIX века педагогов, как российских, так и европейских, с личным опытом отца многодетной семьи. Отметив широко распространенное в семьях убеждение-заблуждение, что учить и воспитывать должна школа, автор подчеркнул: «“Учить” и “воспитывать” — это две большие разницы». Воспитание должно начинаться с

раннего детства и не быть сухим морализированием. Воспитывать лучше на живых примерах, причем таких, в которых ребенок даже не замечал бы их воспитательного значения. В реализации такого принципа воспитания «только семья может сослужить незаменимую услугу», так как именно обстановка в семье «живо отражается на маленьком существе». В семье, где отец рассказывает детям о своем любимом деле, а мать добросовестно выполняет домашние обязанности, «ребенок начинает смотреть на труд как на нормальное условие жизни. В семье же богатых родителей, где ребенок видит праздность среди окружающих себя, где труд является чем-то отвлеченным в его воображении, он становится маленьким Обломовым». Иными словами, не провозглашением официальных норм морали, а исключительно собственным нравственным примером родители могут постепенно сформировать у детей понимание «допустимого» или нормального, «недопустимого», «должного» и т. д., которыми они будут руководствоваться в своей жизни.

Просветитель поставил перед семьей и задачу развивать чувство долга у ребенка еще до поступления его в школу. Благодаря этому легче окажется для него переход к ежедневному выполнению обязательных школьных заданий. Для воспитания чувства долга домашние занятия ребенка до школы «должны быть более серьезны, чем это принято; даже необходима некоторая дисциплина, чтобы ребенок, занимаясь, мог действительно привыкнуть к тому, что выполнение данной работы есть его обязанность, его долг». Заканчивалось эссе напоминанием родителям, что их роль воспитателей не завершается с поступлением детей в школу: «родители должны следить за приготовлением уроков <...> и поддерживать в ребенке сознание, что он должен выполнять возложенные на него обязанности» [22]. Завершая сюжет, еще раз напомню, что размышления Ивана Абрамовича над вечными проблемами воспитания подрастающего поколения, его обращение к опыту педагогов-классиков, каковым по праву может быть назван Ф. Фребель, придает просветительским текстам почти полуторавековой давности по существу актуальное звучание.

Редакция «Донской пчелы» проявляла живой интерес к развитию системы образования. Объектом пристального и постоянного внимания были начальные школы, предназначенные для обучения детей крестьянства и

мещан. На страницах газеты сохранились сведения о состоянии начальных школ различного типа. Например, в номере от 17 декабря 1878 года можно было прочитать обстоятельный рассказ об обучении детей-сирот в ростовской талмуд-торе, содержавшейся за счет еврейской общины города. Статья заняла подвал первой страницы, где обычно располагался фельетон. В хронике того же номера опубликованы были отчеты о состоянии чалтырского церковно-приходского училища и ростовской женской гимназии. Одновременная публикация двух-трех материалов о разных образовательных учреждениях — местных, губернских, краевых — характерно для множества номеров «Донской пчелы». Особое внимание редакция и ее корреспонденты обращали на городские и земские народные училища, работавшие на основе школьных уставов 1864 года. Они находились в ведении министерства народного просвещения. Именно этот тип школы, ориентированный на развитие учащихся в течение 1–2 лет обучения, подвергался нападкам со стороны консервативных столичных публицистов. Издававшаяся просветителем провинциальная газета не могла не выступить в защиту земских и городских народных училищ и их учителей.

В 1881–1882 годах «Донская пчела» вступила в полемику по этому вопросу с газетой «Русь», которую издавал И. С. Аксаков. Показательно, что публицисту «Руси» г. Рачинскому, а затем и самому И. Аксакову, выступившему против публикаций «Донской пчелы» о старой и новой школах, в ростовской газете отвечал человек, подписавший свои опусы «Ив. Р-ко». Отвечал он вполне предметно и со знанием школьного дела. Сокращение фамилии автора легко расшифровать, если вспомнить, что в 1882–1885 годах И. А. Тер-Абрамиан издал два учебно-методических пособия для народных училищ. Автором их был учитель одного из городских училищ в Затемерницком поселении Иван Романченко (см. подробнее об этом параграф 2.4). Человеку, способному создавать учебно-методические пособия для учителей начальных школ, вполне можно было дать слово в защиту земской народной школы на страницах газеты.

Иван Романченко опубликовал две объемных полемических статьи с критикой взглядов публициста «Руси» Рачинского, защищавшего старую до-реформенную сельскую школу. Во второй из них, напечатанной в двух номерах «Донской пчелы» в 1882 году, он ответил и на уничижительные оценки

И. Аксаковым народных учителей земских школ [23]. Замечу кстати, резкие оценки редактора «Руси» появились после публикации начала статьи Романченко «Прошедшее и настоящее народной школы». Это к вопросу о распространенном в краеведческой литературе мнении, что газета И. А. Тер-Абрамиана была сугубо местной, провинциальной и никакого серьезного влияния не имела и иметь не могла. Но, оказывается, издатель «Руси» у себя в Москве следил за тем, что публикует в Ростове-на-Дону редактор-армянин в газете, не имевшей влияния и достойной лишь насмешки. И отреагировал то стремительно: между выходом в свет начала статьи Романченко и ее окончания прошла всего неделя, в течение которой Аксаков успел опубликовать свои «резкости», а ростовский автор подготовить ему ответ во второй части статьи. Уместно здесь же вспомнить, что в декабре 1881 года фельетонист «Донской пчелы» Небессмертный (И. Алексанов) уже начал полемику с «Русью» и ее редактором о провинциальной печати, условиях ее работы и общественном звучании, и полемика эта еще не была закончена. Таким образом, реакция одного из лидеров пореформенного славянофильства на публикации в ростовской газете представляется закономерной.

Возвращаясь к содержательной стороне выступления ростовского учителя в защиту народной школы, созданной реформами 1860-х годов, замечу, что суть нападок «Руси» на нее состояла в том, что принципы организации в ней учебного процесса были заимствованы из немецкой школы, да к тому же в начале 1880-х обнаружилось преобладание в земской школе учителей со светским образованием. Нападая на земскую школу, «Русь» противопоставляла ей дореформенную сельскую школу. Школа, созданная в волостях проживания казенного крестьянства на рубеже 1830–1840-х годов, была ее типичным представителем. Она находилась в ведении министерства государственных имуществ, а наставниками назначались приходские священники, которые исполняли свою роль лишь формально. Обучали же детей полуграмотные отставные солдаты и чиновники, «спившиеся с кругу», по образной характеристике ростовского народного учителя. С реформой школьного образования эти школы были переданы в ведение министерства просвещения и преобразованы в соответствии с новыми школьными уставами. Публицист «Руси» считал эту старую школу более соответствовавшей аскетическим устремлениям русского крестьянства, якобы, более думавшем о спасении души, чем о мирской жизни и труде. Отвечая ему, Романченко дал

образную характеристику старой сельской школы, полную саркастических замечаний об уровне знаний ее учителей и «методике» обучения детей, а также и об итогах подобного образования. Упомянутые выше «резкости» И. Аксакова, скорее всего, и были реакцией на это нелюбезное описание старой сельской школы.

Есть основания полагать, что сам И. Романченко был знаком, благодаря своему крестьянскому детству, о котором он упомянул в первой из статей, как со «старой», так и с «новой» сельской школой. Он отчетливо определил, что было заимствовано из опыта школьного дела в Германии: распределение классовых занятий, распределение учеников на группы для более удобного ведения занятий, образцы для [написания] учебников, наглядное обучение, объяснительное чтение, практическое изучение арифметики, требования современной педагогики, — иными словами то, что подходило для организаторов новой школы. Не был заимствован ни многолетний курс начальной немецкой школы, ни практика телесных наказаний. Романченко считал, что земство, организовав такую школу, уже сделало весьма полезное дело, хотя крестьяне отнеслись к ней недоверчиво, как к очередной «барской прихоти». Они наблюдали, как вместо псалтыря их дети читают сказки, обучаясь по ним грамоте, а учитель их не бьет и даже «не лает». «А когда увидели, что их ребята за два месяца выучились читать “всякую книгу” и “писанное” (эта мудрость давалась при старой учебе года в три), — писал Романченко в номере от 21 февраля 1882 года, — то недоверие и насмешки перешли в уважение, <...> выразившееся в материальной поддержке школы».

Вот этих самых учителей, которые детей не бьют и даже на них «не лают», Рачинский и называл «мальчишками, исключенными из средних учебных заведений за неспособность усвоения правил элементарной орфографии», вменяя им в вину еще и чтение газет, и симпатию к «передовым идеям», а Аксаков считал «невеждами» и «недоучками». Речь шла о тех из них, которые, закончив уездные или духовные училища или 3–4 класса гимназии, сдавали квалификационный экзамен для получения звания народного учителя. В начале 1880-х годов это была численно преобладавшая группа учителей в сельской земской школе. Романченко соглашался, что «ученость этих людей не ахти какова», но они молоды, здоровы и способны к саморазвитию. Более того, по уровню своего образования они не могли надеяться на

какой-либо карьерный рост вне системы начального образования. Поэтому учитель этой группы, принимался «за пополнение своих скудных знаний, <...> и — глядишь — через год-два уже с ним куда как нелегко тягаться, и в знании школьного дела вообще и методов преподавания в частности, окончившему курс духовной семинарии», — отметил И. Романченко в статье «Школа, учитель и народ», опубликованной «Донской пчелой» 22 октября 1881 года.

«Русь» же отдавала предпочтение именно выпускникам духовных семинарий как народным учителям в сельской школе. Уровнем общего образования и знанием элементарной педагогики изначально они превосходили тех, кто получил звание учителя, сдав квалификационный экзамен. Но, замечал Романченко, в качестве народных учителей они работали временно, ожидая получения «священства» и прихода. Выпускники духовных семинарий в это время не сразу рукополагались в сан, а должны были в течение трех лет проработать либо народными учителями, либо псаломщиками в церквях. Большинство предпочитало провести эти годы в сельских школах. Вспоминая свой опыт, Иван Романченко в названной выше статье писал: «Приходилось мне видеть этих минутных педагогов и <...> я вынес о них впечатление как о людях, не радеющих о школе, и школа ничего бы не потеряла, если бы они вместо учительства поступали бы в псаломщики. Да и они бы в этой должности лучше бы подучились церковному уставу, который для большинства из них составляет камень преткновения». Отметив, что «мало ученые народные учителя выполняли и выполняют свое дело тихо, без шума, но добросовестно», в связи с чем заслуживают благодарности, а не порицаний, Романченко считал, что следует найти средства для подготовки образованных педагогов в новых специальных учебных заведениях, способствовать самообразованию уже работавших учителей, повысить жалованье, обеспечить пенсией по завершении труда и т. п. Именно в этом заключалась бы реальная помощь развитию школы, «а не в рассуждениях, какова-де наша школа, с русским или с немецким духом».

Уместен небольшой комментарий в связи с критикой учителем городского училища Ростова публикации аксаковской «Руси». В ходе работы над материалами по теме удивлялась тому, как этот человек оказался способен не только внятно оппонировать славянофильским публицистам, но и

написать методическое пособие для учителей «Конспект занятий по “Родному слову” К. Д. Ушинского» для второго года обучения, и «Новую книгу для первоначального чтения в народных училищах». Последняя была допущена в качестве учебного пособия в народных училищах определением особого отдела Ученого комитета министерства народного просвещения и с этим грифом издана И. А. Тер-Абрамианом. Как оказался возможен такой уровень учебно-методической подготовки учителя в провинциальном Ростове, который, если чем и был известен в то время современникам, то исключительно обширной торговлей да духом наживы?

Информацию, прояснившую мои сомнения, нашла на страницах самой же «Донской пчелы». Осенью 1882 года в газете был опубликован очерк о начальных училищах Ростова с любопытными фактами из истории их становления, с характеристикой роли училищного комитета Ростовского уезда и городского головы Ростова А. К. Кривошеина в формировании состава учителей. Неизвестный автор очерка констатировал, что на начало 1880-х годов стаж работы городских народных учителей был довольно солиден — от 7 до 13 лет, причем даже лица с законченным средним образованием сразу же на должность учителя не принимались, обязательно несколько лет следовало поработать помощником учителя. Он описал, как произошел качественный отбор учительского состава для народных училищ Ростова. В 1875 году Одесским учебным округом при активном участии земства Ростовского уезда были организованы в Ростове педагогические курсы, в которых участвовали лучшие учителя народных училищ. Очевидно, речь шла о лучших учителях Одесского учебного округа — организатора курсов. Ситуация позволила уездной училищной комиссии, возглавлявшейся А. Кривошеиным, отобрать лучшие учительские кадры «из бывших на съезде». Но этим заботы городского головы об учителях не ограничились. Лучших надо было закрепить в городских начальных школах: жалованье учителям установили 500 руб. в год, не считая бесплатной квартиры с отоплением, водой и освещением; помощники учителей получали на 100 руб. меньше и квартиру оплачивали сами.

Но этим дело не ограничилось. По личной договоренности А. К. Кривошеина с попечителем Одесского учебного округа с 1875 года в Ростове стали регулярными методические конференции учителей начальных училищ.

Проводились они дважды в месяц в течение почти 7 лет и вопреки позиции уездного инспектора народных училищ. Руководил методическим обучением член уездного училищного комитета В. С. Панченко, пользовавшийся поддержкой председателя комитета — уездного предводителя дворянства. Учитывая это, можно предположить, что конференции не ограничивались лишь узким кругом ростовских учителей (23 человека в 1882 году), а привлекали, в большей или меньшей степени, учителей из уезда. Конференции собирались «для обсуждений применяемых методов и приемов преподавания, в частности, и ведения школьного дела вообще» [24]. В таком историческом контексте появление методически подготовленных народных учителей, как Иван Романченко, уже не может удивлять.

Из многих газетных статей и заметок о состоянии и проблемах средней школы остановлюсь на обсуждении в «Донской пчеле» содержательных и организационных проблем среднего образования в 1870–1880-х годах. Передовые статьи и хронику, где констатировалась нехватка средних учебных заведений как в Ростове, так и в Нахичеване, или порицалось городское самоуправление, которое не заботится об увеличении числа средних учебных заведений, охарактеризую в целом, отметив самое значимое. Материалы по этим вопросам составляли примерно половину, если не больше, публикаций о средней школе. Резюмирующее суждение-оценка образовательной политики ростовской городской думы в «Донской пчеле» обращает на себя внимание прежде прочих. Относилось оно к ситуации 1882 года. «Вся наша деятельность по доставлению “народу” возможности просвещаться стремилась и стремится исключительно к достижению внешней, блестящей стороны дела. Быть может, это несколько и резко в отношении лиц, пекущихся о благоденствии городского населения, но мы не можем иначе назвать эту деятельность. Мы не можем отыскать другого названия образцовому хладнокровию, которое несколько не возмущается даже такими печальными фактами как отказ детям в принятии их в стены училища» [25]. Напомню, что в это время в Ростове из средних учебных заведений были Петровское реальное училище и женская гимназия. Мужская прогимназия получила статус гимназии и стала развиваться как классическая средняя школа только с сентября 1883 года. В Нахичеване в 1880 году Армянское духовное училище было преобразовано в духовную семинарию со статусом среднего учебного заведения. Гогоевское училище для армянских девиц открыли в 1882 году,

однако особенности состава его учениц, обусловленные учредителями, а также первоначальные учебный план и программы обучения не позволяли отнести его к типичной женской гимназии [26].

Судя по публикациям, у редактора «Донской пчелы», как и у его корреспондентов из числа преподавателей, существовала, мягко говоря, настороженность в отношении образовательной политики министров народного просвещения Д. А. Толстого (1866–1880) и И. Д. Делянова (1882–1897). Первый способствовал изменению учебных планов гимназий в пользу изучения в них мертвых классических языков (латынь и греческий), что призвано было уменьшить число желающих поступать в них. Реальные училища уставом 1872 года преобразовали «таким образом, чтобы всем стала ясна их неуместность», а «реалисты сразу оказались “пасынками” министерства народного просвещения». Отметив следствия устава 1872 года, «Донская пчела» констатировала, что названные меры еще более восстановили общественное мнение против политики гр. Д. Толстого. После отставки последнего его преемники на посту главы МНП не торопились улучшить положение «пасынков» среднего образования. Дело дошло до того, что даже публицисты столичной консервативной газеты «Новое время» начали предлагать проекты реформирования реальных училищ [27].

Позиция редакции «Донской пчелы» по вопросу о том, как следует изменить положение учащихся и выпускников реальных училищ, изложена в ряде публикаций. Средняя школа, как классическая, так и реальные училища, давали своим выпускникам определенную сумму знаний, а получить им какую-либо специальность можно было, лишь закончив высшее учебное заведение. Это обстоятельство не раз подчеркивалось на страницах газеты. Но выпускники гимназий, получив аттестат зрелости, знали, что могут поступить без экзаменов на любой факультет в университете их учебного округа. Выпускники реальных училищ подобной возможности не имели. Хроникер газеты, описывая торжественный акт выпуска в Петровском реальном училище, вопрошал, знают ли выпускники, что их ждет при поступлении в вуз: «Знают ли, что вакансий бывает мало, а желающих всегда много; знают ли, что в таких случаях они еще должны выдержать конкурсный или состязательный экзамен?». Резюмируя сюжет, автор заметки предлагал самую простую меру, своего рода минимум, чтобы уравнивать

гимназистов и реалистов в правах на продолжение образования: сделать так, чтобы выпускники реальных училищ могли поступать без экзаменов в специальные высшие учебные заведения, подобно тому, как выпускники гимназий поступали в университеты [28]. Но это предложение было гласом вопиющего в пустыне. Спустя два года фельетонист «Донской пчелы», отметив, что средние школы не дают своим питомцам возможности «вступить в жизнь с известной профессией», особо подчеркнул, что выпускники гимназий могут не поступить в университет для продолжения образования по каким-то личным обстоятельствам, но реалистам статусно «прегражден доступ почти во все высшие учебные заведения» [29].

Впрочем, не оправдались и надежды учебного ведомства на то, что увеличение часов изучения латыни и греческого уменьшит число желающих учиться в классической гимназии. Прощения на прием в гимназии превышали количество мест в них. Так, в 1883 году в одной из передовых «Донской пчелы» сообщалось: желавших поступить в единственную в Ростове женскую гимназию было в 1882 году впятеро больше, чем вакантных мест. Летом 1884 года упомянут был дефицит мест и в городской мужской гимназии: в августе 1883 года было подано 161 прошение о приеме, а «принято в гимназию только 65 человек, остальным же 96 <...> было отказано “по недостатку места”» [30]. Этот недостаток мест, кажется, особенно возмущал редактора газеты. В октябре 1882 года, вспоминая отношение к среднему образованию в эпоху Александра II, он писал: «Раздвиньте стены», — сказал один их государственных деятелей минувшего царствования, когда ему заявили о «полном комплекте» и о невозможности принять более воспитанников в учебные заведения, — «и дайте свободный доступ каждому» [31].

Воспоминание это оказалось не ко времени. Весной 1882 года министром народного просвещения был назначен И. Д. Делянов, второй из упомянутых выше чиновников. Самым памятным его вкладом в образовательную политику империи стал циркуляр 18 июня 1887 года, получивший в прессе и общественном сознании печально известное название: «О кухаркиных детях». В «Донской пчеле» он был представлен весьма оригинально. Опубликовав петитом его полный текст, И. А. Тер-Абрамиан в своем комментарии перед циркуляром писал, что документ этот лишь на первый взгляд представляется ограничением для юношества в доступе к среднему

образованию, поскольку вводимые им новые условия приема сопровождаются заявлением о реформе профессионального образования; директора, отказав в приеме в гимназию, обязаны были указать родителям те школы, которые «по продолжительности курса и другим условиям более соответствовали бы потребностям их детей». Далее следовал полный текст циркуляра и анкета, которую обязаны были заполнять родители, подавая прошение о приеме сына в гимназию. Текст документа красноречиво и без особых иносказаний противоречил предварявшему его комментарию. В этом мог убедиться каждый, не поленившийся прочитать 4 столбца петита. Анкета для родителей включала в себя сведения не только о социальном статусе и роде их занятий, но и о доходах, жилищных условиях, количестве домашней прислуги, а также доскональные сведения о каждом из членов семьи и проживавших с ней лиц, не бывших родственниками, и т. д. Иными словами, руководству гимназий следовало собрать обстоятельное досье на семью каждого из подавших прошения, да еще и проверить эти сведения, прежде чем принять мальчика в гимназию или же отказать. Циркуляр ориентировал руководство гимназий на закрытие параллельных классов, если число учеников снизится в связи с введением новых правил приема, и даже на ходатайства о «преобразовании заведений согласно потребностям местной жизни».

В комментариях после текста циркуляра редактор отметил, что полномочия, которые предоставлены директорам гимназий, «слишком широки» — они получили право не только отказывать в приеме, но и исключать из гимназий тех учеников, «домашняя обстановка которых окажется не соответствующей педагогическим требованиям и желаниям». Это ставит гимназии и их руководство «в новое весьма щекотливое положение перед местным обществом» и способно причинить «учебному ведомству нежелательные и прискорбные затруднения». Здесь же помещена оценка циркуляра самим редактором-издателем. Ему он представлялся мерой преждевременной, так как «реформа профессионального и элементарного образования еще не получила практического применения». Если же она не последует в ближайшем будущем, то «ограничение приема учеников в гимназии по мотивам нравственно-социальным явится не чем иным, как ограничением» [32]. В условиях административной цензуры, проявив понятную осторожность в оценках, редактор «Донской пчелы» позволил читателям самим составить мнение о документе. Сам же просветитель отметил противоречивость

воздействия новых условий приема в гимназии на систему образования в целом, а его положительные суждения о циркуляре министерства народного просвещения носили условный характер.

Условно положительная оценка циркуляра «О кухаркиных детях» стала весьма быстро размываться в последовавших публикациях газеты. Весной 1888 года фельетонист газеты, писавший под псевдонимом Фон-Флиш, отметил, что «циркуляр, в силу которого “классическое образование не может быть уделом каждого”, породил на первых порах его применения к жизни массу недоразумений между родителями и воспитателями» [33]. Это были те самые «нежелательные и прискорбные затруднения», появления которых опасался редактор «Донской пчелы», комментируя текст циркуляра. Спустя несколько месяцев в передовой по поводу упразднения приготовительных классов в гимназиях отмечена была оппозиция ряда земств и городских дум этому ведомственному решению. Сначала они ходатайствовали перед министерством народного просвещения о сохранении приготовительных классов, затем, получив отказ, обратились в Государственный совет. Последний Высочайше утвержденным мнением частично удовлетворил требования местных самоуправлений: приготовительные классы на содержании казны сохранялись в гимназиях тех районов, где основным языком населения был не русский язык. В остальных местностях приготовительные классы выводились из структуры гимназий и могли существовать при финансовой поддержке земств или городов. Однако выпускники их уже не переходили автоматически в первый класс гимназии, а должны были сдавать вступительный экзамен, соревнуясь с теми, кто поступал в гимназию на основе индивидуальной подготовки. Оценив введение такого экзамена как меру несвоевременную для мальчиков 10–11 лет, которые психологически не готовы к «нравственным волнениям», с ним связанным, автор передовой подчеркнул, что изменение статуса приготовительных классов было лишь одной из мер, последовавших после циркуляра 18 июня 1887 года. И все они направлены на то, чтобы «преградить доступ в средние учебные заведения лицам бедного сословия, предоставив его только тем избранникам, материальные условия которых дают к тому полную возможность» [34]. Это уже вполне определенная оценка действий учебного ведомства в отношении среднего классического образования как политики ограничительной по социальному признаку.

На появление такой оценки курса образовательной политики повлияло и затягивание министерством народного просвещения обещанной реформы профессионального образования. В марте 1888 года были обнародованы лишь принципы, на которых следовало разработать закон о создании промышленных училищ, предназначенных для получения среднего и низшего технического образования. Первые должны были готовить техников, вторые — мастеров для промышленных предприятий. Проект получил одобрение императора, но предстояла длительная процедура разработки этого вопроса комиссией из представителей четырех министерств. Она должна была разработать устав училищ, определить их штаты, а также города, с которых предполагалось их открыть, и специализацию каждого из заведений. [35]. Подобные межведомственные комиссии, как правило, работали неспешно, поэтому надежды на скорое разрешение вопроса оказывались призрачными. Между тем ростовская дума по инициативе городского головы А. М. Байкова в начале 1888 года разработала проект устава женской профессиональной школы в Ростове-на-Дону. По замыслу городского головы, она должна была предоставить девушкам из необеспеченных семей возможность и средства, не выходя из своего круга, честным трудом приобрести кусок хлеба, который обеспечит им трудовое существование. Прочитывая фрагмент речи Байкова в городской думе, И. А. Тер-Абрамиан в двух номерах газеты опубликовал проект устава этой школы. В нем предполагалось обучать девушек в течение трех лет по специальностям портних, белошвеек, кухарок и прачек [36].

Однако обнародование позиции министерства народного просвещения в вопросе об открытии промышленных училищ показало, что ведомство сосредоточено на разработке профессионального образования для мужчин. Вопрос о женском профобразовании министерством пока и не ставился. Редактор «Донской пчелы», по опыту зная, сколь чутко ростовские муниципалы во главе с Байковым соотносят свои действия со столичной ведомственной конъюнктурой, попытался воздействовать на них публикациями о необходимости профессионального образования для девушек. В передовой номера от 22 мая 1888 года он весьма пространно изложил опыт создания женских профессиональных школ во Франции. В конце июня одна из передовых газеты была посвящена проблемам женского труда вне семейной сферы. В ней отмечалось, что положение русской женщины, не просто грамотной, но даже и образованной, незавидно из-за слишком узкой сферы

применения их труда. А тем временем условия жизни быстро меняются, «экономическое положение ухудшается, браки становятся уделом лишь имущих девушек, а сфера женского труда не только не расширяется, но даже встречает сильное и внушительное противодействие». Отметив публикацию «Высочайшего повеления» о разрешении женщинам работать фармацевтами как небольшой положительный сдвиг, автор передовой писал: «Женская профессиональная школа, туго прививаясь на практике, служит покуда вопросом будущего; привлечение женщин к фармацевтическим занятиям лишь в одной тысячной доле дает доступ труду значительного контингента женщин» [37].

Но редактор «Донской пчелы» не был услышан теми, к кому он обращался. Передовая номера от 15 декабря 1888 констатировала, что вопрос о ростовской женской профессиональной школе остается нерешенным: проект устава думой был принят, возможно, даже направлен в министерство на утверждение; но о судьбе его нет никакой информации, нет и подготовительных работ к открытию этой школы. Редактор считал, что замедление дела наносит сильный ущерб тем девушкам, которые «в силу обстоятельств принуждены отдаться профессиональному образованию. <...> В той семье, где средства к жизни добываются трудом, не оставят без упрека бездействующего члена. Это делается уже так, в силу привычки и, конечно, козлом отпущения является, по большей части, девушка» [38]. Вновь и вновь напоминая о необходимости профессионального образования для женщин из малообеспеченных семей, Иван Абрамович, возможно, вспоминал и свои, наверняка сложные, сиротское детство и отрочество, и раннее начало работы в типографии, и значимость профессиональных навыков типографа, которые приобрел он своим неустанным трудом. К сожалению, невозможность последовательного чтения номеров «Донской пчелы» за 1889–1893 годы из-за отсутствия их электронных копий в РНБ и других библиотеках, не позволила выяснить дальнейшее развитие сюжета о профессиональном образовании на страницах газеты.

Кратко обобщая, замечу, что редактор-просветитель разделял принципы воспитания педагогов-гуманистов своего времени и пропагандировал их на страницах «Донской пчелы». И. А. Тер-Абрамиан, его сотрудники и корреспонденты по мере возможностей защищали также школы разного уровня,

созданные в период реформ начала 1860-х, и право всех слоев населения России получать как общее, так и профессиональное образование. Адекватно были оценены и циркуляр министерства народного просвещения 1887 года, и последовавшие за ним ведомственные решения.

3.3. Театральная и литературно-художественная критика «Донской пчелы»

Художественно-критические статьи и заметки занимали немало места на страницах газеты, что объяснялось просветительскими задачами ее издателя и редактора. Эти задачи разделялись, судя по публикациям, и сотрудниками «Донской пчелы», и ее читателями-корреспондентами. В одной из программных передовых И. А. Тер-Абрамиан охарактеризовал роль эстетики и изящных искусств в развитии человека, отметив, впрочем, что развить у человека эстетические вкусы и потребности — одна из труднейших задач воспитания. Но ее следует решать, так как любовь к изящным искусствам смягчает грубые нравы, формирует у человека благородные устремления, а «главное — доставляет ему в свободное время то нравственно-воспитательное удовольствие, которое при других условиях заменяется грубыми развлечениями, усваиванием весьма дурных привычек и проч.» [39]. Наиболее доступным видом искусства для всех слоев населения он считал театр как менее сложный для понимания по сравнению с музыкой, живописным искусством, и даже с литературой. В последнем случае необходимо читать текст, причем не всегда простой. Достаточно вспомнить полные философских рассуждений произведения Л. Н. Толстого или многостраничные морально-нравственные терзания героев Ф. М. Достоевского. Постигнуть смысл поэтических строф тоже умел лишь подготовленный читатель. К 1882 году, когда была написана цитируемая передовая, Иван Абрамович отчасти преодолел просветительские иллюзии относительно распространения в провинции популяции читателей и разделил по смыслу термины «население», «развитое общество» и «читающая публика». Читателей в провинции было немного, причем их запросы касались новостной информации, справочных материалов, развлекательной литературы.

Все это обусловило особое внимание редакции «Донской пчелы» к театру. Просветитель подчеркивал, что театр — единственное средство

разумного проведения досуга для ремесленника или рабочего, способное вызвать его на размышления, и с сожалением замечал, что посещение спектаклей «возможно для простолюдина лишь в редких случаях» [40]. Таким образом, для самого Ивана Абрамовича, для театральных рецензентов «Донской пчелы», начиная от «Ростовского» и «Норд-веста», псевдонимы которых остались нераскрытыми, включая И. Алексанова, со всем обилием его псевдонимов как театрального критика, С. Кегульского, С. Каневского, Г. Чалхушьяна, М. Городецкого и многих читателей-зрителей, делившихся впечатлениями, театр — это школа жизни, которая призвана пробуждать мысль и благородные чувства у собравшихся в зале. Театральные рецензии преобладали среди прочей художественной критики на страницах «Донской пчелы». В 1878 году театральный рецензент газеты отмечал резкое сокращение театральной критики в российской периодике по сравнению с 1840–1850-ми годами: «В ежедневных газетах, если по временам и встречается театральная хроника, то все содержание ее обыкновенно исчерпывается перечнем участвовавших в пьесе лиц». Он связывал это со стремлением частных антрепренеров потакать, преследуя собственную прибыль, «неразвитым инстинктам масс вместо того, чтобы стремиться к развитию вкуса у зрителей» [41]. Если заявления Норд-веста о состоянии театральной критики в провинциальных газетах адекватно отражали ситуацию, то следует отметить еще одно значимое отличие «Донской пчелы» от аналогичных изданий: театральные рецензии, порой с резкой критикой трупп, выступавших в Ростове, занимали в газете обычно два подвала (при ее-то четырех страницах!). Во второй половине 1870-х они публиковались примерно раз в две недели, а в 1880-х — еженедельно, а то и в каждом газетном номере во время осенне-зимнего театрального сезона. Это не считая писем-впечатлений о спектаклях, хроникальных заметок об игре актеров-профессионалов и любителей, а также ответов актеров или антрепренеров на газетную критику.

Смысл театральной критики рецензент «Донской пчелы», обозначивший себя инициалами И. А., видел в том, чтобы отделить на сцене истинно художественное («эстетическое») от «фальшивого его подобия» и, выявив последнее, способствовать вытеснению «псевдо-эстетического» из театра. Сравнив роль критики с сатирой, считая ее таким же «жестоким орудием», он, тем не менее, отмечал правомерность ее в театральных рецензиях. Критика служит искусству, «порицая вполне бездарных и не имеющих к сцене

призвания актеров», побуждает их сменить сферу деятельности. Обнаружив определенное знакомство с нравами актерской среды, он писал: «Я верю, что нелегко слышать, тем более читать плохой о себе отзыв, но что же делать, если это правда? Даже актеры не решаются высказывать своих мнений относительно игры своего сослуживца, зная наперед, что ему не поверят. Оттого-то мало кто из них отзовется о другом товарище с плохой стороны, чем в сущности много вредят искусству» [42]. Театральные рецензенты «Донской пчелы», работавшие в газете в разное время, разделяли такую трактовку смысла и роли критики. Показательно, что в статье 1886 года на ту же тему секретарь редакции С. Б. Каневский дословно процитировал фрагмент о роли сценической критики из давней публикации «И. А.», нимало не смутившись плагиатом и несколько развив лишь оценку роли театральных рецензий в деле воспитания зрительских вкусов театральной публики [43]. Нелицеприятные рецензии вызывали раздражение у антрепренеров трупп и актерского состава. На страницах «Донской пчелы» можно найти и эмоциональные ответы антрепренеров далеко не лучших трупп, игравших в Ростове в 1877–1881 годах, и письмо И. Алексанова об угрозах кулачной расправы с ним со стороны актеров труппы Мельникова [44]. Столичный театральный рецензент С. Кегульский, работавший в редакции ростовской газеты в 1885–1886 годах, из-за острой критики спектаклей труппы Ковровой-Бельской открыто конфликтовал с ней на страницах газеты, а от суфлера одной из трупп, гастролировавших в Ростове, получил за свои оценки спектаклей не только оскорбления словесные, но и «оскорбление действием», в связи с чем дело рассматривалось в мировом суде (подробнее об этом см. параграф 2.2).

Не останавливаясь на рецензиях отдельных спектаклей того или иного театрального сезона, отмечу еще две публикации, в которых осмыслились, причем достаточно адекватно, причины относительно низкого уровня провинциального театра последней трети XIX века. Так уж получилось, что авторы, опубликовав свои тексты в разное время, охарактеризовали обе стороны театрального действия, в котором участвуют и актеры на сцене, и публика в зале. И. Алексанов в 1884 году описал удивившее его равнодушие ростовской публики к гастролям товарищества драматических артистов под руководством Форкатти. Рецензент отметил, что «все артисты этой корпорации — заслуженные и давно уже признанные таланты», а основной костяк

труппы составляли актеры столичных императорских театров. Имена их были известны и в провинции, поэтому хотя бы часть ростовской публики знала, что гастролирует «драматическая труппа с таким подбором сил, какого еще Ростов не видал, да и едва ли когда-нибудь увидит». Тем не менее артисты «вопияли в пустом зале о человеческих пороках и, не говоря уже о гонораре, не покрыли даже вечеровых расходов». Серьезные драматические спектакли не вызвали зрительского энтузиазма ростовцев. В этом контексте рецензент «Донской пчелы» вспомнил о наплыве публики на «пустые оперетки» в минувшем зимнем сезоне и отметил, что, игнорируя столичных артистов с их содержательным репертуаром, ростовцы усердно посещают цирк: «Мы видим, таким образом, что наездницы, клоуны и ученые свиньи предпочитают <...> нашим столичным гостям». В итоге после двух спектаклей, сыгранных для горстки зрителей, кстати, восторженно их принимавших, труппа приняла решение сократить свои выступления в городе. Рецензент процитировал заявление об этом, сделанное Форкатти со сцены: «Такое решение принято обществом артистов потому, что оно сознает свой промах, выразившийся в посещении Ростова. Общество поняло, что для “паштенной” ростовской публики нужно не высокое истинное драматическое искусство, а балаганщина, что она ищет не талантливых драматических исполнителей, а гаеров и ученых свиней. <...> Не желая конкурировать с гаерами и учеными свиньями, а тем паче брать на себя роль воспитателя публики, ибо сия роль могла бы оставить членов общества в одних сорочках и без куска хлеба, общество, извиняясь пред немногими местными поклонниками действительного театра, приняв вышеприведенное решение, ретируется». Резюмируя, Алексанов писал о существенном влиянии зрительских запросов на актерский состав и его сценическую работу: «Попавший на столичные подмостки, талант развивается, шлифуется; оставшийся в провинции — портится, грубеет, теряет изящность, потухает. Это, конечно, зависит от учителя: развитой, опытный учитель дает ученику хорошие уроки и воспитывает его на строгих началах, плохой — <...> и нравственно, и умственно искалечивает ученика. Учитель этот — публика» [45].

Вторая публикация (1888 года) принадлежала перу М. Б. Городецкого, регулярное сотрудничество которого с «Донской пчелой» началось в 1887 году и продолжалось, возможно, до завершения издания газеты. Подвизался в это время будущий «король ростовских репортеров», а позднее

столичный газетный магнат, в роли рецензента театральных спектаклей. В отличие от Алексанова, он абстрагировался от характеристики запросов, которые предъявлял театру провинциальный зритель конца XIX века. Фельетон «Сцена и ее служители» оказался своеобразным социокультурным портретом провинциальной актерской среды. Заявив, что заманчивый блеск театральной сцены привлекает множество молодых людей к поступлению в театральные труппы, автор отметил, что, как правило, они пополняются разными неудачниками жизни. Последние обычно не задумываются над тем, чему служит театральная сцена и какими качествами нужно обладать, «чтобы со сцены, как с кафедры или алтаря, проповедовать миру правду». Портрет этого сообщества представлен Городецким живописно — перо у него, действительно, было бойкое: «Гимназист, живущий в несогласии с “успехами”, “вниманием”, “прилежанием” и “поведением”, идет на сцену; студент, разочаровавшийся в науке, идет на сцену; жена разошлась с мужем, бросила семью и идет утолять свое горе на сцену; тятенькин сынок, позволивший себе путешествие в тятенькину “кассу” и выгнанный из дома родителя, тоже лезет на сцену». Для одних из них сцена является якорем спасения от холода и голода, для других — пустой забавой. Лишь незначительное число артистов понимает «значение сцены и ту великую роль, которую она играет в деле умственного развития человечества». Сборище людей разных сословий, положений и возрастов, которые случайно формируются в труппы и снова расстаются, не могло иметь общих интересов: «там полное разногласие, там нет единомыслия. <...> Успех одного — острый нож для другого, слава товарища злит и бесит актера. Редко можно встретить в театральном мире солидарность». Чаще всего актеры провинциальных трупп трудятся «ради куска насущного хлеба» и мало помышляют о служении искусству. У провинциального актера не бывает времени для работы над ролью — «сегодня он терзает Лира, завтра Чацкого и т. д., и все это сразу, а иногда даже прямо под суфлера»; нет у него уверенности в том, «будет ли завтра что поесть, не убежит ли антрепренер и т. д.»; нет и никакой профессиональной подготовки. Режиссеры провинциальных трупп, тоже провинциальные актеры, — «те же профаны театрального дела». Они лишь распределяют роли в спектаклях, руководствуясь не сценическими заслугами того или иного актера, а личным отношением к ним, и, как правило, мало способны исправить актерские ошибки, объяснить характер роли или сцены и проч.

По М. Городецкому, условия, в которых живут и играют провинциальные труппы, и приводят к падению интереса публики к театру. Публика уходит из театра, «не находя в нем того, что он должен представлять» [46].

На мой взгляд, вопрос о влиянии публики на актеров и сценическое искусство, поднятый И. Алексановым в размышлениях о театре, позволяет говорить о том, что взаимодействие сцена — зрительный зал он понимал точнее и глубже прочих театральных рецензентов «Донской пчелы», за исключением разве что столичного театрального критика С. Кегульского, около года работавшего у Тер-Абрамиана. К сожалению, сотрудничество Алексанова в газете прекратилось в 1884 году, хотя спустя несколько лет своеобразные письма-рецензии «Кресла 2 ряда» на некоторые спектакли время от времени появлялись на ее страницах [47].

Редактор «Донской пчелы» считал сценическое творчество любителей эффективным условием эстетического воздействия на личность и призывал к образованию в Ростове общества или кружка любителей драматического искусства. В уже цитировавшейся передовой 1882 года о роли эстетики и изящных искусств в развитии человека он приводил в пример нахичеванских любителей, образовавших драматическое общество в 1880 году. Отметим он и удивлявшую его особенность ростовских любителей изящных искусств — к моменту написания передовой в Ростове уже седьмой год успешно работало общество любителей музыки. «Ведь учредилось же в Ростове музыкальное общество, хотя музыка и не так близка обществу, как сценическое искусство; да к тому же для образования музыкального общества нужны были люди со специальной подготовкой, знакомые с технической стороной музыки; нашлись же люди. Почему же не отыщутся члены для драматического общества — отрасли, более доступной пониманию и более знакомой публике, чем музыка?» [48]. Вопрос И. А. Тер-Абрамиана оказался риторическим. Любители драматического искусства в городе, конечно же, были, попытки объединиться и ставить спектакли тоже имели место. Это находило отражение на страницах газеты. Однако после одного-двух спектаклей в неприспособленных залах инициатива, как правило, глохла. И такая ситуация сохранялась до конца столетия, когда в Ростове все же оформилось артистическое общество. Газете оставалось отслеживать деятельность нахичеванских любителей драматического искусства, публикуя то рецензию

на спектакль, поставленный нахичеванцами, то отчет о деятельности их общества, то письма кого-либо из нахичеванской публики с оценкой работы этой общественной организации. Таких публикаций относительно немного, но они содержат сведения о составе общества и его уставных задачах, о его руководителях в 1880-х годах. Немногочисленные рецензии на спектакли сообщали сведения о пьесах и об актерах-любителях с оценкой их игры.

Среди последних наибольший интерес, на мой взгляд, представляет рецензия Г. Чалхушьяна на постановку пьесы И. Шпажинского «В забытой усадьбе». Охарактеризовав достоинства и недостатки самой пьесы как типичные для этого известного драматурга эпохи, он заявил: «Сверх всякого ожидания драма Шпажинского на сцене нахичеванского коммерческого клуба сошла весьма удачно и все без исключения исполнители, как любители, были весьма хороши». Особо выделены в рецензии были игра Х. Чахировой в роли одной из героинь пьесы, и две комические роли, в которых отличились И. Чарыхов и Н. Дурбах. Г. Чалхушьян не забыл упомянуть как заметный недостаток постановки крайне неряшливый грим у всех актеров и резюмировал свои впечатления следующим выводом: «Для нахичеванской публики драма Шпажинского осталась непонятной и мы положительно недоумеваем, почему любители остановились на этой драме, исключительно начиненной всякими эффектами... Тем не менее зал клуба был битком набит. Мы рады. Значит, будущность нахичеванского драматического общества обеспечена» [49]. Следует отметить, что спектакли нахичеванских любителей были относительно редким событием в жизни города, что не вполне соответствовало ожиданиям горожан. Один из таких недовольных писал в редакцию газеты, что за четыре года драматическое общество дало всего 20 спектаклей и мало способствовало выполнению задачи распространения эстетического образования среди нахичеванцев, которая ставилась при его основании [50].

Подобное недовольство понять можно. Потребность горожан в работе площадок для организации разумного досуга явно была выше и возможностей культурной инфраструктуры города в середине 1880-х годов, и возможностей любителей подготовить относительно качественные постановки в большем количестве. Итак, актеры-любители устраивали для нахичеванской публики в среднем пять спектаклей в год. Для сравнения приведу статистику концертов ростовских музыкантов-любителей, которые могли на регулярной

основе пользоваться актовым залом Петровского реального училища и для репетиций, и для концертов. И тем не менее в отчете за 9 лет работы председатель общества сообщил, что за это время дано «47 больших концертов, на которых исполнено свыше 500 номеров сочинений различных композиторов» [51]. А в среднем — в год примерно 5 концертов инструменталистов и певцов, в какие-то из прошедших годов — 6. И это при еженедельных двух репетициях инструменталистов и любительского оркестра, и двух спевках любительского хора. Примерно одинаковая частота выступлений на сценических подмостках любителей-актеров и любителей музыки, вероятно, не случайное совпадение.

О деятельности ростовского музыкального общества «Донская пчела» сообщала регулярно, периодически печатались и рецензии на концерты любителей. Сам И. А. Тер-Абрамиан состоял в этом обществе членом-соревнователем и был хорошо осведомлен о состоянии дел [52]. Музыкантом-любителем он, кажется, не был, но несомненна его любовь к музыке. Показательно, что его театральные рецензии были посвящены в основном музыкальным спектаклям — опере и комической опере, как он предпочитал называть то, что прочие критики именовали опереттой. К оперетте был он вполне лоялен, в отличие от многих прочих рецензентов эпохи, отмечая в первую очередь ее музыкальные достоинства. Например, в рецензии на комическую оперу «Рип-Рип», поставленную Н. Н. Синельниковым в свой бенефис (сезон 1886–1887 годов), он писал о музыке Р. Планкета: «В музыкальном отношении “Рип-Рип” очень красив: <...> красивые мелодии, изящная и эффектная инструментовка (например, сцены бури во втором действии), даже интересная гармонизация. <...> Эффектно по музыке появление призраков во второй картине второго действия» [53]. Еще одна цитата, не столь восторженная, о музыке Г. Герве в опере-буфф «Малабарская вдова»: «Музыка оперы, хотя не блестит свежими мотивами, но сносна. Автор “Маленького Фауста” на этот раз ничем особым не отличился. Впрочем, есть несколько удачных мест оригинального характера: таковы хор браминов в 1 действии, прелестный вальс Тата-Лили во 2 действии <...> и заключительные сцены двух последних актов» [54].

Две цитаты из регулярных театральных рецензий, обнаруживающих основательное знакомство автора с репертуаром оперных и опереточных трупп

эпохи, приведены исключительно для характеристики личности самого основателя «Донской пчелы» как главного героя этой работы. Упомянуть оценку им музыки комических опер считаю важным в связи с характеристикой состояния отечественной музыкальной критики в целом, данной С. Кегульским в одном из номеров газеты. Цитируя основоположника демократической критики В. Белинского, пасовавшего перед оценкой музыкальных произведений («О музыка, музыка, черт тебя подери!»), он подчеркнул, что музыка — «мир отвлеченных, неведомых, но полных экспрессии и силы впечатления звуков». Понимание этого мира требует и от слушателей, и от критиков достаточно развитых эстетических вкусов и потребностей. Типичную музыкальную рецензию своей эпохи он шаржировал следующим образом: «В беглых заметках, посвященных концертам таких светил, как Патти, Менгер, Лука, Сарасате, вы найдете только две-три банальные фразы об исполнении, а остальное посвящено обстановке зала, туалетам дам, эксцентричностям и закулисной жизни артистов». Он считал, что рецензии такого уровня — приспособление критики к запросам публики, наполнявшей концертные или оперные залы «не для эстетических целей, а для того, чтобы убить время и не отстать от других» [55]. Но перед просветителем И. А. Тер-Абрамианом стояли иные задачи, и он последовательно стремился к их реализации, поэтому не мог руководствоваться исключительно запросами публики.

В лице членов ростовского музыкального общества редактор «Донской пчелы», несомненно, нашел единомышленников и поддерживал их газетными публикациями. Общество преследовало цели эстетического развития своих участников, приобщения их к серьезной классической музыке, к любительскому исполнению музыкальных произведений. На страницах газеты регулярно освещалась работа музыкального общества: обстоятельно излагались его годовые отчеты и итоги выборов руководства, публиковались объявления с программами концертов, печатались рецензии на выступления любителей, которые не выглядели набором банальностей. Эти публикации представляют собой оригинальный и весьма информативный источник по истории музыкального общества в Ростове — первого (по времени образования) из объединений горожан по интересам. Замечу кстати, что история становления музыкального общества в коммерческом Ростове — тема чрезвычайно интересная. Она заслуживает самостоятельного исследования, хотя бы из-за его раннего возникновения и в связи с активным участием в нем

представителей семейств известных городских предпринимателей — как в руководстве объединением, так и в качестве концертантов, причем иногда это были одни и те же лица.

Приведу несколько цитат из публикаций о деятельности музыкального общества в «Донской пчеле». Вот фрагмент большого отзыва о двух концертах музыкантов-любителей в начале 1884 года. Неизвестный критик, характеризуя выступления певцов на одном из них, писал, что некая г-жа Ульянова романс Даргомыжского «Я помню глубоко» исполнила «осмысленно и правильной тональностью, хотя дикция ее была недостаточно ясна». О другом певце, Г. Захарьине, рецензент заметил: «Голос его обладает высоким диапазоном и принадлежит к так называемым “tenor di grazia”, хорошей подготовки, умело поет, но манера петь постоянно вполголоса не всякому присутствующему дает возможность слышать его. Притом и самый репертуар его как-то мелочен и не отличается свежестью». Из всех певческих номеров автор особо выделил выступления любительского хора, исполнившего фрагменты из опер «Русалка» Даргомыжского и «Демон» Рубинштейна. Он назвал хоровые номера «чуть ли не лучшим украшением означенных концертов как по своей полноте, так и по качеству исполнения. Первый из них был несколько подавлен оркестровым аккомпанементом благодаря невниманию бывшего дирижера г. Рокко, второй же под управлением г. Любецкого прошел стройно, мягко и отчетливо» [56]. Обращают на себя внимание достаточно высокие требования рецензента к исполнителям. Впрочем, на фоне оценок деятельности ростовского музыкального общества его руководителями эта требовательность выглядит вполне логичной. Так, в отчете за 1883 год А. Ф. Реньери, один из директоров общества, отметил как недостаток репертуара отсутствие в концертах струнных квартетов Моцарта, Гайдна, Бетховена и др. Он считал, что отказ от исполнения строго классической камерной музыки «умаляет стремление общества к высшему музыкальному развитию в ростовской публике вообще, умаляет и артистическое достоинство того же музыкального общества, члены которого в состоянии исполнять 7 симфонию соч. Бетховена, “Иоанн Грозный” соч. Рубинштейна и другие крайне серьезные произведения, красоту гармонии каковых публика поняла» [57].

И в завершении сюжета о музыке на страницах газеты цитирую небольшой фрагмент впечатлений об исполнении любителями упомянутой выше

симфонической картины А. Рубинштейна «Иоанн Грозный». Анонимный автор заметки представил читателям, не знакомым с серьезной музыкой, канву восприятия сложной классики, образную и эмоционально окрашенную. Он писал, что «картина в звуках», талантливо обрисованная одним из даровитых композиторов, производит на слушателя впечатление, потрясающее нервы: «и в тоскливом *andante* (в первой части), и в ворчливо-грозном перекате звуков. <...> Величавое монашеское пение, исполняемое четырьмя виолончелями, как бы успокаивает слушателя, но далее молнией заговаривают инструменты, готовясь к чему-то ужасному и постепенно усиливаясь, доходят до звукового апогея, раздражаясь наконец необыкновенным громом ударного инструмента. <...> Затем первоначальная мелодия *andante* закончилась быстрым темпом *allegro*, как бы дав, наконец, слушателю свободу вздохнуть» [58]. Публикация эта выполняла роль своеобразного ликбеза для публики, не привыкшей к симфонической музыке и не умевшей ее слушать. Она отражала желание редакции способствовать пониманию музыкальных произведений подписчиками и читателями газеты. Одновременно она свидетельствовала, что в Ростове первой половины 1880-х уже был необходимый минимум людей, понимавших серьезную музыку, ее исполнявших и слушавших. Все это несколько корректирует имеющиеся в краеведческой литературе представления о культурном облике ростовцев конца XIX века.

Литературная критика, в отличие от театральной или музыкальной, была представлена в «Донской пчеле» относительно скупой, хотя газета позиционировалась как «политическая и литературная». Рассуждать о причинах этого без наличия каких-либо документальных обоснований явно нецелесообразно. Приходится просто констатировать факт. Впрочем, определение «литературная» могло пониматься издателем и как периодическое издание, регулярно печатавшее небольшие рассказы, — российских писателей и переводные, беллетризованные материалы уголовно-судебных дел и даже повести «с продолжением» от местных или краевых авторов. Все это в «Донской пчеле» регулярно появлялось. Большие рецензии на романы или толстые журналы отсутствовали, но время от времени публиковались заметки о той или иной книге, в которых аннотация содержания сопровождалась оценочными суждениями. Они обычно помещались в разделе хроники без указания автора текста, что позволяет считать их выражением мнения редакции газеты. Иногда заметки были своеобразной рекламой книг и брошюр,

выпущенных издателем «Донской пчелы». Таковы заметки о книге И. Алексанова «Краткая история Армении» или о брошюре Г. Чалхушьяна «Армянская поэзия в лице Рафаила Патканяна». Содержание этих рецензий кратко изложено в параграфе 2.2 о сотрудниках «Донской пчелы», так как оба автора с газетой сотрудничали, хотя и в разное время.

Интересна рецензия «Донской пчелы» на брошюру Г. Чалхушьяна «Опыт теории любви», вышедшую в Москве в 1883 году. Рецензент, подписавшийся буквой Т., дал тексту неординарное начало: «Мы думали найти в ней только пикантное содержание и не более, но к нашему удовольствию пришлось разочароваться; брошюра эта оказалась серьезным сочинением, плодом, как видно, долгой и неутомимой работы и добросовестного изучения предмета». Несмотря на интригующее название, работа рассматривала эволюцию представлений о любви в поэтических произведениях, в романах и в этико-философских трудах европейских авторов XVI — первой половины XIX столетий. Критик отметил как сложность избранной темы, так и качественное ее исполнение: «мысли с таким редким умением систематизированы и в такой логической последовательности проведены, что поражают нас своей ясностью»; язык, «не страдая витиеватыми периодами, запутанными фразами, в простых, но выразительных словах как нельзя более выясняет читателю мысли самого автора». Поэтому, несмотря на серьезное содержание, книга «читается скоро и с большим удовольствием, чему немало способствует и то, что она лишена частых повторений одной и той же мысли с разными вариациями». Представление автора брошюры о том, что любовь как социокультурное явление отсутствовала в Средневековье и появилась в европейской культуре только в Новое время, рецензент посчитал вполне доказанным текстом работы [59]. Замечу, что это одна из наиболее содержательных литературных рецензий, с которыми довелось ознакомиться при чтении годовых комплектов «Донской пчелы».

Обращает на себя внимание и хроникальная заметка-рецензия на «Историко-критический комментарий к сочинениям Достоевского». Объемистый труд (16 п. л.) вышел в 1885 году, составлен был В. Зелинским и представлял собой сборник критических работ о творчестве писателя. Редакционная рецензия отметила, что подобные сборники Зелинский уже делал о творчестве И. Тургенева и Н. Некрасова, что книга издана «очень опрятно», но «нас

преимущественно удивила односторонность выбранных автором критических материалов, тенденциозность и партийность их направления». А затем следовали краткие и вполне однозначные оценки как одностороннего подхода к составлению сборника, так и творчества самого Достоевского. «Преклоняясь перед крупным значением покойного в нашей литературе, перед его художественным талантом и редким психологическим анализом, мы думаем, что нас никто не упрекнет за несочувствие тенденциям автора в последние годы его деятельности, крайностям его взглядов, мистицизму...<...> Кто отдает себе отчет в той разнице, которая существует, в той пропасти, которая отделяет автора “Записок из мертвого дома” и “Преступления и наказания” от редактора “Гражданина”, автора “Бесов” и “Дневника писателя”, тот поймет нас, поймет, почему наша критика жестоко относилась к великому психологу, почему наконец, мы, признавая достоинства труда г. Зелинского, в претензии на него за то, что он обошел некоторые из этих критик» [60]. Необходимость знать и учитывать различные мнения, точки зрения и оценки И. А. Тер-Абрамиан подчеркивал неоднократно и предоставлял место для их публикации в «Донской пчеле». Разумеется, кроме тех, что заведомо были бы не пропущены цензурой.

Неизвестно, насколько совпадала с мнением редактора газеты восторженная оценка «Дневника писателя», регулярно выпускавшегося Ф. М. Достоевским в 1876–1877 годах, данная одним из его корреспондентов, но и она нашла место на страницах «Донской пчелы» несколькими годами ранее вышеизложенной рецензии. Автор, подписавшийся экстравагантным псевдонимом «Иван-да-Марья», считал опыт издания «Дневника писателя» удачной «поучительной беседой с читателями». В статье, занявшей весь подвал первой полосы, было, например, заявлено: «Я не могу себе представить писателя более счастливого, чем Ф. М. Достоевский, и журнала, который за два года существования имел бы столько заслуг, сколько “Дневник писателя”». Впрочем, в чем этих заслуги (во множественном числе) состояли, автор так и не сообщил. Точнее, назвал в итоге лишь одну: нравственную связь, которая установилась «благодаря “Дневнику” между автором и читателями. <...> Таких хороших и таких близких отношений между писателем и обществом до сих пор еще не было, а между тем такие отношения в высшей степени желательны. “Дневник писателя” сделал первый удачный опыт в этом отношении и в этом его огромная заслуга» [61]. Тот факт, что

установилась эта нравственная связь далеко не со всем обществом, а лишь с известной частью читающей публики, автор, разумеется, проигнорировал. Но тем не менее его позиция была сообщена читателям газеты и не сопровождалась комментариями редакции.

Относительно регулярно публиковались заметки библиографического характера. Чаще всего они описывали содержание свежих номеров журналов, толстых и еженедельников. Среди них были «Вестник Европы», «Север», «Дон» и др. Появлялись такие заметки обычно ближе к концу года, когда проходила подписная кампания на периодику следующего года, и рекламировали, в большей или меньшей степени, то или иное издание. Например, оценка летних номеров журнала «Дон» 1887 года, издававшегося в Новочеркасске под редакцией Ив. Попова, была опубликована в одном из ноябрьских номеров «Донской пчелы». Вслед за перечнем журнальных статей и иллюстраций она извещала читателей, что журнал «может служить единственным указателем известных событий донского казачества и чрезвычайно интересной исторической книгой Области войска Донского». В библиографическом описании первого номера еженедельника «Север» рекламный характер еще более выражен. Заявив, что журнал издается в столице двумя известными писателями Вс. С. Соловьевым и П. Н. Гнедичем, автор заметки привлек внимание вероятных подписчиков сообщением о публикации в нем нового романа «Волхвы» Вс. Соловьева, перечислил рассказы и статьи в отделе публицистики, отметил разнообразие материалов раздела «Смесь» и прекрасное качество рисунков, среди которых оказался и портрет Л. Толстого работы И. Репина. Был даже перепечатан полностью текст стихотворения «Орел» А. А. Голенищева-Кутузова. Оно открывало первый номер журнала, а в заметке названо «тайнственным» [62]. Прагматичность подобных обзоров содержания журналов не удивляет, если вспомнить, что с осени 1879 года и вплоть до завершения издания «Донской пчелы» через книжный магазин И. А. Тер-Абрамиана проводилась подписка на все российские периодические издания. Пользовались этой услугой не только ростовцы и нахичеванцы, но и читатели газеты в других городах и всех краях.

В массиве годовых комплектов газеты — около 1200 номеров за 12 лет — только в двух из них найдены статьи и материалы о творчестве русских литераторов. В одном из июньских номеров 1886 года опубликован очерк

«А. Н. Островский, его жизнь и произведения» как обещанная читателям реакция газеты на кончину прославленного драматурга. Сравнительно большой, почти целая газетная полоса, он являлся компиляцией множества публикаций, посвященных памяти драматурга. Учитывая тему, текст и не мог быть ничем иным как компиляцией. В данном случае она оказалась умелой и удачной. Цитируя статьи из различных газет и журналов, автор текста (возможно, им был С. Кегульский, фельетонист и театральный рецензент, еще не покинувший редакцию «Донской пчелы») умело систематизировал спектр этих оценок. Жестко структурированное начало очерка позволило ему сформулировать принципиальный подход редакции газеты к определению места и роли Островского в развитии отечественной драматургии и театра. Приведу пару цитат в подтверждение этого суждения. Отметив, что смерть драматурга вызвала искреннее сожаление и достойную оценку его деятельности во всех газетах — «от либеральнейшего “Русского курьера”, псевдолиберальных “Новостей” до флюгерничающего “Нового времени” и строго консервативных “Московских ведомостей”», — автор заявил, что секрет подобного единодушия «в феноменальном объективизме Островского, в том, что он никогда не был человеком партии». (Имеются в виду партии отнюдь не политические, а литературные. — *Н. С.*) По его мнению, пьесы Островского справедливо называли «пьесами жизни», так как и в реальной жизни «нет ни исключительно комических, ни исключительно трагических явлений. Смешное и ужасное, великое и ничтожное, прекрасное и безобразное — все это перемешано в ней в самом пестром хаосе; в таком же сложном смещении является все это и в пьесах Островского. <...> Объективность Островского нечто беспримерное и поистине великое в нашей литературе. Пьесы его — это самое чистое зеркало, бесстрастно отражающее все, что только находится перед ним. Эта гениальная объективность, олимпийское беспристрастие, в котором превосходит Островского один только Шекспир, и была главной причиной того, что все литературные партии и кружки считали Островского своим» [63]. Процитированные суждения помещены были в двух первых абзацах очерка, определяя позицию газеты среди множества разнообразных оценок драматурга и вручая читателю своего рода путеводную нить в последовавшем изложении биографии Островского и оценок его творчества и заслуг разными литературными критиками и публицистами газет.

Второй номер из двух, упомянутых ранее, редакция назвала «Пушкинским». Он вышел под № 7 29 января 1887 года, посвящался памятной дате, — 50-летию со дня смерти великого поэта, — и в коллекции годовых комплектов газеты является уникальным. Номер имел двойной объем — 2 п. л., 8 полос. Материалы номера сообщали о жизни и творчестве А. С. Пушкина; характеризовали его заслуги как народного и национального поэта; информировали о мероприятиях 1887 года, посвященных его памяти, и т. п. Отмечу сразу специфику этих торжеств: в дискурсе отечественной периодики 1886–1887 годов они назывались «празднованием 50-летней годовщины смерти великого поэта». Вряд ли имеет смысл ныне рассуждать, насколько удачным было такое наименование памятных дней поэта, достаточно констатировать сам факт. Любопытное обоснование ему дал секретарь редакции «Донской пчелы» в эссе номера «Несколько слов о Пушкине». Каневский упомянул дискуссию в прессе по поводу «празднования»: «Нашлось немало щелкоперов, которые старались доказывать, что праздник этот не имеет смысла, что период после смерти очень короток, что нужно праздновать не день смерти, а день рождения и т. п. вздорные вещи. Эти невежды не желали и не желают понять, что мы празднуем не день смерти Пушкина, а празднуем его бессмертие, он вовсе не умер и никогда для нас не умрет».

В передовой «пушкинского номера» сообщалось, как будет отмечена памятная дата в Ростове: панихида по Пушкину в соборе — 29 января; литературное утро в зале реального училища, посвященное творчеству поэта и подготовленное учащимися средних учебных заведений города, — 1 февраля. Впрочем, не эта информация была главным содержанием передовой статьи. Отметив сложный процесс осознания обществом значимости А. С. Пушкина для русской литературы, редактор писал: «Одно грустно: это то, что мы называем Пушкина народным поэтом, поэтом национальным, а народ простой почти его не знает и не ведает». Впрочем, он возлагал надежду на собрание сочинений Пушкина в 10 томах, изданное к памятной дате А. С. Сувориным. Этот десятитомник (более 4100 страниц, «напечатанных крупным и четким шрифтом») предназначался читателям из народа и продавался по заранее объявленной заниженной цене — 1 руб. 50 коп. Здесь же сообщалось, что купить его в Ростове можно в книжном шкафу вокзала Владикавказской железной дороги. Редактор «Донской пчелы» считал, что

«при такой удешевленной цене русский народ будет иметь полную возможность познакомиться с бессмертными творениями Пушкина». К сожалению, о тираже этого десятитомника упомянуто не было.

Еще один важный смысловой момент в передовой «пушкинского номера» — разъяснение данных Пушкину определений: поэт народный и поэт национальный. И. А. Тер-Абрамиан со свойственным ему стремлением к четкому определению того или иного термина и осознанному употреблению слов отделил одно наименование от другого. «Мы назвали Пушкина не только народным, но и национальным поэтом, это не одно и то же; можно быть поэтом народным и не национальным, так, например, Кольцов народный поэт, но не национальный. Под “народом” всегда разумеют массу народонаселения, самый низший и основной слой государства. Под “нацией” разумеется весь народ, все сословия, от низшего до высшего, составляющие государственное тело. Национальный поэт выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциональную стихию, которой представителем бывает масса народа, и определенное значение этой стихии, развившейся в жизни образованнейших сословий (культурной страты или слоя. — *Н. С.*) нации. Национальный поэт — великое дело!». Иными словами, поэту национальному внятны смыслы, жизненные представления, эмоции и крестьян, и маленьких городских людей, вроде Евгения, героя «Медного всадника», и господ дворян, как провинциальных, так и столичных. Тем он и велик, что способен на страницах своих произведений представить в образах, событиях и впечатлениях весь сложный спектр жизнедеятельности как «субстанциональной стихии», так и ее «определенного значения», к которому и он сам принадлежит.

Значительную часть номера — почти две газетные полосы — составила биография А. С. Пушкина. Неизвестно, кто из сотрудников редакции был ее автором, но в ней вполне добросовестно изложены все важнейшие вехи жизни и творчества поэта. В номере напечатаны и его стихи: «Стансы», написанные незадолго до смерти, и известный «Памятник». «Смесь» представляла подборку анекдотов о Пушкине, точнее, реально случившихся забавных историй с его участием. И даже хронику номера наполнили известия о том, какие мероприятия пройдут по городам юга России в связи с 50-летием со дня смерти поэта. Безусловно, пушкинский номер «Донской пчелы» — явление

исключительное. Будучи составлен и со смыслом, и с эстетическим вкусом, он показал интеллектуальные возможности редакции в 12-й год издания газеты. Увеличение объема литературно-художественной критики на страницах «Донской пчелы», похоже, было редакционному составу в это время уже по силам, но тормозилось самим форматом издания газеты.

На страницах газеты явно доминировала театральная критика, так как именно театру, по мнению редактора и его сотрудников, принадлежала главная роль в деле эстетического развития народа и в приобщении его к разумным формам проведения досуга, а рецензенты своей критикой должны были способствовать реализации театром своей миссии быть школой жизни для народа.

3.4. «Донская пчела» у истоков диалога культур

Среди приветственных писем и адресов, полученных редактором-издателем «Донской пчелы» в связи с 15-летием ее издания, были и те, что напрямую оценивали заслуги газеты и самого Ивана Абрамовича в деле налаживания взаимопонимания и диалога разных этносов, населявших Приазовский край. Подборка приветствий и поздравлений опубликована в № 9 и 10 за 1891 год. Константинопольский архиепископ Армянской церкви Хорен Нар-Бей Лусиниан, обращаясь в «любезному другу» г. Тер-Абрамиану, отметил успешные итоги его «усилий на пользу просвещения». Писал он следующее: «Верный Вашей программе, Вы трудились для общих интересов разнородных рас, населяющих Империю, указывая, таким образом, на солидарность, объединяющую их под отеческим скипетром Его Величества Императора Всея России. <...> Ваша газета и типография, управляемая Вами с таким умением, делают честь не только Вам лично, но и тому духу предприимчивости и инициативы, который всегда был присущ армянскому народу». Письмо было написано на французском — признанном языке дипломатии XIX века, а на страницах юбилейного номера «Донской пчелы» от 7 февраля 1891 года опубликовали как оригинальный текст, так и его русский перевод.

В этом же номере сотрудник «Донской пчелы» С. Я. Браиловский, не ограничиваясь спичем, произнесенном на торжестве, в своем приветственном письме отметил «довольно ценное в наше время достоинство газеты:

это одинаково беспристрастное обсуждение вопросов, касающихся всех национальностей и отсутствие травли между людьми разных вероисповеданий. Свойством этим «Донская пчела» обладает со дня своего возникновения и до сих пор, и этим довольно высоким качеством газета обязана <...> ее редактору». А ростовский общественный раввин М. Ямпольский благодарил Ивана Абрамовича за то, что в течение пятнадцати лет издания его газета придерживалась гуманного направления, что «при обсуждении всех вопросов, касающихся интересов местных евреев, всегда просвечивает в ней полная объективность» в отношении к еврейской общине [64]. Анализ материалов годовых комплектов газеты позволяет говорить, что объективность эта проявлялась редакцией «Донской пчелы» не только к тем евреям, что проживали в Ростове и Нахичеване, но и в других районах черты оседлости. Уместно напомнить, что до присоединения к области Войска Донского Ростовский уезд со всеми своими городами входил в эту самую черту оседлости как административная единица Екатеринославской губернии.

Уже в первые годы издания «Донской пчелы» ее редактор сознавал, что выражать интересы жителей Ростова и Нахичевана, принадлежавших к разным этносам и конфессиям, возможно только при учете этого разнообразия. А обеспечить как минимум лояльное отношение их друг к другу, снизить риски конфликтов на бытовой почве возможно лишь знанием особенностей жизни, быта, обычаев этносов-соседей. Номера первого года издания, к сожалению, недоступны, однако уже в 1877 году в газете находим публикации этнографического и исторического характера, связанные с основными этническими группами жителей двух названных городов: русскими, армянами и евреями. Среди них уже упомянутые «Краткие исторические, статистические и этнографические очерки об армянах», написанные самим редактором. Он связывал публикацию необходимостью преодолеть некие предубеждения, сложившиеся в отношении армян у народов, живущих с ними рядом. Но этот краткий исторический обзор на русском языке, думается, оказался полезным и для донских армян. Далекое не все они (скорее, лишь образованное меньшинство) владели литературным армянским языком настолько, что могли бы читать сложные исторические тексты, написанные профессиональными армянскими историками. А Тер-Абрамиан предложил им научно-популярный пересказ на русском языке «Истории Армении» М. Хоренского. Сделать это автору школьных учебников и хрестоматий по армянской

истории было относительно просто — дидактикой он владел. К публикациям 1877 года относились также довольно объемистое эссе «Характер и значение русских пословиц» некоего А. Крылова и статья «Из записок одного “бахура”», подписанная «Я-кь» [65]. Эссе о русских пословицах заняло пять подвалов в двух номерах газеты. Автор рассматривал пословицы как отражение жизненного опыта и мировоззрения народа, описал разные их группы, завершив характеристикой пословиц религиозного содержания. Тем самым была подчеркнута близость мировоззренческих установок двух христианских народов, живущих в Ростове и Нахичеване. Вторая публикация описывала обычай иудеев получать талмудическое образование в чужих городах, питаясь при этом за счет набожных обывателей. Эти учащиеся и именовались бахурами, а сам обычай имел место у евреев, проживавших в западных губерниях России.

Расширение территории распространения газеты и редакторское определение «Донской пчелы» как газеты краевой предполагали увеличение числа статей по истории, географии, статистике и этнографии Приазовского края и Екатеринославской губернии. Об этом изменении издательской политики И. А. Тер-Абрамиан сообщил в одной из программных передовых января 1879 года. Знание особенностей быта и обычаев народов, живших рядом друг с другом, были необходимы краевому населению, сложному и склонному к бытовым конфликтам из-за различия их вероисповеданий и обычаев, наличия или отсутствия привилегий. Впрочем, воплотить в жизнь новые задачи удалось не сразу: требовалось найти более или менее подготовленных корреспондентов в разных городах и местечках края; силами только сотрудников редакции реализовать заявленное было невозможно. Поэтому статьи и заметки этнополитического характера в 1879–1881 годах в основном основывались на событиях ростово-нахичеванской жизни и сообщениях от корреспондентов газеты из районов турецкой Армении.

Обращает на себя внимание номер «Донской пчелы» от 11 сентября 1880 года. Интересен он тем, что материалы о причинах восстания в Ване (турецкая Армения) соседствовали с информацией в хронике о праздновании Байрама «турецкой колонией» Ростова. Восстанию турецких армян посвящались передовая статья номера и обширный фельетон «Армения», автор которого не назван. И. А. Тер-Абрамиан приложил руку к его

редактированию, сделав примечания. Показателен спокойный и обстоятельный стиль изложения как сведений о причинах и начале восстания, так и хроники празднования Байрама в Ростове. Публикации информировали читателей, не провоцируя при этом негативных эмоций, не нагнетая страстей. Если сопоставить их с материалами «Донской пчелы» о еврейских погромах 1881 и 1883 годов в городах черты оседлости или с сообщениями о разрушении пьяной толпой маргиналов полицейских участков в Ростове в апреле 1879 года и хроникой разгрома здесь же и такими же двух турецких гостиниц в августе 1887, то можно говорить о вполне определенном стиле подачи подобной информации газетой И. А. Тер-Абрамиана — сообщать о происшедшем бесстрастно и максимально точно.

Из прочих публикаций этого периода наибольший интерес представляла хроникальная заметка, обстоятельно излагавшая историю возникновения в 1879 году вопроса о выселении иудеев из области Войска Донского. Автор ее акцентировал внимание читателей на двух моментах. Первый из акцентов был сделан на том, что выселение евреев, при реализации намерения войсковых властей, придет в противоречие с интересами части христианского населения области, так как за истекшие 15 лет хозяйственная деятельность многих из них переплелась с коммерцией иудеев. Второй — обозначил противоречивость самого курса политики в отношении казачьих областей: «одновременно с вопросом о выселении евреев из Войска Донского возбужден, как нам передают, вопрос о привлечении евреев в города (не станицы) Кубанского Войска» [66].

Замечу, что в «Донской пчеле» относительно регулярно появлялись публикации, связанные с жизнью еврейской общины, в основном, ростовской, входившей это время в тройку самых крупных в городах юга России. Тематика их различна: это и статья о вполне рационально поставленном обучении детей бедноты в талмуд-торе Ростова, и материалы о ситуации в общине в связи с выборами городского раввина в 1879 году, и критика решения еврейского духовного правления (1884 год) об обязательном приобретении мест в синагоге и предварительном внесении годовой платы за них [67]. Такая новация еврейского духовного правления возмутила редактора «Донской пчелы», заявившего, что правление «открывает торг молитвой к Богу, поклонением Ему». В передовой номера от 16 сентября 1884 года он писал:

«Оставляя в стороне чисто юридическую сторону этого казуса, нельзя не остановиться на том, куда ведет подобное чересчур материальное отношение духовного правления к религиозному делу. Возьмите строго религиозную сторону дела: угодна ли Богу продаваемая по таксе молитва? Что это такое? Очевидно, еврейское духовное правление в погоне за средствами на этот раз, по нашему мнению, зашло очень далеко». Пожалуй, это единственный случай, когда в оценке действий той или иной этнической группы местного населения Иван Абрамович не удержался от проявления собственных эмоций. Впрочем, это не может удивлять, если вспомнить, что был он человеком воцерковленным и глубоко религиозным, в отличие от многих редакторов и издателей провинциальных газет — его современников.

В 1885 году, накануне очередных выборов ростовского казенного раввина, редактор «Донской пчелы» дважды предоставил слово одному из членов городской еврейской общины, который обозначил себя псевдонимом «Гр...». Его заметки напечатаны были на первой полосе газеты: в одном номере сразу за передовой, где обычно помещались наиболее значимые, по мнению редакции, материалы, а в следующем — на месте передовой статьи и вместо нее. Автор, псевдоним которого ныне невозможно расшифровать, отмечал, что за десятилетия существования в российских городах этой выборной должности раввины выступали как администраторы общин. Они обращали внимание в основном на материальную сторону их жизни: сооружение синагог, кладбищ, содержание талмуд-тор — начальных училищ для детей бедноты и сирот и проч. Совершенно забывалось при этом, что казенный раввин должен быть прежде всего духовным руководителем общины, а еврейские дети, «проходя школьный курс (в светских школах), остаются без понимания своей религии». Это привело к неожиданным, и нежелательным, по мнению автора заметок, последствиям — «иррелигиозности» евреев (так в тексте. — *Н. С.*), закончивших средние и высшие учебные заведения. Из них уже сформировался контингент представителей еврейской интеллигенции, «не имеющих элементарных понятий о какой-либо религии» вообще, что «одинаково вредно как для государства, так и для самих евреев» [68]. Эти рассуждения были созвучны представлениям редактора-издателя «Донской пчелы» о должном воспитании подрастающего поколения. Однако сама еврейская община на выборах высказалась за Фабиана Гнесина, получившего 455 избирательных белых шаров против 101 такового у соперника.

Гнесин, типичный раввин-администратор, крепкий хозяйственник, занимал этот пост с 1863 года и был избран 8 раз подряд, «несмотря на агитацию г-на Гр...» против него [69].

Тематика очерков и хроникальных заметок о населении Приазовского края, его истории и быте стала расширяться в «Донской пчеле» с 1882 года. Первой ласточкой оказался довольно объемистый статистический очерк Екатеринославской губернии, опубликованный в 7 номерах газеты. Автор его, обозначивший себя «С-къ», сетуя на состояние губернской статистики и отметив мозаичность собранных им материалов, сумел, тем не менее, в общих чертах описать процесс формирования населения губернии, примерную его численность, состав и размещение, а также основные занятия [70]. На призыв «Донской пчелы» присылать статьи и материалы по истории разных территорий края и групп его населения одними из первых откликнулись представители культурного слоя донского казачества — быстро прираставшей числом казачьей интеллигенции. Разнохарактерные публикации по истории донских казаков появились в газете также с 1882 года. Именно с этого времени числил себя ее корреспондентом Я. Ребров, народный учитель, служивший в разных начальных училищах области Войска Донского; поздравления по случаю 15-летия газеты он прислал из ст. Синявской, где учительствовал в то время [71]. Летом-осенью 1882 года Ребров опубликовал в «Донской пчеле» два материала. Первый из них — стихотворное изложение основных событий ранней истории донских казаков, доведенное до начала XVII века и вполне внятно объяснявшее причины, по которым казаки поддержали притязания Лжедмитрия I. Второй материал был посвящен характеристике прошлого и настоящего станицы Старочеркасской. Используя документы, старинное казацкое предание и личные впечатления, он сумел показать историю формирования поселения, объяснить его топонимику, показать различия состава и хозяйственных занятий жителей тех 11 станиц, из которых состоял административный центр войска XVII–XVIII веков [72].

Вслед за Я. Ребровым в «Донскую пчелу» стали присылать очерки, статьи, рассказы-воспоминания и другие корреспонденты из Новочеркасска и донских станиц. Еще до присоединения Ростовского уезда к области Войска Донского 2–3 публикации из истории донских казаков ежегодно появлялись в газете. Из этой коллекции наиболее примечательны, на мой взгляд, две

работы. Первая из них — весьма содержательные очерки по истории Войска Донского И. И. Струкова, известного в то время донского журналиста и вольнонаемного служащего Донской казенной палаты. Публикация их (1883 год) заняла фельетонные подвалы в 8 номерах «Донской пчелы». Уже сам факт появления очерков Струкова способствовал упрочению репутации газеты как краевой. И. И. Струков в это время активно печатался не только в новочеркасских газетах («Донские областные ведомости», «Донской голос»), но и в «Одесском вестнике», московских «Русских ведомостях» и др. изданиях. Любопытно, что свою публикацию в «Донской пчеле» Струков подписал полной фамилией с инициалами. Возможно, поэтому в справочнике псевдонимов донских журналистов и писателей XIX — начала XX века не указан факт его сотрудничества с «Донской пчелой». Впрочем, это упущение относится не только к нему, но и к донскому журналисту Е. К. Сизякину, также печатавшемуся в ростовской газете Тер-Абрамиана чаще как Е. Сизякин, а иногда — под псевдонимом «Шило» [73].

Очерки Струкова в «Донской пчеле» не были систематическим изложением истории донских казаков. Они освещали наиболее значимые, с точки зрения автора, события и сюжеты ее. Его оценки и суждения отражали позицию той части донского казачества, для которой идеалом жизни все еще представлялись времена социального равенства казаков, независимости войска от царской власти, отсутствия частной земельной собственности и крепостных крестьян на войсковых землях [74]. Все это не совпадало с трактовками исторического прошлого в официальной истории донского казачества XIX — начала XX века и вряд ли могло быть опубликовано в новочеркасской периодике. Цензор «Донской пчелы» в лице ростово-нахичеванского полицмейстера публикацию пропустил. Похоже, адекватной и справедливой оказалась оценка его И. А. Тер-Абрамианом как человека умного, терпимого и независимого от местного общества, прозвучавшая в беседе редактора с московским публицистом И. Кольцовым в 1882 году (об этом подробнее в параграфе 2.1).

Вторая из статей, упомянутых выше, была написана самим редактором-издателем в 1888 году. Называлась она «Новочеркасск и войско Донское. Исторический и географический очерк» и была опубликована в 5 номерах. Этот очерк примечателен тем, что очень неплохо изложенная история основания

Новочеркаска и переселения туда казачьих семейств черкасских станиц соседствует с сухим и унылым перечислением административных границ области Войска Донского после включения в нее территорий бывшего Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства. Очерка истории донского казачества как такового не получилось: Иван Абрамович с присущей ему обстоятельностью его начал, но затем изложение застопорилось на фразе, в которой сообщалось о «темных страницах» в истории донцов, связанных с именами Пугачева, Разина, Булавина, и том, что казачество их не поддержало — «не приняло в свою почву». Суждение вполне соответствовало тому, что писалось в учебниках для казачьих школ в конце XIX века. Вслед за ним вся остальная история войска была скупно сообщена в полудюжине абзацев. Зато оказались подробно описаны посещения войсковых смотров в Новочеркасске императорами Александром II (1869) и Александром III (1883). Это была третья часть очерка, и читателю кажется, автор хотел бы на этом публикацию закончить. Но было обещано продолжение.

Продолжение последовало, однако не сразу. Четвертая часть работы была опубликована через месяц после третьей, а пятая — три месяца спустя после четвертой. Содержательно обе они не соответствовали заявленному историко-географическому очерку. Очевидно, текст очерка все-таки не прошел цензуры. Новый ростово-нахичеванский полицмейстер, войсковой старшина Войска Донского В. И. Ульянов, был назначен в 1888 году Войсковым наказным атаманом и подчинялся ему как губернатору. Возможно, редактор какое-то время еще надеялся опубликовать продолжение именно очерка и объяснялся с цензором. Но надежды не оправдались, а саму историю публикации можно считать историей противостояния провинциального литератора и войсковой цензуры, которое закончилось победой последней. Впрочем, Иван Абрамович оставил последнее слово все же за собой. Последняя часть текста завершалась краткими статистическими сведениями о хозяйственной деятельности донских казаков и пришлого населения и обещанием очерка о казачьих свадебных обрядах: они у донцов «различны, но чрезвычайно интересны и имеют тесную связь с исторической жизнью той или другой народности и самого казачества» [75]. Весьма вероятно, что конфликт редактора «Донской пчелы» с казачьим цензором весной-летом 1888 года способствовал появлению формулы издательской работы, подробно изложенной в первом параграфе этой главы: сохранять

«нравственную независимость» и верность идеалам правды и добра при неизбежном признании существования зла «силою обстоятельств» и проявлении терпимости к этому явлению. Сформулировал этот принцип Тер-Абрамиан в одной из передовых в октябре 1888 года.

Цензурные ограничения не помешали публикациям корреспонденций из Новочеркасска и станиц Войска Донского. Регулярно появлялись статьи и пространные хроникальные заметки Ф. Траилина — редактора «Казачьего вестника» и будущего издателя газеты «Донское поле» в Ростове-на-Дону. Именно он красочно описал в газете процедуру войскового казачьего круга, проходившего четыре раза в год. На одном из них (1 октября 1887 года), точнее, на обеде войсковых чиновников, завершавшем каждый войсковой круг, торжественно отмечалось «дело присоединения Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства к области Войска Донского» и звучали здравицы в честь Войскового Наказного Атамана кн. Н. И. Святополк-Мирского, его осуществившего. Второй из описанных Траилиным войсковых кругов (6 мая 1888 года) был первым, в котором приняли участие приглашенные представители городов, включенных в область Войска Донского. Достаточно интересен и очерк Траилина о сложностях реализации инициированного им проекта сооружения часовни в память «славянских первоучителей» Кирилла и Мефодия в Задонской степи, где, «можно допустить», пролегал путь возвращения просветителей-миссионеров из Хазарии [76]. П. В. Литвинов, корреспондент «Донской пчелы» с 1876 года, именовавший себя «русским дворянином» и проживавший в ст. Каменской [77], не скрывал своего удовлетворения от посещения Ростова-на-Дону в начале 1888 года: изменения в облике города, которые он связал с присоединением к Донской области, ему понравились. Разумеется, в первую очередь приезжий отметил чисто внешние следствия: «Взамен нерасторопных <...> наемных полициантов вас встречают статные блондины [из] сынов тихого Дона в щегольски сшитых шинелях и франтовских фуражках, надетых набекрень. Присущие донцу приветливость, предупредительность, подвижность так и бросаются в глаза туристов. “Уж Ростов ли это?” — невольно вопрошает себя, садясь в щеголеватый экипаж... все так чинно, празднично, весело; а к тому же и конка...». Это письмо Литвинова в № 12 от 14 февраля 1888 года интересно и тем, что добавляет еще одно название в коллекцию определений-

сравнений города с каким-либо из зарубежных центров. Литвинов назвал Ростов конца XIX века «“Карфагеном” нашего юга».

Замечу, кстати, и в связи с содержанием процитированного письма П. Литвинова. Ростовскую конку, которая начала функционировать до включения города с уездом в Донскую область, он зря упомянул в контексте изменений облика города после присоединения его к казачьей области. А вот заявление автора письма о том, что Войсковой Наказной Атаман может многое для города сделать, в первый раз подтвердилось спустя несколько месяцев после публикации. Примечательно, что вопрос встал именно о конке. Первоначальный проект ее устройства был пересмотрен в 1884 году с приходом А. М. Байкова на пост ростовского городского головы. Дума отказалась от запланированного пути от вокзала железных дорог до границ Нахичевана и дальнейшего продления его до Соборной площади соседнего города. Новый проект предполагал сооружение главной магистрали конно-железки по Садовой улице от пер. Доломановского до пер. Богатынского. Концессионеры, ранее заключившие договор о сооружении конки, отказались от его выполнения. «Донская пчела» доказывала ошибочность принятого проекта во множестве публикаций 1884–1887 годов. Ни ростовскую думу, ни городского голову это не смущало: нашли новых концессионеров, пути проложили. При строительстве конки рельсы протянули даже не от Доломановского, а от Братского переулка, и закончили их на Богатынском. Такая конка могла служить (и с началом движения реально служила) лишь увеселению катавшейся по центру города публики и не удовлетворяла экономическим потребностям города и повседневным нуждам его жителей. Уже первый год эксплуатации конно-железки показал, что довести ее центральную линию хотя бы до вокзала жизненно необходимо. Осенью 1888 года городская дума провела два заседания по вопросу о продлении конки до вокзала и решила еще пообсуждать его в течение неопределенного времени в рамках специально созданной комиссии. Однако кн. Святополк-Мирский, ознакомившись с журналами заседаний думы, предложил городскому голове решить назревший вопрос «безотлагательно», решить в интересах города, а о результатах сообщить в Новочеркасск. Отношение Войскового Наказного Атамана на имя Байкова было датировано 2 ноября 1888 года; «Донская пчела» спустя несколько дней опубликовала его полный текст. Экстренное заседание ростовской думы по этому поводу состоялось уже 7 ноября. Без дискуссий и возражений, без

консультаций с комиссией гласных вопрос о продлении линии конки от Братского переулка до вокзала по Б. Садовой был оперативно решен в общем собрании гласных [78]. Было о чем доложить главе областной администрации.

К сожалению, пока невозможно описать историю сотрудничества в «Донской пчеле» ее корреспондентов из числа донских казаков в 1889–1892 годах из-за отсутствия доступных электронных копий газеты указанных лет. То же самое можно сказать и о публикациях, ориентированных на развитие диалога культур разных народов края. В газетных подшивках 1880-х годов прослеживается тенденция увеличения таких материалов; особенно заметной она стала с 1887 года. Однако публикациями 1888 года приходится завершить сюжет. Предполагаю, что комплекты «Донской пчелы» за 1889–1893 годы могут содержать весьма интересные факты о взаимодействии войскового начальства и муниципальной власти донских городов в решении вопросов социокультурного развития последних. Возможно, эта информация способна была бы внести коррективы в оценку последствий включения городов в Донскую область.

Очерк И. А. Тер-Абрамиана о Новочеркаске и Войске Донском (1888), толком не удавшийся по причинам, не зависевшим от автора-редактора, обрамлен в годовой подшивке номеров «Донской пчелы» еще двумя его историко-этнографическими статьями, информативными и интересными. Обе они содержали характеристику примечательных армянских этнических групп; обе опубликованы под псевдонимом Аргус. Статьи тематикой и проблематикой близки друг другу: обе этнические группы длительное время жили в относительной географической изоляции, в высокогорье. Зейтунцы — в Таврских горах на территории Турции, соседствуя и взаимодействуя с тюркоязычными мусульманскими племенами, которых автор наименовал «туркменами». Армавирские армяне, названные автором по имени города, который они впоследствии основали, длительное время проживали в горах Кавказа, в Черкесии, и переселились на северокавказскую плоскость только в первой половине XIX века. Соседство и взаимодействие с горскими общинами, которые постепенно исламизировались, отразились на обычаях и быте и тех, и других. Аргусу удалось показать сходство и различия в результатах такого взаимодействия, что для 1880-х годов являлось ценным этнографическим наблюдением.

Характеризуя зейтунцев, он описал их «ревностными последователями веры своих праотцов, хотя они усвоили себе с давнего времени и язык, и нравы, и самый костюм туркменов. <...> Находясь в непрерывных сношениях и живя в мире с соседними мусульманами, так называемыми Хозан-Оглу, с которыми они вступали весьма часто в союз для защиты независимости своих гор, зейтунцы превратились по внешнему виду в совершенных туркменов; столь же отважные и храбрые, может быть и еще более, как войска Хозан-Оглу. Зейтунцы отличаются также качествами и привычками воинов и все преданы воинским упражнениям». Помимо военной подготовки жители Зейтуна в своем высокогорном и хорошо укрепленном городе занимались разработкой железнорудных залежей, производством металла и выделкой из него оружия и других изделий [79]. Текст о Зейтуне лаконичен; это, скорее, краткая этнографическая справка, что не удивительно при скудости сведений об этническом анклаве, жившем изолированно в труднодоступных горах и не допускавшем к себе иностранцев.

В отличие от описания зейтунцев очерк об армавирских армянах излагал интересные детали их жизни в горах Черкесии в течение ряда столетий. Автор использовал и их устное предание, и знания, полученные в годы работы над двухтомной «Историей Крыма», и свои впечатления от посещения Армавира. Предание армавирских армян сохранило память о том, что после разрушения древнего Армавира бежавшие из него жители обосновались в торговых центрах Османской империи, в том числе и в Крыму. «Как народ торговый, армавирские армяне завязали сношения с Черкесией и были главными, почти единственными торговыми посредниками между черкесами, Крымом и Турцией». Переселение их в горы Черкесии, где возникло несколько аулов с армянским населением, произошло, согласно преданию, по предложению черкесских князей. «Предложение черкесов <...> было тем более кстати, что в местах их прежнего поселения им жилось очень плохо и что горцы согласились не стеснять их религии, которая была сильно гонима, как в Крыму татарами, так и в Турции». Учитывая, что в этот период и сами черкесские племена «не были еще истинными последователями Корана», армяне-переселенцы не только сохранили свою веру. Они весьма удачно интегрировались в систему горских общественных отношений. Аргус упомянул об их куначестве с черкесами и другими горцами и довольно подробно описал прямое включение представителей армян в горский социум:

превращение в узденей (свободное служилое сословие. — *Н. С.*) черкесских князей и даже в аталыков — воспитателей, согласно обычаю, княжеских детей.

Одним из самых доходных предметов торговли в Черкесии в XVII–XVIII веках были пленники-рабы, поставлявшиеся в Турцию. В этой торговле ведущая роль принадлежала армянам. Аргус писал: «Армяне, щедро расплачиваясь с черкесами за покупаемых у них невольников, сильно способствовали этим размножению в горах разбоев, главной целью которых было похищение людей». Впрочем, в Черкесии в это время широко была распространена продажа в Турцию и собственных детей. «Кроме крайности, — заметил автор очерка, — черкесами иногда в этом случае руководила надежда, что их дети выйдут в люди в Турции или в Египте и достигнут высоких должностей». При посредничестве армян за физически развитых мальчиков и красивых девочек родители получали, если верить преданию, от 100 до 200 золотых голландских гульденов. Лишь одна очевидная неточность имелась в этом очерке: временем основания селения Армавир неподалеку от Прочного Окопа указана первая половина XVIII века. Реально это произошло в 1830-е годы. Видимо, датировка заимствована из предания армавирцев и не была проверена. Впрочем, в конце очерка Аргус привел свои впечатления от общения с армавирскими армянами, описав незнание многими из них и армянского языка, и истории Армении, и даже происхождения своих предков [80]. Это можно считать осторожной критикой сведений предания, использованного при создании текста.

Наконец, о самом псевдониме Аргус. С 1887 года редактор подписывал им свои статьи и заметки, посвященные обычаям и обрядности разных народов края, а также рассказы о смысле и значении важнейших христианских праздников и постов. Следует учитывать, что описание обычаев и быта того или иного этноса или этнической группы не вызывало, как правило, осложнений с цензурой. Статьи о праздничных обрядах обычно появлялись в «Донской пчеле» накануне того или иного праздника и отражали неизменный интерес И. А. Тер-Абрамиана к этнографическим сюжетам. Например, с большим удовольствием и не однажды «Донская пчела» (сам редактор и, возможно, с семьей) совершала вояж по реке в Старочеркасскую на празднование дня Ильи Пророка, что отражалось на страницах газеты.

А в 1887 году Иван Абрамович написал пространное эссе «Св. Илья Пророк по представлению русского народа» [81]. Если же случалась возможность представить читателям описание религиозных праздников других конфессий, редакция «Донской пчелы» ее не упускала. Так, вслед за описанием Аргусом великопостных обычаев у армян в одном из мартовских (1888 года) номеров газеты, в следующем номере был напечатан не менее познавательный очерк о смысле праздника Пейсах у евреев и его обрядности. Автор последнего подписался псевдонимом Космополит [82].

Этнографические публикации в газете не прекращались вплоть до завершения ее издания. Основанием этого утверждения может служить статья Аргуса «Святки. Исторические черты и значение их», обнаруженная случайно в небольшой подборке номеров за 1891–1893 годы, отсканированных с совершенно другой целью. С присущей ему обстоятельностью Аргус (Тер-Абрамиан) показал, что в святочных обычаях сохранилось от языческих времен, что вошло в празднование под влиянием церкви и как повлияла на святочные гулянья имперская власть [83]. Видимо, на страницах «Донской пчелы» за 1889–1893 годы сохранилась коллекция этнографических очерков, справок, этюдов о населении Приазовского края. Она должна была способствовать пониманию этносами-соседями быта и обычаев друг друга и подготавливала условия для диалога культур. К сожалению, более полное знакомство с этим комплексом публикаций в настоящее время невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иван Абрамович Тер-Абрамиан, создатель образцовой по организации дела типолитографии и основатель первой городской политической и литературной газеты, прибыл в Ростов-на-Дону зрелым человеком. Ему было 37 лет. За плечами имелся более чем двадцатилетний опыт работы в типографском деле — от выполнения самых примитивных подсобных работ до управляющего типографией Армянского Халибовского училища в Феодосии. Стремление Тер-Абрамиана к просветительской издательской деятельности определилось в годы работы в Феодосии. Здесь он получил опыт такой работы, сотрудничая с очень неординарным представителем иерархии Армянской церкви второй половины XIX века — Г. К. Айвазовским, руководившим одновременно Нахичевано-Бессарабской епархией и Халибовским училищем. В эти годы Иван Абрамович приобщился к написанию учебников и учебных пособий по истории Армении для армянских средних школ в России и в Турции, написал и издал двухтомную «Историю Крыма» на армянском языке. Приехав в 1871 году в Нахичеван-на-Дону, он имел вполне отчетливую цель — открыть типографию и издавать газету. Осмотревшись и оценив на месте конъюнктуру, Тер-Абрамиан решил начать типографское и издательское дело в Ростове, а не в Нахичеване. Подобный выбор в 1870-х годах делали и многие нахичеванские купцы, переводя свои предприятия в соседний город. Но, в отличие от них, И. А. Тер-Абрамиан переехал в Ростов не для занятий доходной коммерцией.

В Ростове И. А. Тер-Абрамиан стал первопроходцем типографского дела и пионером просветительской издательской работы. Его типолитография была единственной, отмеченной похвальной грамотой Екатеринославской торгово-промышленной выставки в 1874 году, спустя лишь два года после основания, а в 1882 получила медаль общероссийской промышленной выставки в Москве. Газета «Донская пчела» стала выходить с февраля

1876 года, только после получения ее редактором-издателем сословного статуса потомственного почетного гражданина. Лишь 19 дней отделяли решение Департамента герольдии Сената о присуждении И. Т.-А. Тер-Оганесянцу (фамилия Тер-Абрамиана по рождению) потомственного почетного гражданства от выхода в свет первого номера «Донской пчелы». Ожидание решения ведомства — свидетельство тонкого понимания Иваном Абрамовичем не только экономической, но и социальной конъюнктуры в городе, где всем заправляли нувориши — недавно разбогатевшие купцы-первогильдейцы. Однако только единицы из них имели потомственное почетное гражданство. С получением высшего статуса в городской сословной структуре империи редактор-издатель газеты стал вровень с ростовским купечеством, и с точки зрения законодательства эпохи даже выше: купцы первой гильдии в статусном рейтинге стояли на второй строчке.

Издание «Донской пчелы» имело ряд особенностей. Первая и самая очевидная заключалась в том, что материальная база издательской работы создавалась одновременно с выпуском газеты и во имя ее стабильного выхода в свет. Начав дело с небольшим капиталом и при 70 подписчиках, Иван Абрамович не рассчитывал на быстрый материальный успех. Бюджет газеты избавился от дефицита только в 1882 году, когда число подписчиков выросло до 500. Между тем уже в 1878 году Тер-Абрамиан приобрел дом и подворье на Б. Садовой у разорившегося коммерсанта М. Драшковича, что было разумным шагом, избавившим типографию, редакцию газеты и книжный магазин от арендной платы за наем чужих помещений. Эта покупка определила на перспективу и сам способ создания материальной базы издательской деятельности. Приобретение доходной недвижимости в центре Ростова и сдача ее в аренду предпринимателям стали средством как обеспечения потребностей быстро росшей семьи издателя, так и компенсации издательских расходов. Получение ренты домовладельца-собственника позволяло редактору «Донской пчелы» уделять все свое время реализации издательских проектов и работе типолитографии, а число принадлежавших ему зданий в течение 1880-х неуклонно росло. К концу десятилетия по ростово-нахичеванским меркам И. А. Тер-Абрамиан считался богатым человеком, что отметил секретарь редакции газеты в одной из публикаций 1887 года, а затем — нахичеванский городской голова Мин. И. Балабанов в речи на обеде в честь 15-летия издания газеты. Это позволило Ивану Абрамовичу стабильно

выпускать газету, не прибегая ни к субсидиям со стороны, ни к поиску партнеров-пайщиков. В 1890–1910-х годах на эту же ресурсную базу опирался его сын Арам Иванович в своей весьма затратной и неизменно самостоятельной издательской деятельности. Ко времени его управления унаследованной семейной недвижимостью относился принципиальный поворот в выборе арендаторов одного из зданий на Б. Садовой, 61: вместо традиционно помещавшихся в нем кафе или ресторанов в 1906 году здесь открылся электробиограф «Французский», а в 1914 его сменил театр миниатюр.

Усилия редакции по формированию слоя постоянных корреспондентов «Донской пчелы», усилия регулярные и многолетние, — еще одна особенность ее издания. У издателя со скромными средствами не было возможности открывать отделения газеты на местах, что, например, было характерно в конце XIX — начале XX века для «Приазовского края». Но имелась возможность призвать читателей-подписчиков к сотрудничеству с газетой. Такой призыв прозвучал в начале 1877 года и был услышан не только в Ростове и Нахичеване. Одновременно редактор определил требования к присылаемым материалам, а в 1879 году появилась и стала постоянной рубрика «Ответы редактора», где авторам сообщали о судьбе присланных материалов, о причинах отказа в публикации. Письменные ответы давались лишь в том случае, если автор предупреждал об этом заранее, а ростовцы и нахичеванцы в такой же ситуации приглашались для личных объяснений в редакцию. Итоги этой кропотливой работы привели к формированию не очень широкого, но относительно устойчивого круга корреспондентов в разных населенных пунктах Донской области, Екатеринославской губернии и Приазовья. Многие из них не один год присылали материалы в «Донскую пчелу», а некоторые — чуть ли не со времени ее основания, о чем свидетельствовали их приветственные письма по случаю 15-летия газеты.

На страницах газеты регулярно появлялись и письма читателей, обращавших внимание редакции на те или иные проблемы, связанные с состоянием городского хозяйства, благоустройством, деятельностью общественных и сословных организаций городов, выступлениями актерских трупп, гастролями исполнителей и т. д. Порой при этом затрагивались интересы отдельных лиц или организаций. Если последним было что ответить на претензии, редакция всегда предоставляла такую возможность. И. А. Тер-

Абрамиан не раз подчеркивал необходимость знать и учитывать различные мнения, точки зрения, оценки того или иного события или проблемы и находил место для них на страницах газеты. Разумеется, кроме тех, что заведомо были бы не пропущены цензурой. При публикации писем неукоснительно соблюдалось также требование редакции не использовать газету как площадку для сведения личных счетов и освещения взаимных дряг. Социальные акции «Донской пчелы»: кампания за установление воскресного отдыха приказчиков, завершившаяся полупобедой; настойчивые требования газеты и ее редактора установить таксу на печеный хлеб, не увенчавшиеся успехом, но широко освещенные на ее страницах; неоднократное обращение к проблемам городского женского труда, — отразились на репутации газеты. Примерно к середине 1880-х годов ростовским городским самоуправлением «Донская пчела» воспринималась как назойливая и досадная помеха, вынуждавшая городскую управу и думу реагировать на ее вопросы, инициативы и критику действий муниципальной власти. В то же время жители Ростова и Нахичевана, по крайней мере малообеспеченные и социально уязвимые, стали видеть в газете и ее редакторе выразителя своих нужд и своеобразного защитника.

Просветительский характер своих задач «Донская пчела» обозначила с первого года существования: просвещать местных жителей, способствовать осознанию ими своих нужд и интересов, содействовать умственному и нравственному образованию читателей, развитию их социальной активности. Первоначально территория влияния ограничивалась двумя соседними городами — Ростовом и Нахичеваном. Впоследствии редактор-издатель, отмечая ограниченность первоначальной программы газеты, подчеркивал, что и ее сложно было реализовать, преодолевая утрату изначальных иллюзий и принимая убытки. Рефлексия редактора по вопросам издания газеты выражалась в ежегодном осмыслении его итогов и корректировке задач дальнейшей работы, включавшем в себя как анализ содержания публикаций, так и текущих условий ее издания. Эти редакторские передовые позволили проследить эволюцию целей и задач просветительской программы. Территория влияния «Донской пчелы» и ее содержание существенно расширились уже в конце 1870-х годов. В конце 1877 года было заявлено, что с 1878 года «Донская пчела» будет издаваться как газета Приазовского края и ориентироваться на освещение нужд и условий жизни его полиэтничного населения.

Минимум предпосылок для такого заявления о намерениях уже был в лице подписчиков-корреспондентов в различных краевых населенных пунктах.

В 1879 году, поместив в первом номере газеты одновременно передовую о необходимости расширения просветительских публикаций для народов, проживавших в Приазовском крае по соседству друг с другом, и начало эссе «Воздушное путешествие “Донской пчелы”» с отчетливым определением задач просвещения армянского народа, рассеянного по всему миру, И. А. Тер-Абрамиан по существу заявил о сочетании двух направлений в своей просветительской издательской работе. Все последовавшие годы он действовал в соответствии с этой обозначенной особенностью. Просветительские публикации исторического и этнографического характера о народах Приазовья и Нижнего Дона превратились в постоянную компоненту содержания газеты с 1882–1883 годов, когда материалы, написанные самим редактором, стали соседствовать с историческими, этнографическими и статистическими очерками авторов-корреспондентов. Эти материалы должны были знакомить этносы, проживавшие в Приазовском крае, с обычаями и основными событиями истории друг друга, что, по мысли просветителя, должно было способствовать предотвращению конфликтов на бытовой почве. Информация «Донской пчелы» о событиях критических, вроде еврейских погромов на юге России (1881 и 1883), разгрома турецких гостиниц в Ростове (1887) и т. п. происшествиях, как правило, являлась именно описанием случившегося, без эмоциональной окраски, акцентирования и нагнетания страстей.

Статьи по истории и этнографии армян для газеты писал, как правило, сам редактор. Но этим дело не ограничивалось. Книгоиздательская деятельность Ивана Абрамовича в 1880-х годах была не чем иным, как трудом армянского просветителя, которому он, не афишируя особо эту сторону своей работы, отдавался практически до конца своей жизни. Исходил он из отчетливого представления о том, что народ, веками проживающий в диаспоре, может сохранять свою идентичность только зная родной язык и многовековую историю своего народа. Поэтому он создавал и публиковал пособия по овладению армянским языком для тех, кто стремился его освоить, и по изучению армянами русского языка как средства межнационального общения; перерабатывал и переиздавал свои же учебники и учебные пособия по

истории Армении, написал и издал «Священную историю Ветхого и Нового Завета с краткой историей Армянской церкви». Двоякая направленность просветительской работы должна была привести И. А. Тер-Абрамиана, — рано или поздно, но закономерно, — к диалогу разных культур на страницах его газеты, точнее, к формированию условий для его начала. Судя по публикациям исторического и этнографического характера в «Донской пчеле» во второй половине 1880-х, условия для этого диалога формировались усилиями как редакции, так и самого издателя. Об этом же свидетельствовал завершенный Иваном Абрамовичем, но, видимо, утраченный в 1898 году «Новый словарь древнего и разговорного армянского языка с русским переводом», над которым он работал около 15 лет.

Важнейшей составляющей просветительской программы были публикации по воспитанию и образованию подрастающего поколения. Редактор-просветитель разделял принципы воспитания педагогов-гуманистов своего времени и пропагандировал их на страницах «Донской пчелы». Он сам, его сотрудники и корреспонденты по мере возможностей защищали школы разного уровня, созданные в период реформ начала 1860-х, и право всех слоев населения России получать как общее, так и профессиональное образование. Заявления о необходимости образования для широких народных масс уточнялись смысловыми определениями — «умственное и нравственное». Следует при этом упомянуть примечательную особенность взглядов И. А. Тер-Абрамиана — сочетание просветительских воззрений с прочными религиозными убеждениями, с представлением о том, что нравственный прогресс личности возможен только на основе моральных постулатов религии, к которой человек принадлежит с рождения. Этим же объясняются заявления о необходимости устройства религиозных чтений для народа, не высказанные им на страницах «Донской пчелы», статьи о христианских религиозных праздниках и обычаях их проведения, публикации о смысле религиозных праздников других народов края и т. п. Для отечественных просветителей XIX — начала XX века такое сочетание светскости и религиозности — явление редкое, если не уникальное.

Формирование эстетических вкусов и потребностей человека редакция «Донской пчелы» считала одной из труднейших задач воспитания. Необходимость ее решения объяснялась тем, что любовь к изящным искусствам

смягчает грубые нравы, формирует у человека благородные устремления, отвращает от грубых и примитивных развлечений. Наиболее доступным для народа видом искусства сотрудники редакции считали театр, а театральную критику — средством борьбы с «псевдоэстетическим» на сцене и поддержанием театра как школы жизни. Поэтому среди литературно-художественной критики на страницах газеты доминировали театральные рецензии, звучали призывы к развитию обществ любителей театрального искусства и постановке любительских спектаклей, отслеживались даже разовые выступления любителей в городах края, о которых сообщалось читателям. Регулярно публиковались рецензии на концерты ростовских музыкантов-любителей и информация о деятельности ростовского музыкального общества, членом-соревнователем которого был И. А. Тер-Абрамиан. К концу 1880-х обозначилось увеличение объема литературной критики на страницах «Донской пчелы». Содержание «Пушкинского» номера в январе 1888 года свидетельствовало о том, в редакции газеты появились люди, способные к созданию качественных литературно-критических текстов. Но при этом явно обнаружилось, что формат издания газеты тормозит насыщение ее страниц подобными публикациями.

Решение издателя «Донской пчелы» о продаже газеты в сентябре 1893 года, спустя восемь месяцев после начала ее ежедневного издания, представляется и разумным, и своевременным. Не подвергая сомнению ссылку издателя на расстроенное состояние здоровья, следует отметить, что с января 1893 года газета, которую с лета 1892 года редактировал А. И. Тер-Абрамиан, стала третьим ежедневным ростовским изданием. Это не только усилило конкуренцию между ними, но могло также ускорить объединение «Приазовского края» С. Арутюнова и «Ростовских-на-Дону известий» Макс. Балабанова. Решение о продаже «Донской пчелы» было принято после заключения договора издателями-конкурентами, но до фактического объединения редакций газет и их типографий. Иван Абрамович в очередной раз продемонстрировал трезвую оценку сложившейся издательской конъюнктуры, избавился от собственности, ставшей проблемной, а издательскую деятельность наследника направил в русло, где в обозримом будущем конкуренция не угрожала.

Арам Иванович Тер-Абрамиан в течение 17 с лишним лет — с 1895 по 1912 год — издавал справочные книги администрации, промышленности

и торговли «Весь Ростов-на-Дону» (1895–1898), «Вся область Войска Донского» (1899–1900), «Вся Донская область и Северный Кавказ» (1901–1912) и «Весь Ростов и Нахичеван-на-Дону» (1908–1912). На титуле каждой книги обозначался очередной год его издательской деятельности, а не порядковый год издания той или иной серии. Незнание этой неприметной тонкости дела по сей день порождает неточности в библиографических указателях. Между тем таким же принципом руководствовался и Тер-Абрамиан-старший при издании своих календарей-ежегодников. А. И. Тер-Абрамиан своей издательской работой формировал информационную структуру для регионального бизнеса, так как сведения, собранные и проверенные его помощниками, помогали в поиске поставщиков, покупателей и возможных партнеров. Периодически публиковавшиеся в книгах статистические обзоры, в основном по Ростову и Нахичевану, насыщали эту информацию дополнительным содержанием. Одновременно их можно рассматривать и как просветительские аспекты содержания сборников, ибо значимость статистики для определения направлений дальнейшего развития была особо подчеркнута Арамом Ивановичем уже в первых выпусках книги «Весь Ростов-на-Дону». Справочные книги содержали информацию, полезную для формирования региональных общественных и культурно-образовательных структур. В них публиковались ежегодно обновлявшиеся данные о различных обществах с указанием их уставных задач, учреждениях образования, культуры и т. д. Одновременно все это делает сохранившиеся экземпляры каждой из серий ценным историческим источником, который используется специалистами явно недостаточно, хотя и в большей степени, чем «Донская пчела». Подготовка справочных книг и их издание происходили за счет издателя, а Арам Иванович примерно две трети времени из 17 лет издания был и редактором сборников.

Издатели Тер-Абрамианы — отец Иван Абрамович и его сын Арам Иванович — своей деятельностью внесли значимый вклад в формирование социокультурного облика пореформенного Ростова-на-Дону. В 1870-х годах в крупном коммерческом центре юга России был создан очаг культурного влияния на население двух городов-соседей, а затем и края. С учетом изменений издательской политики в середине 1890-х годов очаг этот теплился в общей сложности 40 лет. Правомерно говорить о том, что Ростов-на-Дону в конце XIX — начале XX века влиял на Приазовский край не только как его

важнейший торговый и промышленный центр, что существовали и вполне зримые аспекты его культурного влияния. Литературная и политическая газета «Донская пчела» была просветительским проектом, первоначально носившим городской характер. За исключением первых двух лет издания она последовательно развивалась именно как краевая газета, ставшая площадкой для подготовки диалога культур народов, его населявших. В этом контексте газета Тер-Абрамианов видится прямой предшественницей «Приазовского края», основанного С. Х. Арутюновым в 1891 году. А издательская работа А. И. Тер-Абрамиана по формированию региональной экономической и социокультурной информационной базы, обновляемой ежегодным изданием справочных книг, была оригинальным и своеобразным аспектом культурного влияния Ростова, не имевшим в крае ни аналогов, ни продолжателей.

Издательская деятельность Тер-Абрамианов положила начало формированию культурной функции Ростова-на-Дону как крупного центра урбанизации, продолженную затем С. Х. Арутюновым и его «Приазовским краем», а также и книгоиздательством «Донская речь» Н. Е. Парамонова. История периодических изданий в Ростове-на-Дону в конце XIX — начале XX века уточняет также и представления о роли ростовской армянской общины, существующие в историческом краеведении. Армяне не только вели в городе обширную оптово-розничную торговлю, не только строили в центре Ростова капитальные доходные дома, по сей день его украшающие. Двое из троих издателей-просветителей старого Ростова, стремившихся распространить культурное влияние своих изданий далеко за пределы большого торгового города, были армянами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Самарина Н. Серафим Арутюнов. Огненный дух просветительства (сер. «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Ростов-на-Дону, 2024.

2. Каневский С. Б. Кое-что из местной жизни // Донская пчела. 1887. № 37. 24 мая.

3. Не цитирую авторские оценки Ростова и редактора «Донской пчелы» намеренно, текст они не способны украсить. — См.: Филиппов С. Поволжье, Дон и Кавказ. Путевые эскизы и силуэты. М., 1887. С. 350–356.

4. Камнев С. Из ростовской старины. Театральные воспоминания // Приазовский край. 1894. 24 мая.

5. Кольцов И. С низовьев Дона. Путевые заметки // Дело. 1882. № 8. С. 285–312; № 9. С. 69–96; № 10. С. 55–86.

6. Там же. № 9. С. 73–74.

7. Кузнецов И. А. Прошлое Ростова. Очерки по истории города Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2002. С. 264.

8. Алексанов И. И. А. Тер-Абрамиан. Некролог // Приазовский край. 1899. 10 апреля.

9. Мардарьев Н. Из истории «Приазовского края». К 25-летию издания газеты // Приазовский край. 1916. 1 января.

10. Тарский А. (Тараховский А. Б.). Четверть века на страже общественных интересов. Отрывки воспоминаний // Там же.

11. Стефанов А. Т. Библиографический указатель статей о Ростове-на-Дону и Приазовье, помещенных в местной и краевой прессе // Записки Ростовского-на-Дону общества любителей истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1912. С. 233–239. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/bv0000106/view/?#page=1> (дата обращения: 02.02.2026).

12. Стефанов А. Т. Библиографический указатель статей о Ростове... // Записки Ростовского-на-Дону общества любителей истории, древностей и природы. Т. 2. Ростов-на-Дону. 1914. С. 270–282. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/bv0000107/view/?#page=1> (дата обращения: 02.02.2026).

13. Периодическая печать дореволюционного Дона. Библиографический указатель. 1841–1916. Ростов-на-Дону, 1963. С. 18.

14. Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. Ростов-на-Дону, 2001; Его же. Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. Ростов-на-Дону, 2001; Его же. Правительственная печать России (конец XIX в. — февраль 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2000; и др.

15. Енина И. А. «Донская пчела» в 1876–1892 годах // Донской временник. Ростов-на-Дону, 2001. С. 19–21; Волошинова В. Ф. Тер-Абрамианы — просветители, инженеры, музыканты // Там же. С. 23–25; Волошинова Л. Ф. Доходный дом книгоиздателя И. А. Тер-Абрамиана // Там же. С. 21–23.

16. Енина И. А. «Донская пчела» в 1876–1892 годах // Донской архив. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2007. С. 56–60.

17. Донская пчела. Годовые комплекты. URL: https://primo.nlr.ru/primo-explore/jfulldisplay?docid=07NLR_LMS010309923&context=L&vid=07NLR_VU1&lang=ru_RU&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=jsearch_slot&query=any,contains,Донская%20пчела&offset=0&journals=any,Донская%20пчела (дата обращения: 02.02.2026).

18. Ростов-Нахичеванский календарь на 1875, 1876, 1878 гг. Ростов-на-Дону: Изд. И. А. Тер-Абрамиан. 1874, 1875, 1877; Донско-Азовский календарь на 1887, 1889, 1891–1893 гг. Ростов-на-Дону: Изд. И. А. Тер-Абрамиан, 1886, 1888, 1890–1892; Весь Ростов-на-Дону на 1895–1897 гг. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1895–1897; Весь Ростов и Нахичеван-на-Дону на 1908. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1908; Вся область Войска Донского на 1899, 1900 годы. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1899, 1900; Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901–1905, 1907–1912 гг. Ростов на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1901–1905, 1907–1912.

19. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1882, 1884, 1886, 1888; Журналы Ростовской-на-Дону городской думы за 1887. Б. м. Б. г.

20. Российский государственный исторический архив РФ (далее — РГИА РФ). Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4768; Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 49. Оп. 1. Д. 97; Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 803. Оп. 3. Д. 37–39.

21. Полное собрание законов Российской империи. (далее — ПСЗ РИ). Собрание 2. Т. 7; Т. 44. Ч. 1; Т. 45. Ч. 1; Т. 46. Ч. 1.

22. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога и других сборов на 1894 год. Ростов-на-Дону, 1894; Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога и других сборов на 1900 год. Ростов-на-Дону, 1900; Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога и других сборов на 1905 год. Ростов-на-Дону, 1905; Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога и других сборов на 1911. Ростов-на-Дону, 1911.

Глава 1

1. Алексанов И. И. А. Тер-Абрамиан. Некролог // Приазовский край. 1899. 10 апреля.

2. СПбФ АРАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 97. Л. 4.

3. РГИА РФ. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4768. Л. 2.

4. Там же. Л. 14.

5. Там же. Л. 15.

6. Там же. Л. 3.

7. Рекламное объявление типографии Тер-Абрамиана. Б. г. (предположительно 1876).

8. Ред.-Изд. Архиепископ Гавриил Айвазовский // Донская пчела. 1880. № № 30 и 31.

9. Там же. Донская пчела. № 30. 1 мая.

10. Там же. Донская пчела. № 31. 4 мая.

11. Там же.

12. Родословное древо из личного архива В. И. Тер-Абрамиана, правнука и внука ростовских издателей.

13. Указ. рекламное объявление типографии.

14. Алексанов И. Указ соч. // Приазовский край. 1899. 10 апреля.
15. Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 238.
16. РГИА РФ. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4768. Л. 2.
17. Там же. Л. 1–1об.
18. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 7. С. 193.
19. Законы о состояниях. Издание неофициальное с разъяснениями. Сост. А. Я. Канторович. Изд. 2, дополненное. СПб., 1911. С. 275–576.
20. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 7. С. 194.
21. Свод законов Российской империи. (далее — СЗ РИ). Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. С. 121.
22. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 44. Ч. 1. С. 521–522.
23. СЗ РИ. Т. IX. С. 86.
24. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 45. Ч. 1. С. 610.
25. Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 203.
26. РГИА РФ. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4768. Л. 5–5об.
27. Там же. Л. 8.
28. Там же. Л. 14.
29. Там же. Л. 15.
30. Там же. Л. 9–9об.
31. Там же. Л. 12.
32. Там же. Л. 13–13об.; 14–21.
33. Там же. Л. 22–23об.
34. Там же. Л. 25об.–26.
35. Донская пчела. 1891. № 10. 7 февраля.
36. Еще одна безвременная могила // Донская пчела. 1886. № 52. 13 июля.
37. Родословное древо из личного архива В. И. Тер-Абрамиана.
38. Обыск брачный № 168 22 октября 1917 г. Екатеринославской епархии Ростовского округа Александро-Невской церкви г. Нахичевана-на-Дону. Из коллекции ростовского краеведа А. Н. Овчинникова.
39. ГАРО. Ф. 803. Оп. 3. Д. 37. Л. 42; Д. 38. Л. 16; Д. 39. Л. 41.

40. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону... на 1905 год. С. 230, 232, 234, 248, 277.
41. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону... на 1911. С. 108, 116, 132.
42. Объявление // Донская пчела. 1878. № 65. 31 августа.
43. Объявление об аренде сада // Донская пчела. 1878. № 56. 27 июля.
44. Объявление об аренде флигеля // Донская пчела. 1878. № 49. 2 июля.
45. Объявление об открытии кафе // Донская пчела. 1879. № 1. 1 января.
46. Объявление об открытии ресторана // Донская пчела. 1885. № 73. 3 октября.
47. Хроника // Донская пчела. 1878. № 92. 10 декабря.
48. Передовая // Донская пчела. 1882. № 17. 7 марта.
49. Камнев С. Указ. соч. // Приазовский край. 1894. 24 мая.
50. Объявление о работе кафе // Донская пчела. 1881. № 82. 1 ноября.
51. Реклама заведения Жан-Левина // Донская пчела. 1880. № 70. 18 сентября.
52. Объявление об аренде комнат во Владикавказском подворье // Донская пчела. 1884. № 51. 12 июля.
53. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1886. 1 мая.
54. Открытие панорамы // Донская пчела. 1887. № 73. 4 октября.
55. Объявления // Донская пчела. 1888. № 3. 14 января и № 4. 17 января.
56. Реклама ресторана «Славянский базар» // Донская пчела. 1888. № 10. 7 февраля.
57. Обращение О. Бишо к «почтеннейшей публике» // Донская пчела. 1888. № 99. 29 декабря.
58. Волошинова Л. Ф. Указ. соч. // Донской временник. 2001. С. 21–23.
59. Донско-Азовский календарь на 1892 год. Ростов-на-Дону, 1891. С. 174.
60. Список абонентов Ростовской н-Д городской телефонной сети. Ростов-на-Дону, 1914. С. 162.
61. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1888. 26 августа.
62. Объявление о работе бань // Донско-Азовский календарь на 1891 год. Ростов-на-Дону, 1890. С. 242.

63. А. Баня и влияние ее на человеческий организм // Донская пчела. 1887. № 78. 22 октября; № 79. 25 октября; № 80. 29 октября.

64. Материалы о 15-летию газеты // Донская пчела. 1891. № 10. 7 февраля.

65. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону... на 1894 год. С. 201.

66. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону... на 1900 год. С. 213.

Глава 2

1. Енина И. А. «Донская пчела» в 1876–1892 годах // Донской архив. Выпуск 2. С. 56.

2. Передовая к 10-летию газеты // Донская пчела. 1885. № 96. 26 декабря.

3. Каневский С. Б. Литературное обозрение // Донская пчела. 1886. № 88. 20 ноября.

4. Передовая об издании «Екатеринославского листка» // Донская пчела. 1882. № 46. 24 июня.

5. Передовая к 10-летию газеты // Донская пчела. 1885. № 95. 22 декабря.

6. Передовая к 10-летию газеты // Донская пчела. 1885. № 94. 19 декабря.

7. Передовая к 10-летию газеты // Донская пчела. 1885. № 95. 22 декабря.

8. Хроника // Донская пчела. 1877. № 7. 23 января.

9. Передовая об издании «Екатеринославского листка» // Донская пчела. 1882. № 46. 24 июня.

10. Объявление о подписке на российскую периодику // Донская пчела. 1879. № 88. 22 ноября.

11. Каневский С. Б. Литературное обозрение // Донская пчела. 1886. № 88. 20 ноября.

12. Хроника // Донская пчела. 1887. № 27. 19 апреля.

13. Каневский С. Б. Кое-что о местной жизни // Донская пчела. 1887. № 25. 12 апреля.

14. М-лов. Кто виноват? // Донская пчела. 1887. № 28. 23 апреля.

15. Ответы редактора // Донская пчела. 1887. № 29. 26 апреля.

16. Передовая статья // Донская пчела 1887. № 39. 31 мая.
17. Передовая статья // Донская пчела. 1878. № 91. 3 декабря.
18. Передовая статья // Донская пчела. 1880. № 98. 25 декабря.
19. Небессмертный. Немножко истории // Приазовский край. 1899. 15 марта.
20. Передовая // Донская пчела. 1882. № 46. 24 июня.
21. Приазовский край. 1899. 10 апреля.
22. Кольцов И. Указ. соч. // Дело. 1882. № 9. С. 74–75.
23. Каневский С. Б. Литературное обозрение // Донская пчела. 1886. № 89. 23 ноября.
24. Передовая // Донская пчела. 1881. № 85. 12 ноября.
25. Хроника // Донская пчела. 1882. № 67. 5 сентября.
26. Передовая // Донская пчела. 1882. № 82. 28 октября.
27. Передовая // Донская пчела. 1884. № 6. 26 января.
28. Передовая о новом проекте конки // Донская пчела. 1884. № 30. 29 апреля.
29. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1884. 27 мая; 3 июня.
30. Передовая о заявлении городской управы // Донская пчела. 1884. № 57. 2 августа.
31. Передовая о решении нахичеванской комиссии по подготовке к 100-летию города // Донская пчела. 1878. № 94. 17 декабря.
32. Передовая об обсуждении в ростовской думе предложения нахичеванской думы о конке // Донская пчела. 1879. № 27. 15 апреля
33. Передовая о комиссии ростовской думы по проекту конки // Донская пчела. 1883. № 32. 5 мая.
34. Передовая с итогами 12 лет редакторской работы // Донская пчела. 1887. № 88. 26 ноября.
35. Передовая о том, кого избирать в гласные // Донская пчела. 1887. № 91. 6 декабря.
36. Передовая с программой газеты на 1877 год // Донская пчела. 1877. № 1. 2 января.
37. Передовая о корреспондентах провинциальной печати // Донская пчела. 1877. № 46. 19 июня.

38. Ответы редактора // Донская пчела. 1887. № 79. 25 октября.
39. Ответы редактора // Донская пчела. 1885: № 31. 2 мая; № 34. 12 мая; 1886: № 7. 30 января; № 28. 20 апреля; 1887: № 57. 2 августа; 1888: № 1. 31 декабря 1887.
40. К нашим корреспондентам // Донская пчела. 1888. № 67. 1 сентября.
41. Передовая об издании «Екатеринославского листка» // Донская пчела. 1882. № 46. 24 июня.
42. Костенецкий И. Об общественных нравах, существующих и желательных // Донская пчела. 1882. № 93–94. 5, 8 декабря.
43. Его же. Все мы жаждем свободы, а стремимся к рабству // Донская пчела. 1882. № 96. 16 декабря.
44. Его же. Причины падения нравственности женщины и его последствия // Донская пчела. 1883. № 7. 27 января.
45. Его же. Высокое призвание женщины // Донская пчела. 1883. № 65, 66. 1, 4 сентября.
46. Его же. О промысле Божьем в судьбах мира и человека // Донская пчела. 1883. № 47. 26 июня.
47. Его же. Ищите и обрящете истину // Донская пчела. 1884. № 22. 25 марта.
48. Реклама книги А. Костенецкого // Донская пчела. 1882. № 69. 12 сентября.
49. Костенецкий И. Воспоминание о Н. И. Пирогове // Донская пчела. 1881. № 37. 24 мая.
50. Максименко Ф. Об улучшении русского церковного пения и об улучшении быта певчих // Донская пчела. 1880. № 51. 13 июля; № 53. 20 июля.
51. Его же. Цель и задачи гимнастики как фактора физического воспитания юношества // Донская пчела. 1879. № 87. 18 ноября; № 97. 23 декабря.
52. Его же. По поводу слуха о переводе учительского института из Феодосии в Керчь // Донская пчела. 1880. № 18. 9 марта.
53. Хроника // Донская пчела. 1880. № 14. 21 февраля.
54. Максименко Ф. Несколько слов по поводу проекта Временных правил об азовско-донском рыболовстве // Донская пчела. 1885. № 78. 20 октября; № 80. 27 октября; № 82. 3 ноября.

55. Брошюра Г. Чалхушьяна о Патканяне // Донская пчела. 1886. № 44. 15 июня.
56. Чалхушьян Г. Шильонский замок // Донская пчела. 1888. № 2. 10 января; Его же. Дым отечества // Там же. 1888. № 10. 7 февраля; Его же. Кляранское кладбище // Там же. 1888. № 37. 19 мая.
57. Передовая о 10-летию газеты // Донская пчела. 1885. № 94. 19 декабря.
58. Небессмертный. Немного истории // Приазовский край. 1899. 15 марта.
59. Хроника. Некролог Н. Тихонова // Приазовский край. 1899. 5 марта.
60. Тихонов Н. Краткий очерк о Ростове и его торговле // Ростов-Нахичеванский календарь на 1876 год. Ростов-на-Дону. 1875. С. 132–149.
61. Алексанов И. В путь-дорогу. «Южный телеграф» // Южный телеграф. 1902. № 2. 25 августа.
62. Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1994. С. 54.
63. Кресло № 237. Любовь и предрассудок. Комедия в 3 действиях // Донская пчела. 1878. № 39. 14 мая.
64. За редактора Полумаска. «Эхо». Газета не политическая, не литературная, не экономическая, и не пр. не пр. Выходит разновременно. № 1 // Донская пчела. 1878. № 13. 12 февраля.
65. Борзенко В. В. Псевдонимы донских журналистов и общественных деятелей XIX — начала XX века // Донской временник. Год 2008-й. Вып. 16. Ростов-на-Дону: ДГПБ, 2007. С. 209–215. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=956 (дата обращения: 29.10.2025)
66. См. напр.: Барон фон Клак. Кое-что из ростовской жизни // Донская пчела. 1879. № 85. 11 ноября.
67. См.: Полумаска. С бору да с сосенки // Донская пчела. 1880. № 80. 23 октября; Небессмертный. С бору да с сосенки // Донская пчела. 1881. № 86. 15 ноября.
68. См.: Алексанов И. Театр // Донская пчела. 1881. № 32. 7 мая; И. Я. Полумаска. В мире эстетики // Донская пчела. 1881. № 54. 23 июля.
69. Смесь. Крошка-газетка. № 1. Выходит бессрочно — когда вздумается // Донская пчела. 1884. № 16. 4 марта.

70. Краткая история Армении // Донская пчела. 1884. № 27. 19 апреля.
71. Алексанов И. Письмо в редакцию и комментарий редактора // Донская пчела. 1884. № 16. 4 марта.
72. От редакции // Донская пчела. 1885. № 93. 15 декабря.
73. Отчет о юбилее газеты // Донская пчела. 1891. № 10. 7 февраля.
74. Щербаков А. С. Переправа больных русских воинов из Сан-Стефано в Россию. (Из забытых записок врача о турецкой войне 1877–1878 гг.) // Донская пчела. 1882. № 98. 23 декабря.
75. Его же. По поводу лечения от запоя г. Кассино // Донская пчела. 1883. № 14. 24 февраля.
76. Передовая о ночных дежурствах врачей // Донская пчела. 1883. № 18. 10 марта; Щербаков А. С. По поводу ночных дежурств врачей в городе Ростове-на-Дону // Донская пчела. 1883. № 19. 13 марта.
77. Его же. Три очерка из жизни московских меблированных комнат. Студенческие воспоминания // Донская пчела. 1884. № 30. 29 апреля; № 31. 3 мая.
78. Енина И. А. Указ соч. С. 60.
79. Кегульский С. (Кресло 3 ряда). Письмо в редакцию // Донская пчела. 1885. № 93. 15 декабря.
80. Дело суфлера малорусской труппы А. Манько с г. Кегульским // Донская пчела. 1886. № 14. 27 февраля.
81. Все тот же. Текущие дела и делишки // Донская пчела. 1886. № 44. 15 июня.
82. Его же. Текущие дела и делишки // Донская пчела. 1886. № 40. 1 июня.
83. Его же. Текущие дела и делишки // Донская пчела. 1886. № 51. 10 июля.
84. Объявление о приеме клиентов по судебным делам // Донская пчела. 1886. № 89. 23 ноября.
85. Каневский С. Б. Мировая юстиция прежде и теперь // Донская пчела. 1886. № 67. 7 сентября; Его же. О предварительном следствии // Там же. 1886. № 70. 18 сентября; Его же. По поводу присяжных заседателей // Там же. 1886. № 81. 26 октября.

86. Каневский С. Б. Горе от ума. Разбор, значение и главная идея пьесы. // Донская пчела. 1886. № 92. 4 декабря.
87. Его же. Ростовщики-вампиры // Донская пчела. 1886. № 71–72 и 74–75. 21, 25 сентября, 2, 9 октября.
88. Его же. Паспортный вопрос // Там же. 1886. № 83. 2 ноября.
89. Его же. Неприглядная жизнь // Там же. 1886. № 85. 9 ноября; Его же. наброски // Там же. 1886. № 89. 23 ноября.
90. Его же. Дело Хармаджева // Донская пчела. 1886. № 88. 20 ноября.
91. Судебная хроника. Дело Корнелио с Хохловой // Донская пчела. 1887. № 16. 5 марта.
92. Судебная хроника. Дело Козловых и др., обвинявшихся в составлении преступной шайки // Донская пчела. 1887. № 18. 12 марта; № 19. 15 марта; № 20. 19 марта.
93. Каневский С. Б. Невеста-самоубийца // Донская пчела. 1886. № 73. 28 сентября; № 75. 5 октября; № 76. 9 октября.
94. Его же. Не в деньгах счастье // Донская пчела. 1887. № 17, 19, 20, 21, 22, 24 от 8, 15, 19, 22, 29 марта и 9 апреля.
95. Его же. Самоотравление невесты // Донская пчела. 1887. № 2. 11 января.
96. Его же. От сумы и от тюрьмы не откайся // Донская пчела. 1887. № 4. 18 января.
97. Каневский С. Б. Письмо в редакцию // Донская пчела. 1888. № 27. 10 апреля; Браиловский Я. М. Письмо в редакцию // Там же. № 28. 14 апреля.
98. Ответы редактора // Донская пчела. 1887. № 79. 25 октября.
99. Огуз И. Взгляд на пройденное // Донская пчела. 1891. № 9. 31 января.
100. К нашим читателям. // Донская пчела. 1888. № 67. 1 сентября.
101. Кольцов И. Указ соч. // Дело. 1882. № 9. С. 74.
102. Алексанов И. И. А. Тер-Абрамиан. Некролог // Приазовский край. 1899. 10 апреля.
103. Хроника // Донская пчела. 1880. № 10. 7 февраля.
104. Почитание воскресного дня // Донская пчела. 1882. № 16. 4 марта.
105. Передовая о необходимости праздничного отдыха приказчиков // Донская пчела. 1881. № 29. 26 апреля.

106. И. А-в (Алексанов). Приказчиий вопрос // Донская пчела. 1882. № 6. 24 января.
107. Приказчиий вопрос // Донская пчела. 1882. № 22. 25 марта.
108. Мерошниченко М. Ф. Письмо в редакцию // Донская пчела. 1882. № 26. 11 апреля.
109. Хроника // Донская пчела. 1882. № 34. 9 мая.
110. Хроника. К приказчиьему вопросу // Донская пчела. 1882. № 32. 2 мая.
111. Журнал заседания Ростовской на-Дону городской думы 9 апреля 1882 // Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1882. № 21. 23 апреля.
112. Вниманию нашей думы // Донская пчела. 1882. № 34. 9 мая.
113. Журнал заседания Ростовской-на-Дону городской думы 11 мая 1882 // Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1882. № 23. 6 июня.
114. Решение приказчиьего вопроса // Донская пчела. 1882. № 35. 13 мая.
115. Передовая о решении приказчиьего вопроса ростовской думой // Донская пчела. 1882. № 36. 16 мая.
116. Передовая по поводу приказчиьего вопроса в Нахичеване // Донская пчела. 1882. № 56. 29 июля.
117. К приказчиьему вопросу в Нахичеване // Донская пчела. 1883. № 93. 11 декабря.
118. Передовые о работающих ростовских женщинах // Донская пчела. 1882. № 41, 44, 45, 47 от 6, 17, 20, 27 июня.
119. Журнал заседаний Ростовской-на-Дону городской думы 23 ноября 1884 // Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1884. № 49. 2 декабря.
120. Письмо о несоблюдении воскресного отдыха в модных мастерских // Донская пчела. 1885. № 33. 9 мая.
121. Передовая о положении швей в модных мастерских Ростова // Донская пчела. 1888. № 89. 17 ноября.
122. О необходимости установления таксы на печеный хлеб в Ростове // Донская пчела. 1879. № 86. 15 ноября.

123. Журнал заседания Ростовской на-Дону городской управы 6 сентября 1884 // Ведомости Ростовской городской управы. 1884. № 38. 16 сентября.

124. Передовые статьи о дороговизне хлеба // Донская пчела. 1880. № 62. 21 августа; Там же. 1883. № 7. 27 января; № 39. 29 мая; Там же. 1884. № 45. 21 июня и др.

125. К дороговизне печеного хлеба // Донская пчела. 1884. № 76. 14 октября.

126. Журнал заседания Ростовской-на-Дону городской думы 8 октября 1884 // Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1884. № 43. 21 октября.

127. Передовая по итогам заседания городской думы Ростова 8 октября // Донская пчела. 1884. № 79. 25 октября.

128. Передовая о дорогом печеном хлебе в Ростове // Донская пчела. 1885. № 34. 12 мая.

129. Передовая о таксе на хлеб и ее противниках в ростовской думе // Донская пчела. 1885. № 77. 17 октября.

130. Передовые с идеей создания городской пекарни // Донская пчела. 1885. № 74. 6 октября; Там же. 1886. № 28. 20 апреля; № 62. 17 августа и др.

131. Заседание Ростовской-на-Дону городской думы 22 января 1887 // Журналы Ростовской-на-Дону городской думы за 1887. Б. м. Б. г. С. 55; Передовая о заседании думской комиссии по таксе на хлеб // Донская пчела. 1887. № 8. 1 февраля.

132. Заседание Ростовской-на-Дону городской думы 3 марта 1887 // Журналы Ростовской-на-Дону городской думы за 1887. С. 63–65.

133. Сельский календарь на 1889 год // Донская пчела. 1888. № 78. 9 октября.

134. Передовая о необходимости создания статистического комитета в Ростове // Донская пчела. 1879. № 79. 21 октября; Передовая с предложением составить статистический указатель торгово-промышленных заведений по Ростову и уезду // Там же. 1880. № 89. 23 ноября.

135. Сведения о сплаве товаров по Дону в Ростов 1869–1876; Сведения о вывозе товаров из Ростова через гирла 1866–1876 // Донская пчела. 1877. № 14–15. 20, 24 февраля.

136. N. N. Недостаток содержания учителей начальных училищ г. Ростова-на-Дону // Донская пчела. 1881. № 29. 26 апреля.

137. Объявление о выходе Донско-Азовского календаря на 1887 год // Донская пчела. 1886. № 69. 14 сентября.

138. Передовая о 10 годах издания газеты // Донская пчела. 1885. № 95. 22 декабря.

139. И. дер Мануков. Несколько слов о городе Нахичеване // Ростов-Нахичеванский календарь на 1875 год. Ростов-на-Дону. 1874. С. 85–101; Тихонов Н. Указ соч. // Ростов-Нахичеванский календарь на 1876. Ростов-на-Дону. 1875. С. 132–149; Объявление о содержании календаря на 1878 год // Донская пчела. 1877. № 92.

140. Объявление о выходе Донско-Азовского календаря на 1882 // Донская пчела. 1881. 13 декабря; Нахичеван-на-Дону, его прошлое и настоящее // Донско-Азовский календарь на 1887. Ростов-на-Дону, 1886. С. 113–128; Тер-Абрамиан И. А. Новочеркасск и войско Донское. Исторический и географический очерк // Донско-Азовский календарь на 1889. Ростов-на-Дону, 1888. С. 109–144.

141. Исторический очерк Приазовского края // Донско-Азовский календарь на 1891 год. Ростов-на-Дону, 1890. С. 115–124; Тер-Абрамиан И. А. Ростов-на-Дону, его история, статистика и экономическое положение в настоящее время // Там же. С. 125–154; Объяснение общеупотребительных иностранных слов, встречающихся в наших книгах и газетах // Донско-Азовский календарь на 1892. Ростов-на-Дону, 1891. С. 124–138.

142. Объявление о продаже книг в книжном магазине Тер-Абрамиана // Донская пчела. 1881. № 28. 23 апреля.

143. Объявление о продаже книг на армянском языке // Донская пчела. 1888. № 17. 3 марта

144. Объявление о выходе методического пособия // Донская пчела. 1882. 18 июля; Объявление о выходе учебного пособия // Донская пчела. 1884. 8 ноября.

145. Объявления о выходе и продаже книг П. Ященко // Донская пчела. 1884. 25 октября; 1887. 18 октября.

146. Передельский Е. Полянка. Окончание повести // Донская пчела. 1884. № 76. 14 октября.

147. Хроника // Приазовский край. 1898. 26 июня.
148. Волошинова В. Ф. Тер-Абрамианы — просветители, инженеры, музыканты // Донской временник. Год 2001-й. Ростов-на-Дону, 2001. С. 23.
149. См.: Выходные данные газеты // Донская пчела. 1892. № 63. 9 августа; № 64. 13 августа.
150. Подписка на «Донскую пчелу» на 1893 год // Донская пчела. 1892. № 96. 3 декабря.
151. Передовая о перспективах газеты // Донская пчела». 1893. № 1801. 1 января.
152. Тарский А. Четверть века на страже общественных интересов // Приазовский край. 1916. 1 января.
153. См. подробнее: Самарина Н. Серафим Арутюнов. Огненный дух просветительства. С. 30–34.
154. Цит. по: Самарина Н. Указ. соч. С. 31.
155. Подписка на газету «Юг» на 1894 г. // Юг. 1893. № 55. 30 декабря.
156. См.: Юг. 1894. № 131, 132. 29, 30 декабря; 1895. № 133–135. 15–17 ноября.
157. Кузнецов И. А. Указ. соч. С. 264–265.
158. Самарина Н. Указ. соч. С. 24–25.
159. Весь Ростов-на-Дону на 1895 год. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1894. С. 35.
160. Весь Ростов-на-Дону на 1896. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1896. С. 45.
161. Камков П. Ростов-на-Дону. Историко-статистический очерк // Там же. С. 146–162; Г. Краткий обзор торговли и промышленности Ростова и Нахичевана-на-Дону // Там же. С. 163–173; Гр. Шрейдер. Нахичеван-на-Дону // Там же. С. 288–294.
162. См. подробнее: Самарина Н. В. Ростовъ — самый удивительный уездный город России. 2-е изд., испр. и доп. Ростов-на-Дону, 2024. С. 20–21.
163. И. Куз-вь (И. Кузнецов). Прошлое г. Ростова-на-Дону // Весь Ростов-на-Дону на 1897 год. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1897. С. 159–178; Статистический очерк г. Ростова-на-Дону // Там же. С. 179–190.

164. Приазовский край. 1898. 26 июня.
165. Траурное объявление // Приазовский край. 1899. 9 апреля; Хроника // Там же. 13 апреля.
166. Предисловие // Вся Область Войска Донского на 1899 год. Ростов-на-Дону, 1899. С. 11.
167. Там же. С. 24–34.
168. Предисловие // Вся Область Войска Донского на 1900 год. Справочная книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону, 1900. С. 9.
169. Общество взаимного вспоможения приказчиков // Там же. С. 364–365.
170. Предисловие // Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону, 1901. С. 74.
171. От редакции издания // Вся Донская область и Северный Кавказ на 1903 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону, 1903. С. 52.
172. Предисловие // Вся Донская область и Северный Кавказ на 1904 год. Книга администрации, промышленности и торговли. Ростов-на-Дону, 1904. С. 47.
173. См. напр.: Вся Донская область и Северный Кавказ на 1905 год. Ростов-на-Дону, 1905. С. 221; Вся Донская область и Северный Кавказ на 1908 год. Ростов-на-Дону, 1908. С. 208.
174. Хроника // Приазовский край. 1907. 22 июля.
175. А. Хмурый (Лысогоренко). Ростов-на-Дону. Исторический и статистический очерк // Вся Донская область и Северный Кавказ на 1912 год. Ростов-на-Дону, 1912. С. 27–76.
176. Весь Ростов и Нахичевань н/Д. 1914. Издание Ф. С. Элькина и П. М. Кулькеса. Харьков, 1914. — Они же издали в Харькове аналогичный справочник на 1913 год.
177. Старый служащий. Памяти А. И. Тер-Абрамиан // Вечернее время. 1919. № 227. 26 марта.

Глава 3

1. Передовая о 10-летию газеты // Донская пчела. 1885. № 94. 19 декабря.
2. Передовая с итогами первого года издания // Донская пчела. 1877. № 1. 2 января.
3. Об издании «Донской пчелы» в 1878 г. // Ростов-Нахичеванский календарь на 1878 год. Ростов-на-Дону, 1877. Обложка книги.
4. Передовая по итогам третьего года издания // Донская пчела. 1879. № 1. 1 января.
5. Ред.-изд. Воздушное путешествие «Донской пчелы» // Донская пчела. 1879. № 1, 3. 1, 11 января.
6. Передовая о начале выпуска газеты в Екатеринославе // Донская пчела. 1882. № 46. 24 июня.
7. Передовая о необходимости публичных религиозных чтений для народа // Донская пчела. 1881. № 27. 19 апреля.
8. Каневский С. В. Литературное обозрение // Донская пчела. 1886. № 88, 89. 20, 23 ноября.
9. Комментарий редакции к «Положению о фабричной инспекции» // Донская пчела. 1885. № 57. 4 августа.
10. Р.-И. Краткие исторические, статистические и этнографические очерки об армянах // Донская пчела. 1877. № 38, 40, 42, 44, 48.
11. Ред.-Изд. Исторический обзор армянской журналистики // Донская пчела. 1878. № 91, 92. 3, 10 декабря.
12. См., напр.: Передовая статья; корреспонденция Аветикова из Карса // Донская пчела. 1878. № 70. 21 сентября.
13. Аршакуни М. Заграничная почта // Донская пчела. 1882. № 35. 13 мая.
14. Огуз И. Взгляд на пройденное // Донская пчела. 1891. № 9. 31 января.
15. Передовая о 13 годах издания газеты // Донская пчела. 1888. № 81. 20 октября.
16. Передовая о необходимости открыть в Ростове сельскохозяйственное училище // Донская пчела. 1879. № 47. 28 июня.
17. Nomina Nomen. Ейский фельетон. (Очерк о школах города, Кавказского наместничества и Кубанской области) // Донская пчела. 1880. № 82.

30 октября; Передовая о развитии народных школ в Екатеринославской губернии // Там же. 1882. № 76. 7 октября; Хроника. О народных школах в Ростовском уезде // Там же. 1885. № 53. 21 июля и др.

18. Хроника. Техническое железнодорожное училище // Донская пчела. 1884. № 65. 6 сентября; Передовая об истории создания Петровского реального училища и постройке его здания // Там же. 1885. № 68. 12 сентября; Корнетик. Атаманское техническое училище в гор. Новочеркасске. (Полностью приведен текст «Положения» об училище) // Там же. 1888. № 62. 14 августа и др.

19. Передовая о положении сельских учителей в Ростовском уезде // Донская пчела. 1880. № 75. 5 октября; Хроника. Об увеличении жалованья учителям земских школ в уезде // Там же. № 76. 9 октября; Хроника. Ростовские городские начальные училища. Описаны меры поддержки учителей ростовской думой // Там же. 1885. № 73. 3 октября и др.

20. Передовая о подходах к воспитанию // Донская пчела. 1877. № 33. 5 мая.

21. Передовая о системе воспитания по Ф. Фребелю // Донская пчела. 1878. № 9. 29 января.

22. Семья как главный воспитатель будущего человека // Донская пчела. 1885. № 43. 13 июня.

23. Ив. Р-ко (Романченко). Школа, учитель, народ. Заметки на ст. Рачинского «Заметки о сельских школах» в газ. «Русь» // Донская пчела. 1881. № 79. 22 октября; Его же. Прошедшее и настоящее народной школы // Там же. 1882. № 11, 13. 14, 21 февраля.

24. Начальные училища в Ростове-на-Дону // Донская пчела. 1882. № 87. 14 ноября.

25. Передовая о нехватке мест для поступающих в гимназии и реальное училище // Донская пчела. 1882. № 77. 10 октября.

26. Передовая о преобразовании духовного училища в Нахичеване и текст утвержденного Устава Армянской духовной семинарии // Донская пчела. 1880. № 64. 28 августа; Гогоевское училище для армянских девиц в Нахичеване-на-Дону // Там же. 1882. № 20. 18 марта.

27. Реформа реальных училищ // Донская пчела. 1882. № 20. 18 марта.

28. Торжественный акт в реальном училище // Донская пчела. 1886. № 68. 11 сентября.

29. Фон-Флиш. О профессиональном образовании // Донская пчела. 1888. № 33, 34. 5, 8 мая.
30. Передовая // Донская пчела. 1883. № 22. 24 марта; Передовая об отказе в приеме в мужскую гимназию // Там же. 1884. № 48. 1 июля.
31. Передовая о нехватке мест... // Донская пчела. 1882. № 77. 10 октября.
32. Передовая и текст циркуляра МНП 18 июня 1887 // Донская пчела. 1887. № 55. 26 июля.
33. Фон-Флиш. Указ. соч.
34. Передовая о подготовительных классах гимназий // Донская пчела. 1888. № 48. 26 июня.
35. Фон-Флиш. Указ. соч.
36. Аргус (Тер-Абрамиан). Передовая и проект устава профессиональной женской школы // Донская пчела. 1888. № 15, 16. 25, 28 февраля.
37. Передовая о женском труде вне семьи и профобразовании женщин // Донская пчела. 1888. № 49. 30 июня.
38. Передовая о судьбе женской профессиональной школы в Ростове // Донская пчела. 1888. № 95. 15 декабря.
39. Передовая о роли эстетического воспитания // Донская пчела. 1882. № 4. 17 января.
40. Передовая о необходимости умственного и нравственного развития рабочих и ремесленников // Донская пчела. 1880. № 22. 23 марта.
41. Норд-вест. Каширская старина. Драма в 5 действиях. Соч. Аверкиева // Донская пчела. 1878. № 32. 4 мая.
42. И. А. Театр // Донская пчела. 1878. № 79. 22 октября.
43. Каневский С. Б. Театральная рецензия // Донская пчела. 1886. № 91. 30 ноября.
44. Напр.: Новые вариации на старую тему. Открытое письмо редактора-издателя г. Казанцеву // Донская пчела. 1877. № 10. 3 февраля; Алексанов И. Письмо в редакцию. Там же. 1881. № 83. 5 ноября и др.
45. Ал. Е. К-санов (Алексанов). Театр и публика. Наброски рецензента // Донская пчела. 1884. № 38. 27 мая.

46. Городецкий М. Сцена и ее служители // Донская пчела. 1888. № 78, 82. 9, 23 октября.

47. Кресло 2 ряда. Письмо в редакцию о первом спектакле оперной труппы Медведева // Донская пчела. 1888. № 41. 2 июня; Его же. Письмо в редакцию о спектакле «Цыганский барон» // Там же. 1888. № 72. 18 сентября.

48. Передовая // Донская пчела. 1882. № 4. 17 января.

49. Чалхушьян Г. Любительский спектакль в Нахичеване // Донская пчела. 1887. № 1. 1 января.

50. П. С. Письмо в редакцию о нахичеванском драматическом обществе // Донская пчела. 1884. № 66. 9 сентября.

51. Общее собрание музыкального общества // Донская пчела. 1884. № 87. 25 ноября.

52. Собрание членов ростовского музыкального общества // Донская пчела. 1887. № 80. 29 октября.

53. Тер-Абрамиан И. «Рип-Рип». Комическая опера в 3 действиях // Донская пчела. 1886. № 84. 6 ноября.

54. Тер-Абрамиан. Малабарская вдова. Большая опера-буфф в 3 действиях и 6 картинах, перевод с французского Г. С. Вальяно, музыка Г. Герве // Донская пчела. 1886. № 87. 16 ноября.

55. Все тот же (С. Кегульский). Театральные наброски // Донская пчела. 1886. № 11. 13 февраля.

56. О концертах музыкального общества // Донская пчела. 1884. № 13. 23 февраля.

57. Общее собрание музыкального общества // Донская пчела. 1883. № 89. 24 ноября.

58. Пятый вокально-инструментальный концерт ростовского музыкального общества // Донская пчела. 1883. № 12. 17 февраля.

59. Т. Смесь. Интересная новинка // Донская пчела. 1883. № 20. 17 марта.

60. Историко-критический комментарий к сочинениям Достоевского // Донская пчела. 1885. № 94. 19 декабря.

61. Иван-да-Марья. Ф. М. Достоевский и его «Дневник писателя» // Донская пчела. 1878. № 11. 5 февраля.

62. Журнал «Дон» // Донская пчела. 1887. № 82. 5 ноября; «Север», новый еженедельный иллюстрированный журнал // Там же. 1887. № 93. 13 декабря.

63. А. Н. Островский, его жизнь и произведения // Донская пчела. 1886. № 44. 15 июня.

64. Подборка писем к 15-летию газеты // Донская пчела. 1891. № 10. 7 февраля.

65. Я-къ. Из записок одного «бахура» // Донская пчела. 1877. № 6. 20 января; Крылов А. Характер и значение русских пословиц // Там же. № 18, 20. 6, 13 марта.

66. Вопрос о выселении евреев из области Войска Донского // Донская пчела. 1879. № 78. 18 октября.

67. К-о. Ростовская талмуд-тора // Донская пчела. 1878. № 94. 17 декабря; Ф. Гнесин, ростовский раввин. Коробочный сбор в Ростове // Там же. 1879. № 67. 9 сентября; Хроника. Выборы ростовского раввина // Там же. № 83. 4 ноября; Козловский еврей. Несколько слов о деятельности Ростовского на-Дону еврейского духовного правления // Там же. 1884. № 67. 13 сентября; Передовая об установлении обязательной платы за места в синагоге // Там же. № 68. 16 сентября.

68. Гр... О предстоящих выборах казенного раввина в Ростове-на-Дону // Донская пчела. 1885. № 46. 23 июня; Его же. Еще несколько слов по поводу выборов в казенные раввины // Там же. № 47. 27 июня.

69. Выборы ростовского раввина // Донская пчела. 1885. № 48. 4 июля.

70. С-къ. Статистические заметки об Екатеринославской губернии // Донская пчела. 1882. № 47, 49, 51–53, 56, 57.

71. Приветственные письма газете // Донская пчела. 1891. № 9. 31 января.

72. Ребров Я. Донцы // Донская пчела. 1882. № 65, 68, 70; Его же. Былое и настоящее Старочеркаска // Там же. 1882. № 88, 89.

73. Борзенко В. В. Псевдонимы донских журналистов и общественных деятелей XIX — начала XX века // Донской временник. Год 2008. ДГПБ.

Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 16. С. 209–215. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=956 (дата обращения: 21.01.2026).

74. Струков И. И. Очерки по истории войска Донского // Донская пчела. 1883. № 17–19, 21, 23, 27–29.

75. Тер-Абрамиан И. А. Новочеркасск и войско Донское. Исторический и географический очерк // Донская пчела. 1888. № 20, 21, 24. 31 марта; № 34. 8 мая, № 59. 4 августа.

76. Празднование войскового круга // Донская пчела. 1887. № 75. 11 октября; Траилин Ф. Войсковой круг в Новочеркасске // Там же. 1888. № 34. 8 мая; Его же. Памятник славянским первоучителям на Задонской степи // Там же. 1888. № 71. 15 сентября.

77. Приветственные письма газете // Донская пчела. 1891. № 10. 7 февраля.

78. Экстренное заседание думы 7 ноября // Донская пчела. 1888. № 87. 10 ноября.

79. Аргус. Зейтун. Исторический очерк // Донская пчела. 1888. № 16. 28 февраля.

80. Аргус. Армяне, живущие в Армавире // Донская пчела. 1888. № 46. 19 июня.

81. Аргус. Св. Илья Пророк по представлению русского народа // Донская пчела. 1887. № 53. 19 июля; Его же. Экскурсия «Донской пчелы» на 20 июля» // Там же. 1888. № 56, 57. 24, 28 июля.

82. Аргус. Наступление Великого поста в Ростове и Нахичеване-на-Дону // Донская пчела. 1888. № 18. 10 марта; Космополит. Пасха у евреев // Там же. № 19. 13 марта.

83. Аргус. Святки. Исторические черты и значение их // Донская пчела. 1891. № 101. 29 декабря.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Опубликованные источники

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 7; Т. 44. Ч. 1; Т. 45. Ч. 1; Т. 46. Ч. 1.
2. Свод законов Российской империи. Т. 9. О состояниях. СПб., 1857.
3. Журналы Ростовской-на-Дону городской думы за 1887. Б. м. Б. г.
4. Оценка недвижимых имуществ города Ростова-на-Дону для раскладки государственного налога и других сборов на ... год. Ростов-на-Дону. 1894. 1900. 1905. 1911.

Периодические издания

1. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. Ростов-на-Дону, 1882, 1884, 1886, 1888.
2. Весь Ростов-на-Дону на 1895–1897 гг. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1895–1897.
3. Весь Ростов и Нахичеван-на-Дону на 1908. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан.
4. Вся область Войска Донского на 1899, 1900 годы. Ростов-на-Дону: Изд. А.И. Тер-Абрамиан, 1899, 1900.
5. Вся Донская область и Северный Кавказ на 1901–1905, 1907–1912 гг. Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1901–1905, 1907–1912.
6. Донская пчела. Ростов-на-Дону. Комплекты за 1877–1888; 1891–1893 — выборка.
7. Донско-Азовский календарь на 1887, 1889, 1891–1893 гг. Ростов-на-Дону: Изд. И. А. Тер-Абрамиан, 1886, 1888, 1890–1892.
8. Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1894, 1898, 1899, 1907.

9. Ростов-Нахичеванский календарь на 1875, 1876, 1878 гг. Ростов-на-Дону: Изд. И. А. Тер-Абрамиан, 1874, 1875, 1877.

10. Юг. Ростов-на-Дону, 1893–1895.

Неопубликованные документы

1. РГИА РФ. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4768.

2. СПбФ АРАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 97.

3. ГАРО. Ф. 803. Оп. 3. Д. 37–39.

Литература

1. Алексанов И. И. А. Тер-Абрамиан. Некролог // Приазовский край. 1899. 10 апреля.

2. Волошинова В. Ф. Тер-Абрамианы — просветители, инженеры, музыканты. // Донской временник. Год 2001. Ростов-на-Дону: Донская государственная публичная библиотека, 2001. С. 23–25.

3. Волошинова Л. Ф. Доходный дом книгоиздателя И. А. Тер-Абрамиана // Донской временник. Год 2001. Ростов-на-Дону: Донская государственная публичная библиотека, 2001. С. 21–23.

4. Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003.

5. Енина И. А. «Донская Пчела» в 1876–1892 годах // Донской временник. Год 2001. Ростов-на-Дону: Донская государственная публичная библиотека, 2001. С. 19–21.

6. Енина И. А. «Донская Пчела» в 1876–1892 годах // Донской архив. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2007. С. 56–60.

7. Законы о состояниях. Издание неофициальное с разъяснениями. Сост. А. Я. Канторович. Изд. 2-е, дополненное. СПб., 1911.

8. Камнев С. Из ростовской старины. Театральные воспоминания // Приазовский край. 1894. 24 мая.

9. К-ъ (И. Кольцов). С низовьев Дона // Дело. Журнал литературно-политический. М., 1882. № 8, 9, 10.

10. Кузнецов И. А. Прошлое Ростова. Очерки по истории города Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2002.

11. Мардарьев Н. Из истории «Приазовского края». К 25-летию издания газеты // Приазовский край. 1916. 1 января.
12. Самарина Н. В. Серафим Арутюнов. Огненный дух просветительства (сер. «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Ростов-на-Дону, 2024.
13. Самарина Н. В. Ростовъ — самый удивительный уездный город России. 2-е изд., исправленное и дополненное. Ростов-на-Дону, 2024.
14. Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1994.
15. Тарский А. (Тараховский А. Б.). Четверть века на страже общественных интересов. Отрывки воспоминаний // Приазовский край. 1916. 1 января.
16. Филиппов С. Поволжье, Дон и Кавказ. Путевые эскизы и силуэты. М., 1887.

Справочники и указатели

1. Борзенко В. В. Псевдонимы донских журналистов и общественных деятелей XIX — начала XX века // Донской временник. Год 2008-й. Вып. 16. Ростов-на-Дону: ДГПБ, 2007.
2. Периодическая печать дореволюционного Дона. Библиографический указатель. 1841–1916. Ростов-на-Дону, 1963.
3. Стефанов А. Т. Библиографический указатель статей о Ростове-на-Дону и Приазовье, помещенных в местной и краевой прессе // Записки Ростовского-на-Дону общества любителей истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1912. С. 233–239; Записки Ростовского на-Дону общества любителей истории, древностей и природы. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1914. С. 270–282.

Научное издание

Самарина Наталья Васильевна

ИЗДАТЕЛИ ИВАН АБРАМОВИЧ
И АРАМ ИВАНОВИЧ ТЕР-АБРАМИАНЫ
В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ. 1872–1912

Монография

Редактор А. В. Стахеева

Дизайн обложки В. В. Резвяков

Подписано в печать 16.04.2026

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman

Бумага офсетная. Печать цифровая

Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 11,59

Тираж 100 экз. Заказ № 10390

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной
продукции Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66

Иван Абрамович Тер-Абрамиан
(1835–1899)

Выпуск открыл серию, переименован затем в Донско-Азовский русско-армянский календарь
 Формат Ростов-Нахичеванского календаря на 1875 год.

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ НОВАГО УСТАВА
 О ГЕРБОВОМЪ СВОРЪ,**

КОТОРЫЙ БУДЕТЬ ВВЕДЕНЪ ВЪ 1875 ГОДУ.

Гербовая бумага, или замялюція ее марки—двухъ достоинствъ: въ 40 и въ 5 к.
 На 40-копѣчнаго достоинства гербовой бумагѣ, или съ оплатою марками въ 40 к. пишутся:
 1) Всякія прошенія, объявленія, жалобы, отвѣты, возраженія, опрочеженія, отказы, копии съ нихъ и съ прилагаемыхъ документовъ (кроме дѣлъ, производимыхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ).
 2) Выдаваемые официальные копии съ рѣшеній и проч. бумагъ, справки и всякаго рода извѣщенія, объявленія, выдаваемые въ отъясъ на прошенія частныхъ лицъ.
 3) Всякія официальные свидѣтельства и удостовѣренія. 4) Акты о передачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ. 5) Вѣршія письма. 6) Духовныя завѣщанія. 7) Обратные счета. 8) Межевыя книги. 9) Паспорта, билеты, виды и кратковременныя отсрочки.

На 40-копѣчнаго достоинства, если документъ на сумму свыше 50 р. и 5—коп., если меньше 50 руб.
 1) Купчи крѣпости, даннія и владѣтельная записи на приобретаемыя крестьянами земли.
 2) Поручительства.
 3) Сохраненія и залоговныя записки.
 4) Акци, пай и облигаціи, какъ при выпускѣ ихъ, такъ и при обмѣнѣ.

«На 5 коп. гербовой бумагѣ (или 5—к. марками оплачиваются):
 1) вообще акты и документы, совершаемые на сумму меньше 50 р.,
 2) Паспорта, билеты, виды и кратковременныя отсрочки лицамъ духовнаго званія, поселенцамъ Бессарабской губерніи, Башкирамъ, Нотаріамъ, Сибирскимъ поселенцамъ.
 Пропорціональный гербовый сборъ (т. е. соотвѣтственно суммѣ акта) взимается съ векселей, заемныхъ писемъ, а также съ подписанныхъ должниками счетовъ, со всехъ вообще долговыхъ обязательствъ, не обезпеченныхъ залогомъ и съ имущественныхъ сделокъ на сумму не меньше 50 руб. (съ условій о личномъ наймѣ, о неустойкѣ и т. п.).

РАЗБОРЪ НОВОЙ ГЕРБОВОЙ БУМАГИ.

Вексельной.		Актовой.	
Сумма актовъ до 50 р.	5 к.	50 до 300 р.	1 р. — к.
” ” 50 — 100 ”	10 ”	900 ”	2 ” — ”
” ” 200 ”	15 ”	1500 ”	3 ” 50 ”
” ” 300 ”	25 ”	2000 ”	4 ” 50 ”
” ” 400 ”	35 ”	3000 ”	7 ” — ”
” ” 500 ”	45 ”	4500 ”	10 ” — ”

РОСТОВЪ-НАХИЧЕВАНСКІЙ

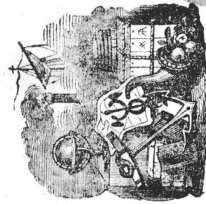
КАЛЕНДАРЬ

на 1875 годъ

Составилъ

Ростовскій Типо-Литографъ и Книгопродавецъ

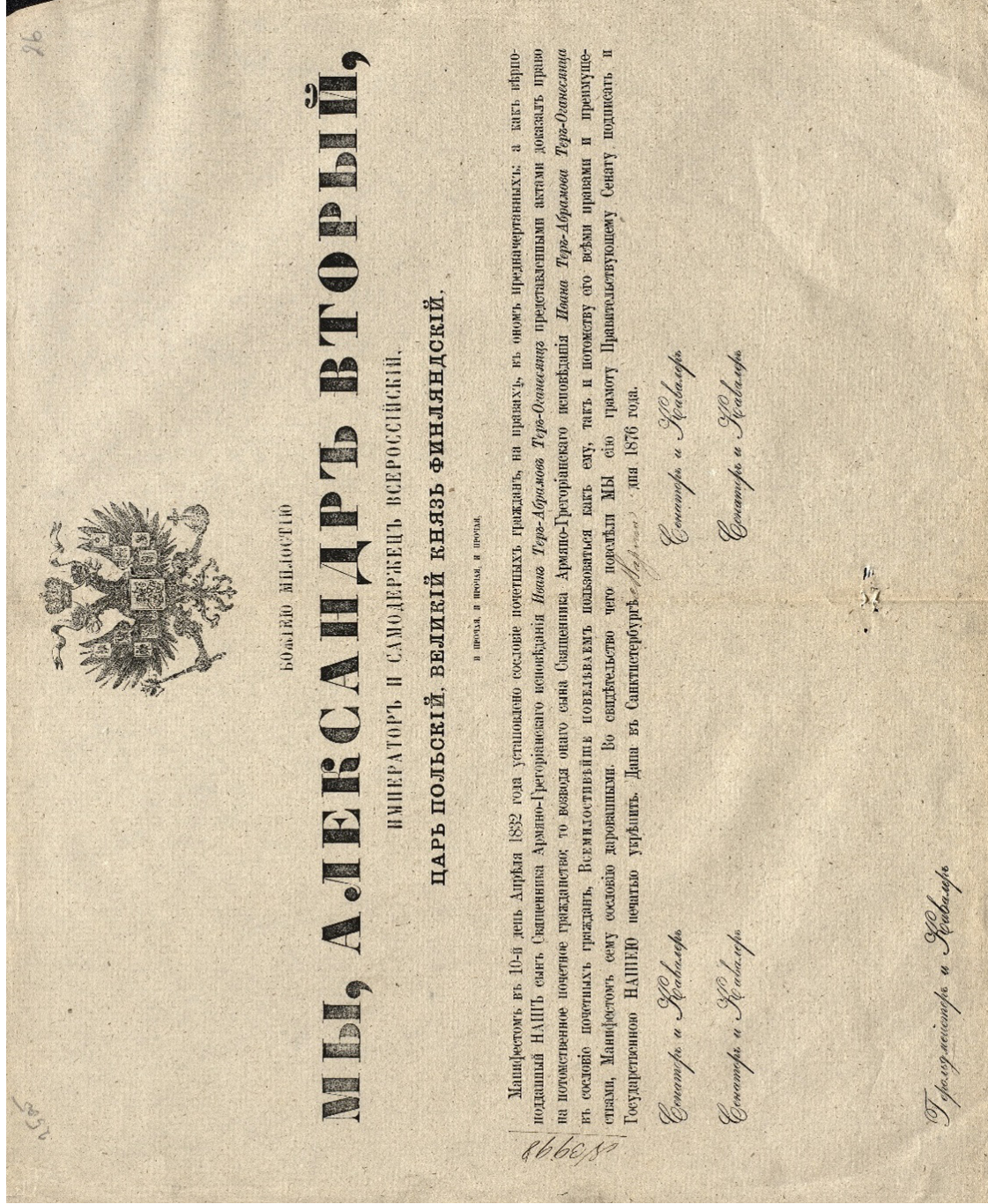
И. А. ТЕРЬ-АБРАМАНЪ,

РОСТОВЪ НА ДОНУ

Типографія И. А. Терь-Абраманъ

Копия грамоты потомственного почетного гражданина Ивана Тер-Абрамова Тер-Оганесянц. 1876 г.
РГИА РФ. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4768. Л. 25об.-26

Реклама типографии И. А. Тер-Абрамиана

3-е Приложение к объявлению

Ростовъ-Нахичеванскаго Календаря 1875 г.

ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ
И **МАГАЗИНЪ**
ПОЧЕТ. ГРАЖДАНИНА
ИВАНА АБРАМОВИЧА ТЕРЪ-АБРАМІАНЪ,
въ Ростовѣ на Дону.

Приобрѣвъ къ машинамъ типо-литографскихъ заведеній моихъ еще **Скоропечатную** машину, самой новой конструкции (отлитой въ Аугсбургѣ въ 1873 г.), и считаю долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что въ настоящее время принимаю исполненіе всевозможныхъ заказовъ, относящихся до типографскаго и литографскаго искусства, **по значительно-уменьшеннымъ цѣнамъ.**

И получилъ возможность понизить цѣны на значительные проценты, благодаря своимъ познаніямъ въ типо-литографскихъ наукахъ, каковыя познанія и приобрѣлъ **двадцатитрехлѣтними** трудами своими, служа съ 1850-го по 1853-й г. въ С.-Петербургѣ, въ типографіи **ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ**, въ качествѣ главнаго наборщика и метралажа; съ 1858-го по 1871-й въ Θεοδοσία въ Типографіи Армянскаго Халибовскаго Училища (на стѣнѣ гимназіи), въ качествѣ управляющаго типографіей, корректора и учителя въ означенномъ училищѣ и, наконецъ, съ 1872-го какъ содержатель типографіи, литографіи и книжнаго магазина въ Ростовѣ на Дону. Изъ сему видно, насколько я люблю и то, что **НОВѢЙШІЕ** и **ВЗЯЦНІЕ ШРИФТЫ** моей типографіи, **отборныя гарнитуры, бордюры, выноски, медныя позитивы** и вообще **ЧИСТОТА** и **ОТЧЕЖИВЪ** исполненныхъ мною исполненныхъ заказовъ, уже упочили за мною полное довѣріе, какъ присяжныхъ мѣстъ, находившихся въ Ростовѣ и Нахичевані на Дону и другихъ городахъ, такъ и **КОММЕРЧЕСКИХЪ КОНТОРЪ** и **ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.**

Вслѣдствіе чего, основываясь на ежедневномъ увеличеніи разнообразныхъ заказовъ въ моихъ типо-литографскихъ заведеніяхъ, и расширивъ кругъ своей дѣятельности пригласивъ новыхъ опытныхъ мастеровъ и выискивая самихъ новѣйшихъ принадлежностей для своихъ заведеній изъ-заграницы, — предлагаю свои услуги, главнымъ образомъ за точное и добросовѣстное исполненіе всѣхъ требованій, каковы: печатаніе **периодическихъ изданій, газетъ и журналовъ, формулярныхъ списковъ, приходо-расходныхъ книгъ, требовательныхъ ведомостей, обложекъ для дѣлъ, разнаго рода бланковъ и квитанцій, коммерческихъ прейс-курентовъ и счетовъ, накладныхъ, тарифовъ, этикетовъ, чайныхъ и табачныхъ обертокъ, визитныхъ и адресныхъ карточекъ, визитныхъ и водочныхъ ярлыковъ разнаго рода красками и, наконецъ, **ДРУЖИЦЪ** и разнаго рода **объявленій** для которыхъ имѣется отборный **ЗАПАСЪ** крупнѣйшихъ **РАЗНОХАРАКТЕРНЫХЪ ШРИФТОВЪ** и проч.**

Что мои заведенія действительно обратили на себя вниманіе, какъ Гг. заказчиковъ моихъ, такъ и знатоковъ типо-литографскихъ искусствъ, тому служить доказательствомъ **ПОСЛАВЕНСКОЕ ДОВОДЪ**, полученный мною изъ Екатеринославской губернской выставки, на которой мимо другихъ типографовъ — экспонентовъ, я одинъ былъ удостоенъ **публичной похвалою** и присужденъ **наградой**, въ засѣданіи Комитета 24 Сентября 1874 г.

Иногородныя присутствія, мѣста и частныя лица благоволятъ съ требованіями своими обращаться по почтѣ прямо:

въ **Контору** типо-литографіи **Ивана Абрамовича Теръ-Абрамианъ**, въ Ростовѣ на Дону.

Доходные дома И. А. Тер-Абрамиана на Большой Садовой.
Справа — приобретенное, в центре — построенное. Фото 1906–1913 гг.

И. А. Тер-Абрамиан. 1890-е годы.
Из коллекции краеведа А. Н. Овчинникова

Аладжалова Изабелла Ивановна, урожд. Тер-Абрамиан

Арам Иванович Тер-Абрамиан.
Издатель и редактор региональных справочных книг в 1895–1912 гг.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Маргарита Гавриловна и Софья Семеновна Мелконовы-Езекovy.
Позднее 1897 г. Из архива В. И. Тер-Абрамиан

М. Г. Тер-Абрамиан (урожд. Мелконова-Езекова).
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

А. И. Тер-Абрамиан.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Старшие сестры Маргариты Гавриловны Тер-Абрамиан в детстве.
Слева направо: Устинья Гавриловна (впоследствии Яблокова),
бонна сестер, Акулина Гавриловна (впоследствии Шилтова),
Елизавета Гавриловна (впоследствии Ходжаева).
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Езек Гаврилович Мелконов-Езеков,
глава семейной фирмы с конца XIX в.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Михаил Гаврилович Мелконов-Езеков.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Маргарита Мелконова-Езекова, выпускница гимназии.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Маргарита Мелконова-Езекова, выпускница гимназии.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Нахичеванцы в Карлсбаде. 1900–1910 гг.
Из фондов РОМК. В Госкаталоге номер
39761234. Слева направо: Хатранова Н. Я.
(урожд. Хлытчиева), Мелконова-Езекова С. С.,
Ходжаева Е. Г. (урожд. Мелконова-Езекова),
Тер-Абрамиан М. Г.,
Ходжаев К. Е. и Царуков Е.М.

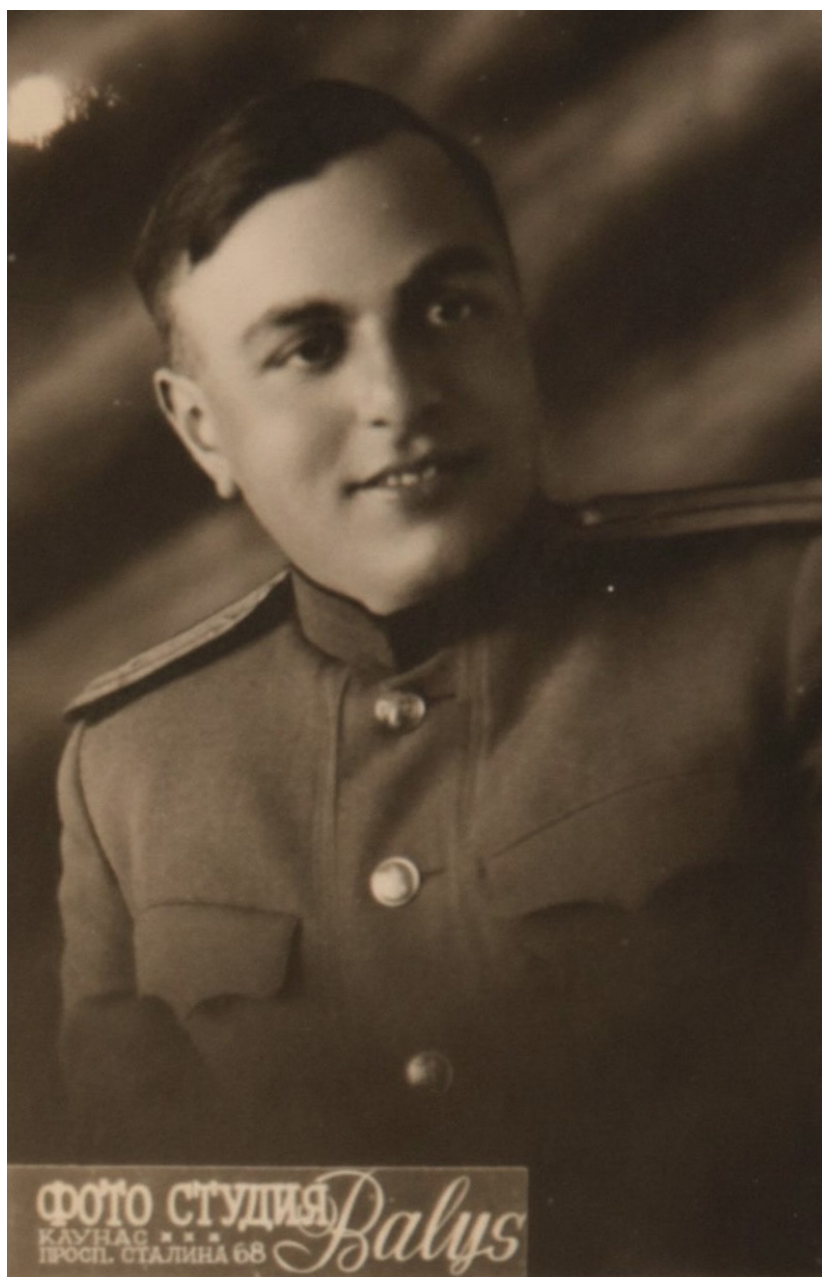
Hammerfotograf
PRAG, KARLSBAD.

М. Г. и А. И. Тер-Абрамиан на отдыхе.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Единственный сын
М. Г. и А. И. Тер-Абрамианов Иван Арамович
в школьном возрасте

Единственный сын
М. Г. и А. И. Тер-Абрамьянов
Иван Арамович
в конце Великой Отечественной войны

Иван Арамович Тер-Абрамиан с женой Любовью Дмитриевной
и старшим сыном Александром.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан

Группа жильцов у входа в коммунальный дом (б. Яблоковых)
с ул. Шаумяна (б. Дмитриевской). 1961 г.
Тер-Абрамианы проживали здесь в 1920–1960-х гг.
На руках у молодого человека в форме — Виктор Тер-Абрамиан,
крайняя справа — Л. Д. Тер-Абрамиан.
Из архива В. И. Тер-Абрамиан